ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 7 (4449)

13 февраля 1974 г. СРЕДА

ИДЕТ ЧЕТВЕРТЫЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ГОД ПЯТИЛЕТКИ. СОВЕТСКИЙ НАРОД, СЛЕДУЯ ПРИЗЫВУ ПАРТИИ, ВДОХНОВЕННО ТРУДИТСЯ НА БЛАГО РОДИНЫ.

Писатели — на стройках пятилетки —

стр. 3

«Курская магнитная аномалия». Более трех лет здесь действует писательский пост журнала «Знамя». О проблемах и заботах КМА, ее людях, трудовых свершениях рассказывает сегодня Вадим КОЖЕВНИКОВ.

В Челны ведут сегодня
тысячи путей
И ветер века здесь
острее с непривычки,

— так написал о КамАЗе татарский поэт Сибгат Хаким.

Мы публикуем сегодня рисунки художника И. Пчелко, сделанные в Набережных Челнах.

Садам цвести! Размышления молдавского прозаика Иона К. ЧОБАНУ *посвящены аграрно-промышленным объединениям, таким, как межколхозсад «Память Ильичу».*

В ноябре 1974 года войдут в строй [illegible] первых агрегата Токтогульской ГЭС. Репортаж с берегов Нарына ведет народный поэт Киргизии Темиркул УМЕТАЛИЕВ.

Фото В. ЯКОВСОНА и ТАСС

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

Продолжаем обсуждение статей «Грани рабочей темы» и «Разговор книгопродавца с поэтом».

стр. 4

ПОЭЗИЯ

Анатолий Софронов — из новой книги стихов

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Штрихи к портрету Янки Брыля

стр. 6

Академик
С. СЕВЕРИН

ФЛАГМАН СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Старейшей и главнейшей научной организации нашей страны — Академии наук — исполнилось 250 лет. Два с половиной века — это не просто очень большой срок, это целая череда эпох: исторических, экономических, научных. За это время Россия прошла громадный путь от отсталой дворянско-крепостнической страны до передового и могучего социалистического государства, а наша наука преодолела расстояние от первых описательных исследований до открытия основных законов строения материи, Вселенной, до познания тайн жизни.

Русская наука дала миру множество блестящих имен. Но, несмотря на обилие талантливых ученых, дореволюционная академия, не пользовавшаяся поддержкой правительства, оставалась второстепенным учреждением, оказывая лишь косвенное влияние на государственные дела.

Настоящий расцвет, свое второе рождение Академия наук пережила после Великой Октябрьской социалистической революции. Коммунистическая партия всегда придавала науке громадное значение в построении социалистического общества. Уже в апреле 1918 года, в самое напряженное для молодого Советского государства время, В. И. Ленин сделал набросок плана научно-исследовательских работ в Академии наук. Для подъема народного хозяйства, для ликвидации разрухи в стране, для достижения современного уровня развития промышленности необходимо было привлечь опыт и знания ученых. Наука стала государственным, партийным делом. В первые же годы Советской власти в составе академии — впервые за ее историю — была создана сеть научно-исследовательских институтов. Благодаря этому академия стала не только собранием ученых, но и центром научной деятельности. Уже в те годы были выполнены крупнейшие научные работы.

Второй этап развития академии связан с ее переездом в Москву в 1934 году. Значительно увеличилась широта научной тематики. В состав высшего научного органа страны была введена Коммунистическая академия.

Особо значительные успехи достигнуты советскими учеными в последние годы. Нашим исследованиям свойствен широкий и многоплановый подход, который возможен благодаря комплексному решению проблем в рамках академии. Именно такой подход обеспечил общепризнанные выдающиеся успехи на переднем крае научного поиска — в овладении атомной энергией и изучении космоса, в познании молекулярных механизмов живого и создании электронно-вычислительной техники...

Коммунистическая партия и Советское правительство, продолжая ленинскую политику, постоянно заботятся об удовлетворении нужд науки, всемерно содействуют развитию исследований во всех концах нашей Родины. Сегодня успешно работают филиалы академии, республиканские академии наук, создано Сибирское отделение, образованы Дальневосточный и Уральский научные центры, комплексные города науки в Пущине, Ногинске, Красной Пахре.

Ныне Академия наук СССР — высшее собрание лучших представителей отечественной науки, ее штаб и мозг. С ней для людей во всем мире связаны достижения и победы наших исследователей.

Советские ученые вносят свой вклад в строительство коммунистического общества. Нет сомнения, что высокая награда, которой отмечен 250-летний юбилей Академии наук СССР, — орден Ленина, — налагает на всех научных работников обязанность и дальше развивать ведущие научные направления, способствовать скорейшему внедрению своих достижений в практику и тем самым содействовать всенародному делу успешного выполнения решений XXIV съезда КПСС, заданий пятилетки.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О награждении писателя Кулешова А. А. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Кулешова Аркадия Александровича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 5 февраля 1974 г.

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ ГЛАВНОЙ ТЕМЕ ХУДОЖНИКА — ТЕМЕ ТРУДОВОГО ЧЕЛОВЕКА!

ВЕЛЕНИЕ СЕРДЦА

«Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой» — бесконечно молодые слова не давно написанной, но будто нынче сложенной песни! Это гимн не только тем, кто возводил Днепрогэс, строил Магнитку, а позже осваивал целину, но также и тем, кто самоотверженностью в труде сегодня стремится превзойти своих славных предшественников.

Новое время рождает новых героев. Новым героям — новые песни. Живущий в Тюмени прозаик Константин Лагунов рассказывал, что недавно на Самотлоре он услышал задорную песню, а автор ее — даже непрофессиональный литератор, «обыкновенный помбур», как для краткости именуют помощника бурового [illegible] не [illegible] несколько запомнившихся мне строк:

Ах, Самотлор мой,
Самотлор —
Трубач и запевала, —
Таких героев до сих пор
Стране еще не знала!

В словах этих — восхищение первопроходцами пятилетки нынешней. Их армия ширится день ото дня, час от часу. Это люди новой формации, новых взглядов на жизнь, на свое в ней место. Их труд восхищает нас повсюду, на любом заводе, в любом колхозе. Их часто называют маяками, и они этого вполне заслуживают.

У нас немало делается для того, чтобы в литературе был достойно запечатлен трудовой подвиг народа, чтобы в наших книгах с новой и новой силой возникал образ рабочего человека, образ, который всегда служит вдохновляющим примером в жизни для многих, в первую очередь для юношества.

Писательская организация страны проявляет заботу о том, чтобы связи литераторов с заводами, колхозами становились все прочнее, органичнее. Ведь именно там, в цехах заводов, на колхозных полях, творится главное чудо нашего времени — доблестно, самоотверженно крепит трудом свою Родину тот, кому самою судьбой предначертано быть главным героем литературы.

Очень ценным представляется мне начинание молодого российского издательства «Современник», практикующего метод социального заказа на книги о людях трудового подвига.

Социальный заказ — давно апробированная форма работы, которую надо бы распространять шире, смелее. Кое-кого из наших братьев-литераторов нужно иной раз не только «зажечь», но и сделать более легким на подъем. Но об этом — разговор особый...

100 СТРОК
НА АКТУАЛЬНУЮ ТЕМУ

Изображая человека труда, всегда испытываешь чувство большого внутреннего удовлетворения. Среди рабочих людей, к жизни которых я приглядываюсь особенно пристально, есть автомобилестроитель из Тольятти — Геннадий Муртаков. Мы познакомились минувшим летом. Меня расположил к себе этот скромный, вдумчивый человек. Сегодня мы переписываемся, будто знакомы уже много лет. Когда случится приехать в Москву, Геннадий бывает у меня дома. Скоро мне, в свою очередь, предстоит отправиться на берега Волги. Опять увидимся, снова будем говорить о жизни, о литературе. А разговоры эти очень и очень интересны, показательны...

Чем же привлекателен этот человек? Прежде всего предельно добросовестным отношением к порученному делу. Да, именно эта черта представляется самой существенной в характере Геннадия. Да и не только его, но и тысяч, миллионов таких, как он. Герои наших будущих книг, о которых сейчас думаю и я, думают и мои собратья по перу, такие вот увлеченные трудом люди...

Эпоха, в которой живем, всех нас зовет в новые дороги, подсказывает новые книги, новые замыслы. От нее и исходит самый важный социальный заказ. Больше внимания главной теме художника — теме трудового человека! Много сделано, но еще больше — впереди.

Виктор ТЕЛЬПУГОВ

КОММЕНТАРИЙ
К СОБЫТИЮ

МОСКОВСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ — ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЕ УЧАСТНИКИ КИПУЧЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОЛЛЕКТИВОВ, ЛЕТОПИСЦЫ ИХ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ДЕЛ.

ДОГОВОР ОБЯЗЫВАЕТ

В минувшую среду в ЦДЛ имени А. А. Фадеева состоялось совместное партийное собрание писателей-коммунистов столицы с представителями рабочих коллективов заводов «Динамо», «Памяти революции 1905 года», электровакуумных приборов, Второго часового завода и комбината «Трехгорная мануфактура», с которыми был заключен недавно договор о творческом содружестве. На собрании, посвященном итогам декабрьского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС, шел разговор о долге писателя, о долге человека труда перед партией и народом, о личном вкладе каждого из нас во всенародную копилку, о месте литератора в рабочем строю.

Секретарь партнома Московской писательской организации Владимир РАЗУМНЕВИЧ рассказывает:

— Это было необычное собрание. Хотя бы уже потому, что в таком составе, со столь широким представительством общественности московские писатели еще не собирались. И сами выступления с трибуны были яркими, содержательными, и свидетельствовали они о кровной связи, единстве целей и общности задач художников слова и тех, кто вышел строить и месть, показали, насколько близко к сердцу принимают факт заключения договора о творческом содружестве и писатели, и рабочие.

Многие московские литераторы уже сегодня получают постоянные пропуска на заводы и фабрики.

Рассказы о героях труда в газетах, журналах, сборниках; очерки, документальные повести о таких славных представителях рабочего класса, как Николай Злобин и Мария Иванникова, Юрий Дьяков и Виктор Дюжев, Екатерина Ермакова и Владимир Копелев, — штрихи прекрасного портрета нашей столицы, в создании которого принимают участие писатели. Вот несколько конкретных примеров. Зоя Воскресенская начала работу над книгой о первой героине «Трехгорки» прядильщице Валентине Александровне Погибелевой. Евгений Воробьев пишет документальную повесть о знатном рабочем завода «Памяти революции 1905 года» Александре Калиновиче Маркове, а Иван Падерин, Михаил Барышев, Василий Гришаев, Андрей Меркулов — очерки, героями которых также являются рабочие-передовики.

Скажу еще, что писатели пришли на собрание не с пустыми руками: они принесли новые стихи и песни, посвященные трудовой Москве, вручили заводским коллективам более пятисот книг с дарственными надписями. Таково начало нашей работы. Наступивший год будет очень напряженным, ответственным. Пятилетка зовет, и договор обязывает.

ПУБЛИЦИСТИКА — ПЕРЕДНИЙ КРАЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В рабочем строю пятилетки шагает наша литература. Самый подвижный ее отряд — публицистика. Образы героев пятилетки — рабочих, колхозников, ученых, инженеров, открытие и «введение» в литературу пластов нового жизненного материала — главное направление поисков публицистов.

Уже состоялось широкое совещание писателей и деятелей телевидения, радио и документального кино, организованное Советом по очерку и публицистике при правлении СП СССР. [illegible] пройдет пленарное заседание совета. Оно обсудит чрезвычайно важный, выдвинутый самой жизнью вопрос — «Проблемы девятой пятилетки в очерково-публицистических произведениях документального кино, радио и телевидения».

В связи с этим корреспондент «ЛГ» обратился к секретарям правления Союза писателей СССР, председателям Совета по очерку и публицистике Н. Грибанову и К. Симонову с просьбой охарактеризовать важнейшие задачи очерка и публицистики, задачи писателей на телевидении, радио, в документальном кино.

Их ответы публикуются на стр. 2

ПЯТИЛЕТКА: ПРОБЛЕМЫ, СУЖДЕНИЯ

- РАЗМЫШЛЕНИЯ ДОКТОРА ФИЛОСОФСКИХ НАУК Г. ЗИМАНАСА О СОРЕВНОВАНИИ
- ЗАПИСКИ ИНЖЕНЕРА О ПОИСКЕ НОВАТОРОВ

стр. 10

ПУБЛИЦИСТИКА — ПЕРЕДНИЙ КРАЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НАХОДКИ И ПОТЕРИ

Николай ГРИБАЧЕВ

ПОКА никто не дал исчерпывающего определения того, что такое публицистика, но практика показывает, что действует она на передовой линии современности и флангами своими врастает в литературу и журналистику. Подобно бионике, работающей на стыке многих наук, она черпает из разных источников: берет от журналистики информативность и обостренность внимания к фактам, явлениям, событиям сегодняшней жизни, от социологии, политики, философии — методы исследования и широту обобщений, от литературы — метафоричность, образность, стремление к типизации, лаконизм и эмоциональность, живость формы.

Поэтому к жанру публицистики мы относим и статью, которая соответствует перечисленным выше условиям, и определенные виды полемики — замечу мимоходом, что полемичность публицистики придает ей особую энергичность и динамику, — и хороший, с размышлениями очерк, при условии, что это не просто описание чего-либо, и путевые заметки типа тех, которые писали Б. Стрельников и И. Шатуновский, и хороший фельетон, если он ориентирован на образцы, которые оставили М. Кольцов, И. Ильф и Е. Петров, а не является чуть «олитературенным» обзором писем.

Наконец, в последние десятилетия у нас появились и бурно развиваются радио-, теле-, кинопублицистика. При верности общим принципам каждый из этих «родов войск» имеет свою специфику в «формах овеществления» и свои проблемы, тем более острые, что тут неизмеримо меньше исторически выверенных образцов и часто приходится пахать по целине.

Рассмотрению этих проблем и уделяет сейчас первостепенное внимание Совет по очерку и публицистике при правлении Союза писателей СССР. И надо сразу признаться, что как самим создателям новых жанров публицистики, так и нам во многом приходится идти ощупью. Поэтому и выступления носят не характер критики — тут важно не «двойки» и «пятерки» ставить, важно совместно разобраться в интересах дела, — а характер размышлений. Конечно же, ни у кого не вызывает сомнения необходимость более энергичной работы писателей — а я добавил бы: и журналистов прессы, — с микрофоном на кино- и телестудии. Это ведь не просто желательность, а веление времени — телевидение, например, имеет самую массовую, многомиллионную аудиторию, оно комплексно — это и книга в переводе на живое действие, и очерк, и политический обзор, и полемика. Пожалуй, только фельетон еще не успел прижиться на телеэкране — надо думать, что именно пока, поскольку в кино с «Фитилем» он уже прочно внедрился.

Совершенно естественно, что литература должна стремиться к использованию этих необычайных возможностей для расширения своего фронта действия, особенно для участия в решении важнейших проблем современной жизни. Просто невозможно представить, как могли бы советские писатели при всеобщем к ним уважении и доверии замкнуться в «чистой литературе» — такая литература и вообще напоминает мертвую, дистиллированную воду, — когда вся страна работает в духе Обращения ЦК КПСС, которое наши люди расценивают, с одной стороны, как величайшее доверие к их разуму и чувству патриотизма, а с другой — как расширение общенародной коллегиальности в решении государственных проблем, — как могли бы остаться равнодушными к событиям на международной арене, где наша страна играет исключительную роль.

Нет, советские писатели помнят свою великую родословную и понимают свои задачи. Дело сейчас в том, чтобы наладить правильные повседневные отношения «заинтересованных лиц» — в прошлом тут были и недоразумения, и конфликты, — искать такие темы и формы для них, чтобы всем было интересно. Искать и творить при взаимопонимании! Многое в этом направлении сделано, многое коллективными усилиями писателей, журналистов, работников радио, телевидения, кино предстоит сделать. Важно одно — меньше общих заверений, больше практической работы.

Мне кажется, хотя я допускаю и дискуссионность такого толкования, что сейчас наиболее определилась в основных чертах международная телепублицистика. Особенно, быть может, выделяется в своем жанре Валентин Зорин. Можно спорить о равноценности его передач: одни лучше, другие потороплявее, побледнее, — но это боевой, мыслящий, хорошо эрудированный и энергичный публицист, умеющий соединить зрительный материал с темпераментным комментарием, факт с широким обобщением. Своеобразным и новым видом телепублицистики представляются мне выступления Юрия Жукова с ответами на письма зрителей и слушателей. Кстати сказать, в его лице мы имеем как раз то соединение публициста в прессе с публицистом на телеэкране, которое может явиться примером для подражания.

Много интересного можно найти в работе и других телемеждународников, но подробный разбор — задача особой статьи. В целом же можно сказать, что раздел ведется умело, и следует только пожелать поиска новых форм, в частности, подумать и о международном телефельетоне, быть может, даже с привлечением художников-карикатуристов. Почему бы нет? Сложности тут несомненны, но и перспективы заманчивы, тем более что западный антисоветизм и антикоммунизм, поначалу как бы сбитые в нокдаун разрядкой международной напряженности, сейчас переходят в этакое паническое наступление с применением столь дешевых и даже грязных средств, что они прямо-таки сами напрашиваются на ювеналовы бичи сатиры. Другого эти старьевщики с идеологического Хитрова рынка просто не заслуживают.

Несколько сложнее, по мнению многих, развивается телепублицистика на внутренние темы. Здесь из писателей следует в первую очередь отметить Георгия Радова, знатока села и его проблем, выступающего квалифицированно и содержательно; новаторские по форме, человечные и волнующие собеседования с участием Валентины Леонтьевой, некоторые другие передачи. А при всем том именно по этому разделу существуют и заслуживающие внимания неясности.

Минувший год, что всем известно, был для страны напряженным по задачам и ритму созидания, но закончился огромными успехами и в промышленности, и в сельском хозяйстве. И телевидение, надо отдать ему должное, не поскупилось на текущую информацию с полей, фабрик, заводов, на интервью с передовыми людьми. Это его несомненная заслуга. Однако информация дает факты, в лучшем случае с беглыми комментариями, но по своей природе не может объяснять глубинную сущность процесса, его движущие силы, сообщает о победе, не показывая сражения. Между тем давно известно, что и победа предстает во всем блеске только тогда, когда видны трудности, преодоления на пути к ней, — они одновременно являются и мерой ее, и поучительным опытом.

В минувшем году созрел хороший, небывало щедрый урожай, но убирать его пришлось при плохой, временами при прямо-таки отвратительной погоде («погодных условиях», как принято выражаться ныне) — лили дожди, спотыкалась и путалась пшеница, раскисали поля, затрудняя работу комбайнов, отверзались хляби дорожные, тормозя вывозку зерна. И все же урожай был собран при минимальных для таких условий потерях. За счет чего? Чем это было обеспечено? Высокой организованностью, сознательностью, патриотической самоотверженностью и энтузиазмом людей, разнообразной и мощной техникой, и за всем этим стояла многолетняя целенаправленная работа ЦК нашей партии. Как понятен был бы героизм колхозников, рабочих совхозов, партийных работников, если бы мы увидели все это в публицистически-очерковых материалах на телеэкране, как поучительно было бы это для отдельных людей и всех нас, вместе взятых! Но таких развернутых материалов не было, информация заменить их не могла, и когда в конце года за небывалый урожай многим достойнейшим людям было присвоено звание Героя Социалистического Труда, мы лишь умозрительно, каждый в меру своих возможностей, могли представить совершенный ими подвиг. А ведь разговоров о необходимости показывать человека в трудах его было немало.

Не будем укорять за это только телевидение (или, если пользоваться штампом, «направлять укоры в адрес», поскольку теперь даже спортивные телекомментаторы говорят не «аплодисменты игроку», а «аплодисменты в адрес игрока»). Литераторы наши тоже могли бы сделать гораздо больше, особенно молодые, для развития творчества которых такая работа драгоценнее живой воды. Суть не в том, чтобы искать того «серого», на которого можно все свалить, — суть в том, чтобы найти наилучшую ориентацию для публицистики, в том, чтобы шире, содержательнее, ярче и достовернее показывать в конкретном облике гигантское социалистическое созидание в нашей стране и людей, наилучшим образом, умно, с энтузиазмом, а порой и самоотверженно делающих свое дело. Не чуждаясь, конечно, и трудностей, и критики, когда ее заслуживают. С учетом того, что там, где исчезает подлинная жизнь, исчезает и правда о ней.

Ко всему тому следует сказать, что для телевидения все это осложняется тем, что публицистикой и публицистичностью пронизываются все программы. Ираклий Андроников сказал, например, что он слушал музыкальную программу и она была несомненной публицистикой. Почему бы нет? Скажем, публицистичны и высокой познавательной ценности были передачи по истории музыки — доверительные по тону и доказательные, пронизанные тонкой полемичностью. Однако на музыкальном экране есть не только находки, но и потери.

Безусловно, нужны развлекательные передачи, безусловно, нужна эстрада с включением достойных музыкальных и песенных новинок — кто спорит. «Делу время, потехе час», — говорят в народе. Но не теряется ли тут иногда чувство времени, особенно за счет бессодержательных песен и повторов? Раз прошло, второй идет, третий... Что ни говори, а в отличие от выдающейся кинокартины, которую смотрят повторно на условиях добровольности, на телевидении, особенно по первой программе, это для огромного количества телезрителей принудительный ассортимент, «отработанная информация». Можно сказать в оправдание — пишут письма, просят. Что ж, может быть, и так, но тех, кто пишет и просит, сотни, тысячи, десятки тысяч наконец, а тех, кто должен смотреть вторично или уходить от телевизора, — миллионы. Значит, есть тут о чем подумать. Может быть, организовать для любителей повторные просмотры в субботу или воскресенье с утра пораньше?

Но вернемся к публицистике. В свое время на телевидении была найдена великолепная новинка — «Клуб кинопутешествий». Его передачи смотрели целыми семьями, потому что в дом, вещные и зримые, входили страны и континенты, его «заседания» представляли огромный познавательный интерес, и [illegible] были в лучшем смысле публицистичны. Но во второй половине минувшего года передачи «Клуба» стали [illegible] цельными, стала заметнее особая любовь к [illegible] сюжетам при оскудении публицистичности. В чем причина — в нехватке материалов? И это может быть — страшно даже подумать, сколько их потребляет в один день телевидение! Но вместе с тем напрашивается и вопрос: а нельзя ли шире использовать географию нашей страны? Ее природа так разнообразна и столько удивительного делается в каждой республике, крае, области, даже районе!

В прошлом году мне довелось побывать в совхозе Чикский под Новосибирском. Чуть дымчатая равнина от горизонта до горизонта (территория совхоза — семьдесят километров в поперечнике!), лесные куртины, напоминающие посадки, и посадки, напоминающие куртины, комбайны, выстроившиеся колоннами в ожидании, пока подсохнет тронутая утренней моросью пшеница, — никак не верилось, что это Сибирь, а не Кубань! А еще тут современно отстроенная усадьба, радиоцентр для связи с бригадами, великолепные промтоварный и продуктовый магазины, ферма породистых лошадей — такие это красавцы на выводке, что глаз не отвести. Чем не публицистический при надлежащем тексте сюжет для «Клуба кинопутешествий»? Ведь к Сибири у нас, как, впрочем, и во всем мире, приковано особое внимание, — там расправляет мускулы титан! — а вот зрительно мы ее представляем кое-как, с пятого на десятое. Да ведь не только о Сибири это можно сказать — у нас огромная страна, в которой повсеместно бок о бок с лирикой пейзажа и ландшафта идет эпос обновления. При хорошей разработке сюжетов и с учетом, что телевидение все больше становится цветным, все это захватывающе интересно.

Важная тема публицистики — природа. Отношение к ней кое-где частенько достойно критики — [illegible], — и наша пресса [illegible] не скупилась. Между тем делается у нас и много доброго. Миллионы людей принимают участие в охране природы, преобразуют ее — высаживают и растят новые леса, поворачивают реки, создают рукотворные моря, восстанавливают почти исчезнувшие виды животных и птиц, акклиматизируют новые. Все это также социалистическое, общенародное творчество, в котором сходятся усилия множества людей, науки, техники. Так, не следовало бы, к примеру, вытеснить подобными темами хотя бы повторы — ну хоть фигурного катания в соревнованиях на «Кубок», которые передавались с места действия, повторялись еще и еще раз, а вдобавок два дня подряд дополнялись фрагментами в перерывах хоккейных матчей «Спартак» — ЦСКА и «Динамо» — «Крылья Советов»? У нас любят фигурное катание — я в том числе, — наравне со звездами экрана и театра ценят его мастеров. Но искусство — в том числе искусство рассказа и показа — это прежде всего чувство меры. И еще — телевизионное время во всем мире ценится на золотой стандарт. И еще — ведь фигуристов мы снова увидели на первенстве европейском, а вскоре увидим и на мировом, возможно, в цветном изображении, — многие же интереснейшие и важные события, в том числе определяющего года пятилетки, безгласно канут в Лету.

Еще раз подчеркну: мы только начинаем разбираться коллегиально в нынешних проблемах публицистики, и мои попутные замечания носят всего лишь характер раздумий. Тем более, что телевидение — сфера деятельности относительно молодая, необычайно сложная и трудоемкая. К тому же обязательно следует отметить, что наше телевидение резко отличается от западного разумностью и содержательностью программы в целом, человечностью и достоинством, у него много изобретательности и удач. То же самое с чистой совестью могу сказать и о радио. Но сейчас, когда начат живой разговор по широкому кругу задач публицистики и ее вкладу в выполнение планов девятой пятилетки, нам нужно искать и включать в дело резервы, смелее выводить на новые творческие рубежи. С той же основательностью и требовательностью, как делают это на фабриках, заводах, в колхозах и совхозах — повсеместно. Шагать в едином строю!

Сил у нас, талантов в достатке, и, работая напористо и без скидок, трезво отдавая себе отчет в наших целях, издержках и достижениях, задачи свои мы выполним.

ЗАДАЧА НОМЕР ОДИН

Константин СИМОНОВ

РАЗМЫШЛЯЯ о месте писателя в рядах строителей девятой пятилетки и говоря в этой связи об очерке и публицистике, надо отметить, что радио, телевидение, документальное кино все чаще обращаются к этим наиболее оперативным жанрам литературы. И в этом заложены совершенно новые возможности общения литературы с широкими, можно сказать, с огромными массами людей. Публицистика всегда стремилась к тому, чтобы сказать свое слово возможно большему числу людей. И это давнишнее стремление становится все более важной чертой нашей литературной жизни.

Человек и его дело всегда были главным объектом исследования советской литературы. Не удивительно, что именно эта проблема сейчас заняла столь большое место не только на страницах печати, но и на телевидении, на радио, в документальном кино. Вот почему нынешней весной в Москве, в Центральном Доме литераторов, состоится широкий пленум нашего Совета по очерку и публицистике, который осмыслит задачи этих жанров на материале документального кино, телевидения, радио.

Почему мы избрали для своего первого пленума именно этот ракурс работы наших очеркистов и публицистов? Потому что в повседневной работе литератора кинематограф, телевидение и радио все заметнее становятся ее неотъемлемой частью. И это определено самой природой этих искусств. Не удивительно, что и на телевидении, и на радио уже упрочились некоторые так называемые «писательские передачи», имеющие громадную аудиторию. Иные из этих передач приобрели законную популярность и привычно ассоциируются с именами писателей, которые ведут их. Все большее число писателей работает в документальном и научно-популярном кино.

И все же, учитывая те гигантские аудитории, которые предоставляют писателю кино, телевидение и радио, и громадную силу их воздействия на зрителей и слушателей, одной из самых главных задач нашего совета мы считаем необходимость активизировать работу публицистов и очеркистов в этом направлении. Достаточно вспомнить о всесоюзности нашего телевидения, радио и кино, о том, что десятки наших городов имеют телецентры, что любое событие может быть мгновенно «увиденным» и «услышанным» в любой точке нашей огромной страны, чтобы понять, какое важное поле деятельности здесь ждет писателя.

Дело не только в том, чтобы Центральное телевидение шире использовало писателей, живущих в столице, но и в том, чтобы материал жизни, собранный и накопленный литераторами, живущими в республиках, краях, областях, стал предметом разговора с телеаудиторией страны. Дело еще и в том, чтобы в каждом городе, где действует телецентр или радиоцентр и где живут профессиональные литераторы, наши усилия были прочно соединены. Все писательские организации должны считать телевидение и радио своей важной, постоянной и самой оперативной трибуной, своим, так сказать, издательством на экране и в эфире.

Несколько слов о работе писателей в документальном и научно-популярном жанре кинематографа. Мне кажется, что одним из препятствий для более широкого привлечения писателей в документальное кино являются некоторые обветшалые правила предварительного написания литературного сценария, который, по букве закона, должен быть сдан до начала производства фильма. Когда идет речь о художественном фильме — это понятно. Но как быть с документальным фильмом? Если сравнить литературные и окончательные сценарии огромного большинства таких фильмов, нетрудно установить: в документальной ленте очень многое, а иногда почти все просто невозможно сделать по заранее заготовленному сценарию. Невозможно, ибо жизнь мчится, события меняются, ежечасно возникают новые ситуации и повороты темы, которые сценаристу не могли прийти в голову до начала съемок.

Конечно, у писателя с самого начала должны быть ясный замысел и точная цель. Но хорошие документальные фильмы о жизни людей не делаются по заранее во всех подробностях расписанному литературному плану. И когда жизнь меняет ход съемок — жизнь имеет на это право. И это должно быть предусмотрено с самого начала работы писателя над документальными фильмами.

Говорят, что писатель на телевидении — большая сила. Суть мысли, по-моему, правильна. Но в какой степени наше бурно развивающееся телевидение использует наши обширные писательские силы? Думаю, что все еще недостаточно. И добавлю, что скорее по нашей вине, чем по вине телевидения. Думается, что сейчас, в разгар пятилетки, писателям самая пора встретиться со своими товарищами — кинематографистами, деятелями телевидения и радио — и по-деловому обсудить, как сделать так, чтобы мы работали в дальнейшем и сплоченнее, и плодотворнее, чем до сих пор.

С этой целью и соберется пленум нашего совета, поставив на обсуждение вопрос «Проблемы девятой пятилетки в очерково-публицистических произведениях документального кино, радио и телевидения».

Лично я воспринимаю работу в документальном кино, на телевидении и радио как неотъемлемую часть своей писательской жизни, не только как профессиональную необходимость, но и как духовную потребность.

Сейчас я заканчиваю сдачу в журнал «Дружба народов» своих военных дневников и воспоминаний 1942, 1943 и 1944 годов. Вторая главная для меня работа, которую я уже год как начал и которой будут отданы ближайшие полтора года, — полнометражный документальный фильм-поэма «Шел солдат». Я буду делать его вместе с режиссером предыдущего нашего фильма — «Чужого горя не бывает» — Мариной Бабак на Центральной студии документальных фильмов. Нам хочется показать на экране подвиг советского солдата, победителя в войне с фашизмом. Предстоит настолько ответственная, большая и кропотливая работа, что я, очевидно, до самой весны 1975 года буду заниматься только ею и ничем больше.

ИЗ БЛОКНОТА НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ПОЧТА ИРАКЛИЯ АБАШИДЗЕ

Почта принесла поэту Ираклию Абашидзе письмо: «С радостью сообщаем Вам, что наши колхозники хорошо поработали в третьем, решающем году девятой пятилетки. Недавно мы единодушно избрали Вас почетным членом клуба «Дружбы народов», организованного в связи с 50-летием образования СССР. Собираемся приехать к Вам для вручения удостоверения почетного члена клуба «Дружбы». Ждем Вас на нашей чувашской земле... По поручению колхозников председатель колхоза «Герой» Георгий Астраханцев. Чувашская АССР, Чебоксарский район».

В этом письме, пожалуй, отразились типичные черты советского образа жизни, нерасторжимая связь литературы с народом, дружба между людьми разных национальностей. И я записал в своем блокноте: «Проследить за дальнейшей судьбой письма Астраханцева».

Вскоре на страницах грузинской республиканской газеты «Комунисти» появился «Ответ чувашским товарищам», написанный И. Абашидзе. А еще через некоторое время это стихотворение в переводе на русский язык Н. Евстафьева было напечатано в газете «Советская Чувашия»:

Сотни дорог меж нами.
Степи, поля и воды.
Дружбы и братства знамя
Объединило народы.
Мир наш всегда един:
Братья чуваш и грузин.

В тысячелетних бедах
К этому мы стремились:
В славных трудах, победах
Наши народы сдружились.
Путь неизменен наш:
Братья грузин и чуваш.

С гор, сотрясая скалы,
Мчатся потоки к плесам.
Но не грозит обвалом
Прочный гранит утесов.
Крепче, чем тот гранит,
Братской семьи монолит...

Поздней осенью минувшего года председатель и две бригадира колхоза «Герой» приехали в Грузию. Естественно, грузинский поэт захотел получше познакомить гостей со своей родиной. Осмотрев Тбилиси и его окрестности, они поехали в Гори, где проходило тогда народное празднество в честь выдающегося писателя-просветителя Я. Гогебашвили. Колхозников из Чувашии пригласили в село Варциани. Они пробыли здесь два дня, осмотрели поля, фермы и предложили заключить договор на социалистическое соревнование. Грузинские колхозники приняли вызов и, помимо деловых обязательств, решили и у себя основать музей «Дружбы народов».

История, конечно, интересная и показательная сама по себе. Но главное, на мой взгляд, состоит в ином. Грузинская поэзия вступила в дружеский контакт с чувашской благодаря «посредничеству» колхозников. А грузинские земледельцы подружились с чувашскими в результате «вмешательства» поэта. Такова диалектика...

Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ

ТБИЛИСИ

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР

ДРУЖБА—ПШИЯЗНЬ

«В целях дальнейшего взаимного и более глубокого ознакомления с жизнью народов, литературой и культурой СССР и Польши Союз писателей СССР и Союз польских писателей договариваются о нижеследующем...» — следует перечень мероприятий по семи разделам, подписанный представителями обеих сторон — секретарем правления СП СССР Н. Федоренко и вице-председателем главного правления Союза польских писателей Ежи Путраментом.

Данному договору придается особое значение: восставшая в 1944-м из пепла и руин Польша празднует свое тридцатилетие. В связи с этим событием оба писательских союза разработали ряд конкретных мероприятий, главным из которых будет проведение литературного конкурса на лучшее произведение (рассказ, очерк, репортаж, цикл стихов) на тему «Наш современник — строитель нового общества». Посвященный дружбе и трудовым будням советского и польского народов, конкурс будет проводиться совместно с Обществом советско-польской дружбы, Обществом польско-советской дружбы и, кооперативно, журналами «Иностранная литература», «Край рад», «Литература на свете» и «Пшиязнь».

Оба союза окажут также содействие писателям обеих стран в составлении и подготовке к изданию в 1975 году «Книги братства», выход которой приурочивается к 30-летию Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ПНР.

На церемонии подписания плана сотрудничества присутствовали: с советской стороны — секретари правления СП СССР Ю. Верченко, М. Луконин, В. Озеров, А. Салынский, Н. Федоренко, сотрудники Иностранной комиссии СП СССР; с польской стороны — вице-председатель главного правления СПП, руководитель делегации Ежи Путрамент, председатель Иностранной комиссии СПП Ян Копровский, член президиума главного правления СПП прозаик Ян Юзеф Щепанский.

С теплым словом приветствия к польским коллегам по поводу предстоящего в этом году славного юбилея обратился секретарь правления СП СССР Н. Федоренко.

НАШИ ГОСТИ

На днях редакцию «Литературной газеты» посетили болгарские писатели: лауреат Димитровской премии Ефрем Каранфилов — главный редактор газеты «Литературен фронт», член секретариата Союза болгарских писателей; Иван Цветков — секретарь Союза болгарских писателей, член редколлегии газеты «Литературен фронт» и Симеон Султанов — директор издательства «Болгарский писатель».

Во время дружественной беседы состоялся обмен мнениями о сотрудничестве писателей двух стран, о проблемах современной советской и болгарской литератур, о контактах «Литературной газеты» и «Литературен фронт».

— В связи с исполняющимся в этом году 30-летием социалистической революции в Болгарии наши писатели стремятся своим трудом внести вклад в празднование этой знаменательной даты, — сказал Ефрем Каранфилов. — Произведения классиков и современных авторов выходят огромными тиражами.

До 9 сентября 1944 года тираж книг классиков болгарской литературы едва достигал 1000 экземпляров, а наше время неоднократно переиздаваемые труды лучших писателей нашей литературы достигают тиража 100 000 экземпляров! Большая читательская аудитория и у современных прозаиков и поэтов.

Симеон Султанов рассказал об интересном опыте Союза писателей, проводимом сейчас в стране. Около 150 прозаиков и поэтов разных поколений, посвятивших свое творчество сегодняшнему дню социалистической Болгарии, заключили договоры с партийным и хозяйственным руководством округов, которые предоставляют им все возможности познакомиться с жизнью будущих героев.

Иван Цветков остановился на творческих контактах писательских организаций наших стран. При Союзе болгарских писателей создана специальная комиссия. Ее задача — способствовать укреплению деловых, конкретных связей с СП СССР.

В заключение болгарские гости выразили удовлетворение от встреч и бесед с советскими писателями.

На беседе присутствовал первый секретарь посольства НРБ в Москве Иван Григоров.

Поздравляем юбиляров

О. А. МАМПОРИЯ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по грузинской литературе направили Отару Антоновичу Мампория приветствие:

«Поздравляем Вас с знаменательной датой в Вашей жизни — пятидесятилетием со дня рождения.

Поэт-лирик, автор патриотических и гражданских стихов — таким знают Вас читатели и литературная общественность страны.

Ваши книги — «Радуга в водопадах», «Звезда рассвета», «Горсть земли», сатирические и юмористические произведения — стали популярными и любимыми в республике, а Ваша комедия «Под тенью Метехи» с успехом шла на сценах грузинских театров.

Высоко оценены Ваши поэтические сборники, изданные в Москве, — «Горные потоки» и «Далекое — ближе».

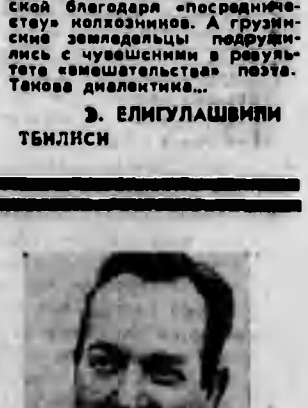
Желаем Вам крепкого здоровья, счастья, дальнейших творческих успехов на благо нашей советской многонациональной литературы».

Г. И. ПЯТКОВУ — 50 лет

В связи с пятидесятилетием Григория Игнатьевича Пяткова секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по украинской литературе направили юбиляру приветствие:

«Горячо поздравляем Вас, известного поэта и прозаика, участника Великой Отечественной войны, с пятидесятилетием со дня рождения.

За тридцать лет творческой деятельности Вы создали более двадцати поэтических сборников, книг рассказов и очерков, повестей для юных читателей. Лучшие из Ваших произведений — «У моря синего», «Рукопожатие», «Тема-риск», «Письма с дороги» и другие — тепло встречены литературной общественностью и читателями. Главная тема Вашего творчества — тема труда, тема дружбы и братства советских народов.

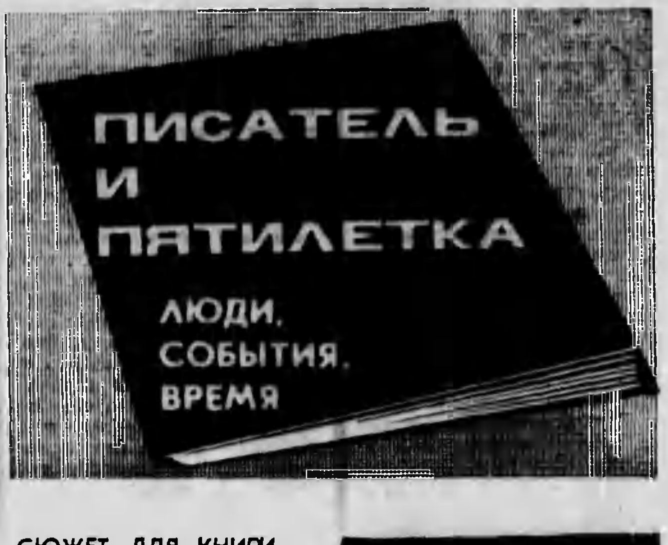


Писатель-коммунист, Вы постоянно отдаете активную общественную работу в писательской организации, особенно много внимания уделяете воспитанию литературной молодежи.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, новых творческих успехов, большого личного счастья».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.



• ПЕРЕДОВОЙ ПОСТ «ЗНАМЕНИ»

Вадим КОЖЕВНИКОВ:

ПОСТИЧЬ СОВРЕМЕННОГО РАБОЧЕГО ЧЕЛОВЕКА, ГЛУБИНУ И БОГАТСТВО ЕГО ДУХОВНОГО МИРА, ЕГО НРАВСТВЕННУЮ КРАСОТУ И ВОПЛОТИТЬ УВИДЕННОЕ В СТРОКИ ПРОЗЫ ИЛИ ПОЭЗИИ — ВОТ ЗАДАЧА НОМЕР ОДИН ДЛЯ ВСЕХ НАС, ПИСАТЕЛЕЙ.

ПОЕЗДКА ПО «ЖЕЛЕЗНОЙ ЗЕМЛЕ»

НАМ РАССКАЗАЛИ...

Эта поездка была совершена выездной бригадой журнала «Знамя» в жарком августе прошлого года, когда совсем на по-августовски палило солнце, до белизны высвечивая землю, до боли в глазах отражаясь на ослепительно белых меловых отвалах, что обрамляли железорудные карьеры. Жарко было, как в печке, но те, кто добывал руду, казалось, и внимания не обращали на редкую для позднего лета жару.

«Железная земля» — это выражение было услышано нами в Старом Осколе от одного из участников городской конференции. Кстати, тема этой производственной конференции была в высшей степени «литературной»: «Развитию Курской магнитной аномалии — внимание писателей». В выражении «железная земля» нет никакого преувеличения — руда огромными подземными хребтами растянулась почти на 850 километров. Ширина КМА — около 200 километров, площадь же — 160 тысяч квадратных километров. Это одна из крупнейших в мире кладовых железа. Запасы КМА огромны. Сверхогромны, они за пределами человеческого воображения... Триллионы тонн...

— Маршрут бригады «знаменцев» (а в нее входили Владимир Беляев, Виктор Боков, Владимир Костров, Александр Кривицкий, Георгий Кублицкий, Георгий Радов, Лариса Таракамова и я), был проложен по трем белгородским городам — самому Белгороду, Старому Осколу и Губкину, — рассказывает главный редактор журнала «Знамя» Вадим Кожевников. — Вообще, должен сказать, что заботы тех, кто трудится в карьерах Курской магнитной аномалии, стали для нас заботами собственными, кровными: вот уже три года, как на «железной земле» действует передовой пост «Знамени». Да, мы проехали сотни километров по землям области, причем ездили буквально по руде: под дорогами и полями на небольшой глубине — мощнейшие залежи, от которых начинает беситься стрелка любого компаса. Когда-то здесь летчики, говорят, даже с маршрутов сбивались... Сегодня добыча руды идет в пяти крупных, если можно так выразиться, «железных мешках». Один из таких мешков — Михайловское месторождение — находится в Курской области, четыре остальных — в Белгородской...

...Помню встречи в одном из самых больших рудных карьеров — Стойленском. Борт карьера украшает бетонный постамент, на который водружен многотонный кусок породы. Бронзовая табличка гласит: «5 ноября 1968 года произведен первый взрыв богатой стойленской руды». Всего пять с небольшим лет назад на месте огромного карьера было ровное тоскливое поле. А сейчас эдакая махина-карьер! Писатель Александр Кривицкий восклицает: «Эту красоту надо за деньги показывать! Туристов сюда водить!» Да, он красив, карьер, — глубокая выемка в теле земли, опоясанная серпантином дорог, на которых ревут тяжелые самосвалы, подающие руду наверх. Ворочаются, сипят экскаваторы. Высятся белые, как сахар, отвалы, черная строчка роторной ленты морзянкой пересекает их. Зрелище поразительное. Захватывающее. Снизу доносится плотный многослойный звук — он буквально ввинчивается в воздух, он осязаем: его, кажется, можно потрогать пальцами. Это голос рудника. Он как голос сердца...

— Уж коли речь зашла о сердце, — говорит Вадим Кожевников, — то, действительно, надо сказать несколько *слов о подлинном сердце* «железной земли». Сердце земли, пульс земли, мозг земли — люди, которые эту землю преображают. Те, кто своими руками создает будущее края, будущее всей страны. Например, Василий Лямин. Экскаваторщик. Герой Социалистического Труда. Когда-то он, еще комсомольцем, строил ГЭС в Жигулях, и имя его не сходило со страниц газет. А сейчас вот я был рад встретить его на Большой руде. Или Виктор Сотниченко. Депутат советского парламента, Герой Социалистического Труда... Или первый секретарь Старооскольского горкома партии В. Н. Цыцугин — человек, так удачно сочетающий в себе талант романтика с уверенной, спокойной хваткой практика. Цыцугин бесконечно влюблен в «железную землю». Нет, об этих людях нам еще писать и писать...

...Когда-то к городу Губкину примыкало старое село. Лебеди называлось. Село крупное... Потом оказалось, что оно стоит на богатейшем железном месторождении. Жителей села переселили на новое место (часть в город Губкин, часть в другие деревни)... Сейчас на месте села — карьер; неподалеку располагается и «потребитель» — горно-обогатительный комбинат. Сокращенно ГОК. Комбинат, хотя и продолжает еще строиться, уже работает. Один из центральных его участков — корпус обогащения. Именно сюда поступает руда, здесь измельчается до пыли на шаровых мельницах, смешивается с водой... Рыжая железная пульпа стремительной рекой несется к магнитным сепараторам, которые выхватывают из реки рудное крошево. «Пустая лава» отмачивается. Обогатительный корпус огромен, в него может вместиться целый завод (длиною корпус, представьте, почти в километр), а самих рабочих — машинистов дробилок, мельниц, сепараторов — совсем немного. Их и не видно почти — только стоят у цеховой стенки полтора десятка мотороллеров и мотоциклов, своих хозяев дожидаются... Уровень механизации на ГОКе очень высок.

— Журнал «Знамя» опубликовал на своих страницах более сорока материалов, посвященных трем прошедшим годам девятой пятилетки, — говорит В. Кожевников. — Год четвертый, определяющий, будет иметь особое значение — и для нас, «знаменцев», и для тех, кто трудится на предприятиях Курской магнитной... В строй входят новые и новые мощности (слово сухое, производственное, но очень точное — мощность). Во время поездки мы побывали в научном центре КМА, познакомились с планами реконструкции некоторых рудников и ГОКов. Основное направление реконструкции — комплексная механизация добычи руды: в карьеры приходит новая техника, которая даже и не снилась, когда начали добывать первые тонны курского железа, сама работа из года в год становится сложнее и интереснее, приобретает творческий характер. Появились специальности, которых вообще не было в прошлой пятилетке. Они родились в последние годы. И сам рабочий человек обрел новые черты: его знания приблизились к знаниям инженера, и ответственность на нем лежит не меньшая, чем на инженере. Недалек тот день, когда на «железной земле» встанут чугуноплавильные домны и мартеновские печи. Причем совершенно новые, необычные по своему оснащению. Технические обозначения и термины этих новшеств найдутся, и не надо обладать большой фантазией, чтобы определить, какими они будут. Новые названия придумать проще, чем сказать новое слово в технике. Но вот каким предстанет перед нами человек ближайшего будущего, его характер? За нравственным ростом советского человека, его духовного богатства не так-то просто угнаться нашему брату литератору. Ясно, конечно, речь идет не о поверхностном, приблизительном описании. Постичь современного рабочего человека, раскрыть его психологические глубины, понять всю сложность его духовного мира и воплотить в строки прозы или поэзии — вот задача номер один для всех нас.

Что же касается работы журнала «Знамя» на КМА, то она продолжается... Редакционный наш пост на курской и белгородской земле действует.

Записал В. ПОВОЛЯЕВ,
специальный корреспондент «ЛГ»

БЕЛГОРОД—СТАРЫЙ ОСКОЛ—ГУБКИН

• НА БЕРЕГАХ БУДУЩЕГО МОРЯ

Темиркул УМЕТАЛИЕВ,
народный поэт Киргизии:

МЕМУАРЫ ОТЛОЖЕНЫ — НА МОЕМ РАБОЧЕМ СТОЛЕ СТИХИ О СТРОИТЕЛЯХ ТОКТОГУЛЬСКОЙ ГЭС...

РОЖДАЕТСЯ ПЕСНЯ

ПРОШЛОЕ лето я провел на берегах гремящего Нарына, где строится Токтогульская ГЭС. Это мой отчий край, я привязан к нему всем сердцем: здесь весной в зеленых долинах в изобилии цветут яблони, алыча, урюк, гранаты, орех. Воздух напоен благоуханием горных цветов. На скалах гнездятся беркуты, на альпийских лугах пасутся чуткие косули и стройные газели. В самом неожиданном месте можно встретиться с бурым медведем. Долина Кетмен-Тюбе — один из богатейших заповедников страны. И представьте мое огорчение, когда я узнал, что вся эта благодатная долина в скором времени будет затоплена водой. Да-да... Под водой останутся и 23 бывших населенных пункта, где сотни лет жили мои предки. Признаться, с нелегким сердцем слушал я рассказ секретаря Токтогульского райкома партии М. Садыкова...

Да, здесь заплещется огромное водохранилище. Оно будет поить живительной влагой жаждущие земли Узбекистана, Таджикистана и Казахстана. Общий объем воды дойдет до 19,5 миллиарда кубов. Длина моря составит почти 70 километров, ширина — около 15 километров, а глубина — немногим менее 100 метров... По водной глади заскользят катера и пароходы. На берегу встанут здания лечебниц и домов отдыха...

Энергия Нарына приведет в движение тысячи станков, она будет освещать дома и улицы не только Киргизии, но и соседних братских республик. Здесь я воочию увидел, как

СЮЖЕТ ДЛЯ КНИГИ

человеческие руки перемещают горы, как ущелья превращаются в равнины. Токтогул стал своего рода школой, выпускающей квалифицированных строителей энергостанций. Порадовало меня и то, что мои соотечественники, которые еще совсем недавно были заняты скотоводством, теперь входят в основной костяк рабочего класса района. На строительстве ГЭС трудятся представители более 40 национальностей.

Побывав на ГЭС, я почувствовал, что в жилах моих горячее стала кровь, сильнее застучало сердце... Признаться, я в последнее время, так же как и многие писатели, которым пошел седьмой десяток, сидел за мемуарами. Пришлось спрятать толстую папку воспоминаний и сесть за новые стихи.

...Сейчас, когда пишу эти строки, воды бурного Нарына укрощены — они тихо плещутся у плотины: в ноябре прошлого года был закрыт основной створ. Рождается новое море — Киргизское! А на моем письменном столе уже лежат стихотворения из большого цикла. Часть из них опубликована в журнале. А сколько еще не написано!

гор. ФРУНЗЕ

• «ФРУКТОВОЕ ЦАРСТВО» МОЛДАВИИ

Ион К. ЧОБАНУ:

ОН ЕЩЕ МОЛОД, ЭТОТ ГИГАНТ, — В ЕГО ЖИЗНИ НАСТУПАЕТ ВСЕГО ЧЕТВЕРТАЯ ВЕСНА. РАСТЕТ САД, И, КОНЕЧНО ЖЕ, ВМЕСТЕ С НИМ РАСТУТ ЛЮДИ, ТРУДОМ КОТОРЫХ ДЕРЖИТСЯ ДЕЛО.

...ЕГО ЧЕТВЕРТАЯ ВЕСНА

ВСЕГДА, когда позволяет время, — весной, летом ли, осенью, — я приезжаю в этот сад, что вольготно раскинулся на левом берегу Днестра. Здесь как-то по-особому дышится, здесь веет какой-то благодатью, простором... И хоть сад совсем не похож на тв, что воспеваются в наших старинных песнях, легендах, балладах, и хоть он резко ломает привычные ассоциации (я родился в знаменитых Кодрах, славных своими садами и виноградниками), неудержимо желание вновь и вновь шагать по его кварталам, беседовать с людьми, наблюдать, как набирает силы стройка. Вы думаете, я оговорился? Нет. Другое слово здесь не годится — строится фруктовое царство. И занимает оно шесть тысяч гектаров. Сад строится так, как в городах микрорайоны — по проектам, чертежам, расчетам.

Представьте себе ровные ряды низкорослых деревьев, уходящих, кажется, в бесконечность; представьте их кроны, похожие на поставленную ребром раскрытую ладонь, в таком саду и деревья выглядят непривычно — в нем все подчинено закону целесообразности, — и тут же индустриальный пейзаж: рядом строятся холодильники, огромные хранилища, многоэтажные жилые дома, общежития, Дворец культуры, стадион, скоро вырастет консервный завод, по территории сада будут проложены километры железнодорожных путей... Воистину, это сад будущего.

Он еще молод, этот гигант, — в его жизни наступает всего четвертая весна. И хоть отдельные его участки уже в нынешнем году дадут первый урожай — десять эшелонов фруктов, пора расцвета впереди. В полную силу сад войдет через шесть лет: в 1980-м он будет давать двести тысяч тонн яблок, груш, абрикосов, персиков.

Межколхозный промышленный сад... Словосочетание, до недавнего времени не существовавшее вообще, ныне прочно вошло в разговорный обиход. И, конечно, теперь никто не сомневается — за аграрно-промышленными объединениями большое будущее... По выражению Леонида Ильича Брежнева, они представляют собой не только новую организационную форму, но и важное социально-экономическое явление.

Помню один разговор с председателем межколхозсада «Память Ильичу» Иваном Федоровичем Чимирисом, человеком удивительной энергии и неиссякаемого энтузиазма. Он говорил:

— Когда наш сад наберет

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТЕМЕ

силу, то урожайность его будет в четыре раза выше, чем в обычном непромышленном саду. Мы станем получать фруктов в два с половиной раза больше, чем собирает сейчас весь Слободзейский район.

Я спросил, какова стоимость сада со всеми его подземными коммуникациями, подъездными путями, домами, хранилищами, холодильниками и т. п.

— Цифра немалая. Сто тридцать пять миллионов рублей, — ответил Иван Федорович. — Но она нас не пугает. По расчетам специалистов, сад окупится через три года после того, как вступит в пору полного плодоношения.

Чем глубже вникаешь в суть дела, тем явственнее чувствуешь, будто попал в какую-то огромную экспериментальную лабораторию. По сути, так оно и есть. Ведь здесь проходит испытание новейшая техника, применяются новейшие агротехнические знание, используется богатейший опыт молдавских садоводов — все поставлено на службу.

Растет сад, и, конечно же, вместе с ним растут люди, трудом которых держится дело. На самых ответственных участках этого уникального производства работают коммунисты. Высокие требования, предъявляемые сейчас к сельскому хозяйству, обязывают их основательно вникать в экономические проблемы, которые ставятся жизнью на повестку дня. Коммунисты делают очень многое для того, чтобы воспитать у каждого работника сада чувство личной ответственности за дела своего предприятия.

— Нельзя растить сады, не растя человека, — заметил однажды секретарь партийной организации Владимир Макарович Бай.

Как это верно сказано!

КИШИНЕВ

НА СНИМКЕ: *С. С. Смирнов и Е. Долматовский вместе с гостями — венесуэльскими литераторами во время посещения сада «Память Ильичу».*

Фото В. ШАГОВА

• ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ — НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

ИЗОРЕПОРТАЖ «ЛГ»

КАМСКАЯ ЭПОПЕЯ

В командировочных удостоверениях писателей сегодня довольно часто стоит уже привычное: «Пункт назначения — Набережные Челны»...

...полсотни национальностей
Проживает семьей одной,
Где до тысячи специальностей
Строят дружно КамАЗ родной.
Где пустырь расстилался осотный,
Новый город уже возведен.
Этот город воздушно-высотный
Будет молодостью заселен!

Это строки из поэтического репортажа Михаила Львова. Набережные Челны, КамАЗ. К стройке, развернувшейся на берегах широкой Камы, ныне прикованы взгляды всей, без преувеличения, страны. Этому посвящен и выходящий в издательстве «Молодая гвардия» сборник «КамАЗ», в котором выступают строители КамАЗа и партийные работники, поэты и очеркисты, члены литературных объединений... Недавно побывал на стройке и московский художник-график Игорь Пчелко. Сегодня мы публикуем рисунки, сделанные им в Набережных Челнах.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Коркия Р. К. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить писателя Коркия Родиона Калениковича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
8 февраля 1974 г.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении поэта Хелемского Я. А. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить поэта Хелемского Якова Айзиковича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
8 февраля 1974 г.

ВЕЧЕРА

СТРОКИ МУЖЕСТВА И ДОБРА

Зимой сорок второго года армейский газетчик А. Кулешов привез с фронта в Москву поэму «Знамя бригады». «И чем дальше он читал, — вспоминал позднее А. Твардовский, — тем чаще мы просили повторить отдельные места и старались заглянуть в рукопись собственным глазом, еще раз убедиться, что они действительно есть, эти простые и полные большой новизны и силы строки и слова, которые так берут за душу».

Стихи и поэмы А. Кулешова издавались около восьмидесяти раз в советских и зарубежных издательствах.

Благодаря его переводческому таланту впервые зазвучали по-белорусски произведения Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Маяковского и Есенина, Прокофьева и Твардовского, других советских поэтов.

На днях в Минске состоялся вечер, посвященный 60-летию со дня рождения народного поэта Белоруссии. А. Кулешова тепло поздравили и пожелали ему новых творческих успехов секретарь ЦК КП Белоруссии А. Т. Кузьмин, друзья-писатели — Максим Танк, Г. Березкин, Р. Гамзатов, М. Дудин, К. Кулиев, Д. Кугультинов, М. Нагнибеда, Я. Хелемский, представители общественности республики, труженики заводов и фабрик, колхозов и строек Белоруссии.

На вечере присутствовали Председатель Совета Министров БССР Т. Я. Киселев и секретарь ЦК КП Белоруссии А. Н. Аксенов.

МИНСК

ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАРУИРУ СЕВАКУ

В Ереване состоялся вечер, посвященный 50-летию со дня рождения выдающегося советского армянского поэта Паруйра Севака.

Вступительное слово произнес второй секретарь правления СП Армении Р. Оганесян.

С докладом о жизни и творчестве Паруйра Севака выступил литературовед В. Мнацаканян.

О непреходящем значении поэзии П. Севака, о его горячем патриотизме и интернационализме говорили С. Калунтинян, действительный член Академии художеств СССР Г. Ханджян, архитектор Дж. Торосян, Н. Джусойты и другие.

На вечере присутствовал первый секретарь ЦК Компартии Армении А. Е. Кочинян.

ЕРЕВАН

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

Продлен...

...до 30 октября 1974 года срок творческого конкурса на лучшую книгу о социалистическом реализме. Такое решение принято секретариатом правления Союза писателей СССР и Госкомиздатом СССР.

Присвоено...

...Указом Президиума Верховного Совета РСФСР за заслуги в области советской культуры почетное звание заслуженного работника культуры РСФСР Федорову Евгению Дмитриевичу — заведующему отделом редакции «Литературной газеты».

Коллектив «Литературной газеты» сердечно поздравляет Е. Д. Федорова с присвоением почетного звания.

Елизавета ДРАБКИНА

После тяжелой и длительной болезни, на 73-м году жизни скончалась писательница-коммунистка Елизавета Драбкина — автор «Черных сухарей», «Баллады о большевистском подполье» и многих других книг, завоевавших широкую известность.

Член партии с апреля 1917 года, Елизавета Драбкина была активной участницей Великой Октябрьской социалистической революции и революционных событий в Берлине в ноябре 1918 года. После Октябрьской революции Елизавета Драбкина работала секретарем у Я. М. Свердлова.

Окончив Коммунистический университет имени Свердлова и Институт красной профессуры, Елизавета Драбкина сумела соединить в себе талант художника-повествователя и публициста, жизненный и революционный опыт старой большевистской гвардии и молодой поросли строителей и защитников Советского государства.

Елизавета Драбкина всегда сохраняла непоколебимую бодрость, мужество борца-революционера в самом высоком смысле этого слова.

Книги Елизаветы Драбкиной переведены на языки народов СССР и зарубежных стран. Яркий и убежденный оратор, она несла высокую правду о социалистической революции коммунистам и пролетариям Венгрии, ГДР, Франции, советской молодежи и рабочему классу. Пренебрегая тяжелейшим недугом, она оказывала большую товарищескую помощь писателям, кинематографистам, деятелям театра, художникам, работавшим над историко-революционной темой. Она органически сочетала в своем творчестве лучшие традиции художественной прозы и публицистики, очерковой и мемуарной литературы, историко-философского эссе и лирического письма, обращенного к современникам и молодежи.

С чувством глубокой скорби мы прощаемся с Елизаветой Драбкиной, нашим другом и товарищем. Ее книгам суждена долгая жизнь.

СЕКРЕТАРИАТЫ ПРАВЛЕНИИ СП СССР И СП РСФСР,
ПРАВЛЕНИЕ И ПАРТКОМ МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СП РСФСР

Секретариат правления Союза писателей СССР, правление Союза писателей Грузинской ССР с глубоким прискорбием извещают о смерти видного грузинского писателя, переводчика, ученого

ГАЧЕЧИЛАДЗЕ
Гиви Ражденовича,

последовавшей 9 февраля после тяжелой, продолжительной болезни, и выражают свое искреннее соболезнование родным и близким покойного.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

● Полемическими заметками Б. Анашенкова и М. Колесникова («ЛГ», № 1 и № 6) было начато обсуждение произведений о человеке труда, о рабочем классе.

Сегодня мы публикуем статью А. Медникова.

● Продолжаем разговор о тиражах стихотворных книг и читательском спросе, о делах издательских и книготорговых, начатый полемическими заметками Ст. Куняева («ЛГ», № 44, 1973).

Анатолий МЕДНИКОВ

ГРАНИ РАБОЧЕЙ ТЕМЫ

ПО БОЛЬШАКУ ИЛИ ПО ОБОЧИНЕ?

ПРОИЗВЕДЕНИЯ о рабочем классе, образы героев [illegible]ки, труд и творчество в сфере промышленности, науки — все это [illegible] и прочно стало [illegible] литературы [illegible]. Поэтому [illegible] появление [illegible] дискуссионной статьи Б. Анашенкова, [illegible] развитие литературы на рабочую тему. Автор обращается к произведениям, появившимся недавно, которые или обошла критика, или же, по мнению Б. Анашенкова, проанализировала недостаточно глубоко и полно.

Заслуживает одобрения то, что, соотнося эти произведения с современной жизнью, критик призывает глубже, всесторонне осваивать материал действительности, показывать его в новых аспектах, не только производственных, но и бытовых. В частности, речь идет о повестях «Сладкая женщина» И. Велембовской, «Пустошель» С. Крутилина, «Живые деньги» А. Скалона и других, где выведены герои с потребительским отношением к жизни, душевно мелкие или ничтожные, не вызывающие наших симпатий, но тем не менее социально принадлежащие к рабочему классу.

И первым дискуссионным вопросом, который предлагает нам критик, является вопрос о границах рабочей темы, о самом содержании этого понятия. Борис Анашенков сетует здесь на то, что критики, да и сами писатели все еще часто тяготеют «к стереотипам, сложившимся не без влияния производственного романа», и усматривает в ряде произведений появление нового, принципиально важного этапа в развитии производственной прозы.

Какой же это этап и в чем его сущность? Б. Анашенков видит его прежде всего в появлении повестей и романов, построенных «на предельном «очеловечивании», гуманизации подробностей производственного быта, всей атмосферы заводской жизни». Эти произведения включают в сферу своего внимания такие образы, которые, по мнению автора статьи, не только не отвечают нашим привычным представлениям о героях из среды рабочего класса, но как бы и противостоят им.

Суждения критика о героях нового типа затрагивают вопросы весьма существенные, и в выводах Б. Анашенкова надо, мне думается, также серьезно разобраться.

Безусловно, наши представления о самом важном и современном в любом произведении, в том числе и на рабочую тему, меняются в зависимости от самой жизни. Анашенков прав, когда говорит о необычайном усложнении социальной структуры современного общества, о стремительном росте рядов рабочего класса. Множатся грани рабочей темы, внимание писателей фокусируется на разных сторонах социального бытия. Это несомненно. Но вместе с тем, рассуждая о героях нового типа, о существе рабочей темы, критик упускает из вида самое главное, определяющее и, как мне представляется, берет проблему просто не с того конца.

Ну в самом деле, кому сейчас придет в голову возражать против бытового ракурса в любой книге о людях труда? Кто станет ныне отчислять героев из «героев» лишь по признаку их, так сказать, недостаточной положительности? Кто может сегодня оспорить необходимость взгляда на рабочую жизнь во всех планах и ракурсах, показа действительности во всех ее противоречиях, а людей — и всевозможных профессий, и разного духовного склада?

Ведь когда мы говорим и думаем о рабочей теме, мы имеем в виду вовсе не какую-либо образную регламентацию, не жанровые признаки, не стремление как-то разгородить литературу на участки и отсеки, а, наоборот, широкий и мощный поток литературы, рассказывающей обо всем богатстве жизни современного рабочего класса, технической интеллигенции.

Прав был поэт Ярослав Смеляков, который как-то заметил, что он понимает эту тему очень широко. Писать на рабочую тему — это значит писать не только об индустриальном труде, а обо всем окружающем мире, но с точки зрения рабочего класса. Сюда можно было бы добавить: и с точки зрения Коммунистической партии.

Рассуждая о новых гранях рабочей темы, Борис Анашенков ставит в вину критике то, что повести Велембовской и Крутилина «прочно прошли под знаком повестей о любви, а в лучшем случае о мещанстве», в то время как, по мнению критика, это повести и о рабочей жизни. Для Б. Анашенкова здесь определяющим становятся социальная принадлежность героя, его рабочая биография или сцены, воспоминания героев, как-то связанные с их производственными профессиями.

Но спрашивается: это ли [illegible] в идейном и [illegible] [illegible] художественного [illegible] [illegible] потому, что в них речь идет о мещанах? Вовсе нет! А называем их так потому, что [illegible] на тех, [illegible] он изображает, содержит в себе [illegible]ый фи[illegible] [illegible], идейно [illegible] на жизнь, со[illegible] и характеры героев. [illegible], что ощутимая в иных произведениях вольная или невольная ставка на принижение духовной сущности нашего рабочего-современника по сути своей смыкается с мещанским ощущением действительности, а против такого «понижения действительной цены рабочего человека» возражал еще Горький.

Вот что главное, и я присоединяюсь здесь к позиции Михаила Колесникова, которую он занял в статье «Труд — категория нравственная». Определяющим является не материал, взятый писателем для художественного осмысления, а прежде всего мировоззренческие позиции, духовный накал и внутренний пафос произведений, будь они о передовых людях рабочего класса или же о мещанах, о людях слишком прагматичных или бездуховных, которые еще встречаются в нашем обществе.

Борис Анашенков пишет в своей статье о гуманизации подробностей производственного быта как о примечательной новации некоторых современных произведений о труде, связывая эти приметы художнического видения жизни с углубленным вниманием к духовному миру человека труда.

Понимая то, что, по существу, хочет сказать критик, и ратуя, как и он, за внимание к человеку и всему человеческому, я все же весьма настороженно отношусь к этим формулам. Мне представляется спорной и сама терминология относительно «предельного очеловечивания» изображения производственной жизни. Ну хотя бы потому, что я улавливаю в этих словах неоправданные противопоставления, относящиеся к опыту нашей литературы.

Разве книги Малышкина, Катаева, Шагинян, Горбатова или Бека, посвященные героике первых пятилеток, романы Николаевой, Пановой, Кожевникова, Гранина и других, обращенные к людям труда в послевоенные годы, были менее гуманны только потому, что в них преобладал интерес не только к бытовой сфере, но и к той трудовой, творческой, из которой и возникали серьезные, социальные, политические и нравственные конфликты?

Разве недавно вышедший роман Вл. Попова «И это называется будни...» с круто замешенным конфликтом разных стилей хозяйственного руководства, с острым и драматичным столкновением почти полярных характеров — Збандута и Гребенщикова — может считаться менее «очеловеченным» или «менее гуманным» только потому, что проблемы здесь укрупнены, социально значимы и художник стремится разобраться в сложном переплетении узловых вопросов научно-технического прогресса?

Бориса Анашенкова привлекают в повести «Заводской район» Каштанова, в романе Штемлера «Обычный месяц» естественность поведения героев в будничных обстоятельствах заводской жизни, достоверность производственной повседневности, некоторые убедительно прорисованные характеры. Я согласен с критиком.

Только я не вижу здесь оснований для широковещательного открытия Б. Анашенковым на основе этих и некоторых других произведений «нового этапа в развитии рабочей темы». Наша литература, обращенная к рабочему классу, никогда и не была жестокой, принижающей рабочего человека как личность. Гуманизм ее был определен прежде всего той высокой оценкой труда, которая вошла в атмосферу нашего общественного сознания вместе с первыми декретами Октябрьской революции. Влюбленность народа в свой рабочий класс, уважение к нему — прочная традиция и советской действительности, и литературы.

Само по себе внимание к подробностям заводского быта не может составить новый этап в осмыслении рабочей жизни. Это внимание неотделимо от пафоса исследования главных тенденций действительности. И вот тут-то, в своих рассуждениях резко выпятив первое, Борис Анашенков почему-то не заметил определяющей важности второго обстоятельства.

ИЗ СТАТЬИ Б. Анашенкова вытекает еще один дискуссионный вопрос — о реальном содержании того замечательного чувства хозяина, которое свойственно рабочему человеку и о котором мы часто читаем в нашей прозе и очерковой литературе.

Чувство хозяина — это действительно одно из важнейших социальных достижений нашего общества, и критик прав, когда рассматривает его реальное опосредствование в борьбе против вредной штурмовщины, ложно понятого местного патриотизма, попыток демагогией прикрыть вопиющую бесхозяйственность, просчеты планирования и так далее.

В поездках по заводам, в многолетнем знакомстве с рабочими я не раз наблюдал новые грани общественного темперамента рабочих, смело, решительно ставящих важные вопросы, стремящихся разрешить трудные проблемы производственной жизни. Однако это редко принимает форму «бунта одиночки», опирающегося на свой нравственный максимализм, как показано, скажем, в пьесе Г. Бокарева «Сталевары» на примере Лагутина. В типических формах жизни, как правило, это такая борьба, где личная инициатива или чувство личной ответственности соединяются с мнением многих рабочих, с общественным сознанием, с волей и гигантской организационной работой партийных организаций.

Мне кажется, что ставшая ныне широкоизвестной формула Леонида Ильича Брежнева о необходимости соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства содержит в себе не только программные указания для хозяйственников, для партийных работников, но и открывает новые горизонты для художественного исследования современности.

Мы много пишем о НТР, о том, как она формирует рабочие характеры, порождает новые конфликты, но почему-то куда меньше — о второй половине формулы, о преимуществах нашей системы хозяйства, а по сути дела, о самой атмосфере советского образа жизни, вне которой невозможно себе представить ни людей, ни характеры, ни современные конфликты. А вместе с тем стыковка НТР с социализмом — дело сложное, и прежде всего — творческое, то самое дело, которое представляет огромный интерес для литературы. Ведь писать о рабочем человеке сегодня, писать о жизни людей индустрии — это значит затрагивать наиболее существенные стороны общественного бытия, социальной психологии.

Эта новая социальная психология содержит много примечательных черт. Советский рабочий чувствует себя не только хозяином на своем заводе, но и представителем всей страны. В его хозяйском чувстве все более начинают преобладать государственное мышление, государственная масштабность. Это верно замечено критиком.

И я добавил бы сюда, что те новые условия, о которых говорит в статье Борис Анашенков, в их главных тенденциях можно увидеть сегодня и в соединении творческой инициативы рабочего класса с ленинской партийностью, с партийным подходом к решению больших и малых, экономических и нравственных, деловых и психологических проблем.

Литература о современном рабочем классе не может быть мелкотравчатой или малодуховной, идейно вялой или каким-либо способом принижающей человека творящего. И если говорить о том, что уже забрезжил новый этап в развитии рабочей темы, то я не сомневаюсь в том, что литература о современном рабочем классе будет и впредь развиваться по главному направлению, в сторону больших проблем и социально важных конфликтов, глубокого изучения всех реалий рабочей жизни, в которой главную и определяющую роль играют люди, страстно и творчески отдающие себя труду, динамичные, целеустремленные, духовно богатые — одним словом, подлинные творцы современной могучей индустрии.

Валентин СОРОКИН,
главный редактор издательства «Современник»

ПАРАДОКСЫ КНИЖНОГО МИРА...

ВОПРОСЫ, поднятые Станиславом Куняевым, тревожат не только книгопродавцев, но и прежде всего издателей: ведь тираж — штука весьма коварная... Так, выпуская прекрасную книгу «Звон наковальни» поэта-волгаря Николая Благова, «Современник» вынужден был отштамповать на выходных данных обычные десять тысяч. Кто виноват — автор, заказчики? А Приволжское книжное издательство несколько лет назад напечатало однотомник того же Благова массовым тиражом, ушедшим к читателю.

Знаменитая поэма «Любава» Бориса Ручьева была выдана на прилавки магазинов издательством «Молодая гвардия» тиражом десять тысяч, а небольшой сборник стихов «Доброта» Эдуарда Асадова, запущенный в производство «Современником», набрал заказ около полумиллиона экземпляров. Я ценю мужество и труд Эдуарда Асадова, но убежден, что творчество Бориса Ручьева в данном случае недооценили.

Или другой парадокс. Не так давно еще лежали на пыльных полках книги удивительных поэтов — Павла Васильева и Бориса Корнилова, Алексея Недогонова и Владимира Луговского, Павла Шубина и Дмитрия Кедрина...

А почему сейчас плохо расходятся «Дни поэзии»? Неужели двести—триста авторов, участников этих «Дней», объединенных под одной обложкой, стали вдруг неинтересными?.. Ведь там Вас. Федоров и М. Карим, Л. Татьяничева и Евг. Евтушенко, Д. Ковалев и А. Вознесенский, В. Соколов и В. Кочетков, Б. Слуцкий и С. Наровчатов, Ю. Панкратов и В. Фирсов, А. Жигулин и М. Дудин, С. Викулов и А. Кешоков, М. Луконин и Р. Гамзатов, П. Антокольский и Н. Тихонов, К. Кулиев и М. Львов, С. Орлов и Я. Смеляков...

Кстати, когда «Современник» готовил новую книгу «Верность» известного поэта Сергея Орлова, нам пришлось изумиться уникальному случаю: Книготорг Вологды запросил три тысячи, а Книготорг Москвы — триста экземпляров. У Сергея Орлова устойчивая репутация талантливого поэта, и мне не понятна причина робости заказчиков столицы. Могут заметить: мол, Вологда — родной край поэта... Но там хуже для всех нас, если такой прекрасный поэт не находит радушия у книготорговцев. Правда, эти данные первоначальны, потом они изменились...

Или, скажем, Виктор Боков, он ли не известен? Однако при его имени [illegible] не возникает, сборники его стихов попадают в руки читателей без [illegible] похвал, как, впрочем, и сборники того же Николая Тряпкина. Читатель знает цену их книгам и хоть без спешки, но раскупает.

Ничего я не вижу бедственного, если какая-то книга Сергея Поделкова, поэта истинного, опытного мастера, задержится на прилавке — в свой срок она найдет себе человека, любящего настоящее, вдохновенное слово.

И ныне вроде бы популярный Н. Рубцов нелегко собирает тиражи своих томиков. Посмотрите, кто его издает — «Советская Россия», «Современник» и «Советский писатель», а в целом-то чуть больше пятидесяти тысяч экземпляров!..

Нам необходимо бороться с затовариванием книжных магазинов, с бесконечными уценками, вызывающими вздохи продавцов. Да и авторам уцененных книг, по-моему, не просто пережить подобное происшествие, похожее на удар шаровой молнии...

Но бороться — значит общими усилиями направлять хорошую книгу к сердцу человека, не обвинять поспешно друг друга во «всеядности» и т. п., как, мне кажется, в запале «передернули» мысли спорящих и Игорь Кобзев, и Александр Михайлов, да и Римма Казакова изрядно отклонилась от темы в личные настроения, хотя у каждого из них — много полезных и нужных предложений.

Я ПОДДЕРЖИВАЮ опасения Станислава Куняева — да, Лев Кондырев, скажем, найдет себе издательство, но как быть с Владимиром Цыбиным, у которого нет ни одного издания, достойно показывающего читателю глубокое дарование, самобытный мир художника?

Заслуживает благодарности издательство «Художественная литература», взявшееся укрепить поэтические судьбы В. Цыбина, В. Соколова, В. Фирсова небольшими хорошо оформленными томиками. Но разве несколькими именами исчисляется группа зрелых поэтов, явившихся на Парнас в пятидесятых и шестидесятых годах? Виктор Коротаев и Ольга Фокина, Николай Благов и Владилен Машковцев, Вячеслав Богданов и Александр Говоров, Светлана Кузнецова и Геннадий Серебряков, Николай Рубцов и Борис Примеров, Игорь Шкляревский и Сергей Хохлов, Юрий Панкратов и Вадим Кузнецов — эти поэты давно перешагнули черту «малолетства».

Нечего греха таить, сроки «взросления» у нас настолько удлинены, что иной, взойдя на последнюю ступеньку возмужания, уже приседает от старческой одышки... Говорю с чувством горечи, ибо до сих пор «втиснут» в списки чуть ли не молодых Спартак Куликов, автор многих стихов и поэм, отличающихся емкостью содержания, энергичностью и звучностью слога. Да и сам «виновник» «Разговора книгопродавца с поэтом» Станислав Куняев не обласкан издателями. Где можно купить настоящую, плотную, хорошо составленную книгу поэта?

Жиденькие — однолистовые, двухлистовые, реже трехлистовые — сборники с банальной цифрой десять тысяч заполнили витрины и полки книжных магазинов. Попробуй продерись, читатель, к чему-то серьезному и весомому через хребты безликих, безъязыких сочинений!

Утрата вкуса у определенной части любителей поэзии — это и наша вина: издателей, книгопродавцев, пропагандистов книги. А тут еще иные критики на белое скажут черное, на черное — белое. Порой саркастические умы затевают, на первый взгляд, что-то порядочное и дельное, наподобие «Беседы о молодых поэтах», но подчас заканчиваются такие «беседы» неоправданно грубым разбором какого-нибудь неудачного стихотворения юного поэта, только успевшего прижать к сердцу свой первый сборничек.

Не всегда появлению таланта сопутствует популярность. Вспомним судьбы Петра Комарова и Дмитрия Кедрина, Алексея Недогонова и Василия Кулемина...

Хочу оговориться: сегодня не очень-то мы и правомочны бросать упреки книгопродавцам, ибо, как показывает время, основную нагрузку они выдерживают с честью — ведь по Российской Федерации «затоваривание» литературы сведено почти к нулю... И мне трудно согласиться с мнением главного редактора Леннздата Д. Хренкова, который ратует за то, чтобы дать «зеленую улицу» популярным поэтам — пусть, дескать, их издают по две и три книги в год, не забивать же нам «неходовыми» именами голову читателя... Популярность популярности рознь. Здесь нужен партийный подход к делу, а не просто торговля. Нельзя забывать, что книги — это идеология.

СТОИТ получше покопаться — рядом со «штабелями» книжек Василия Журавлева обнаружатся и «пирамиды» сборников Александра Межирова, но в этом ли вопрос? Речь идет о Москве... А попробуйте купить мало-мальски заметную книгу в Якутске или в Мирном! Надо помнить: наш народ — самый читающий в мире. Особенно жадна до книг молодежь. В райкомах и горкомах комсомола, на ударных стройках — всюду сетуют на то, что нечего читать, что центр забывает об «окраинах», хотя окраины густо заселены людьми, желающими знать современную литературу. Голод на хорошую книгу везде — в Сибири и Поволжье, на Урале и Кубани.

Книга — общее дело, за нее отвечают и автор, и редактор, и продавец. Недавно в издательство «Современник» позвонил астраханский поэт Николай Ваганов, спросил: сможет ли «Современник» дать тираж его книге двадцать тысяч? Суть вопроса в том, что астраханский Книготорг готов взять восемь—десять тысяч, но если «Современник» выпустит книгу Н. Ваганова тиражом десять тысяч, то что же он пошлет в другие области, края, республики?..

Нам скажут: выпускайте книги большим тиражом. Но тут возникает комплекс вопросов, и первый из них — «стоп-сигнал» книготоргующих организаций.

Пропаганда книги, забота о ее движении — задача первостепенная, многоплановая, требующая усилий не одних только издателей. Но, конечно, это не снимает с нас заботы о главном — высоком содержании книги, ее полиграфическом исполнении.

Нельзя не согласиться со Станиславом Куняевым: мы нередко спешим переводить с братских языков на русский. Мне кажется, нашими главными помощниками должны быть писательские организации на местах. Ненормально, когда поэта не знает родной народ, а он уже имеет три-четыре книги на русском языке. В то же время обидно, если «Языческая поэма» Ювана Шесталова, манси, не нашла лучшего приема у книготорговцев Ленинграда, где живет и работает автор. Или книга Флора Васильева, удмурта, набрала тираж двадцать тысяч, да и то в основном с помощью республиканского Книготорга. И «Снежная держава» Василия Ледкова, ненца, и «Камень у родника» Омара-Гаджи Шахтаманова, аварца, — тиражи их, к сожалению, невелики.

Куняев уповает на аннотацию как на панацею от всех бед, — мол, составьте убедительную аннотацию, заинтересуйте книгопродавца и читателя! Все так. Но аннотация — это не «Я помню чудное мгновенье...». Продавец — тоже не Сократ: из нескольких строк всю книгу не увидишь. И то верно — Книготорг не в состоянии рисковать на каждой свежей фамилии. Работников книги нужно понять: планы-то у них огромные, а заказывают они подчас «кота в мешке».

Книга — дело всенародное. В областях, республиках, краях да и в столице следовало бы организовать пропаганду литературы так, чтобы и радио, и телевидение, и газеты всегда находили время и место для нового явления, если оно состоялось, если оно есть.

Ведь даровитая книга — событие общественное! Немалая доля вины в пропаганде книги лежит и на самих поэтах. Когда-то, десять — пятнадцать лет назад, в любом магазине, школе, клубе, дворце, институте, на заводе часто звучали стихи, шли диспуты, споры о поэзии, теперь же этот поэтический гул приумолк. Возродить бы его!

И если уж говорить об издателях, то мы, издатели, слишком легко увеличиваем количество средних, а бывает, и пустых книжек, сами даем право называться поэтом иному человеку, не имеющему к поэзии никакого отношения...

ОТКЛИКИ

НЕ ТОЛЬКО НА ГАЗЕТНОЙ СТРАНИЦЕ...

Очередной «Критический дневник» Бюро творческого объединения критиков и литературоведов был посвящен проблемам, поднятым на страницах «ЛГ» в дискуссии по статье Станислава Куняева «Разговор книгопродавца с поэтом» (№ 44, 1973). В заседании приняли участие поэты, критики, представители Москниготорга и Московского библиотечного коллектора.

На встрече выступили поэты С. Поделков, П. Железнов, И. Кобзев, О. Дмитриев, А. Марков, Е. Храмов, Е. Исаев, Вл. Федоров, И. Шкляревский, Ст. Куняев, Евг. Евтушенко; критики Е. Сидоров, [illegible] Ал. Михайлов, [illegible] музея А. С. Пушкина А. Крейн, [illegible]

ВСЕГДА — СОВЕТЧИК ЧИТАТЕЛЯ

Не все благополучно с подготовкой продавцов для книжной торговли. Не помню, кому принадлежит фраза «Книга — не товар». Может быть, это чересчур сильно сказано, но продавать книги далеко не одно и то же, что продавать мясо, рыбу, картошку и даже телевизоры. К продавцам книжных магазинов обращаются родители, бабушки и дедушки с просьбой подобрать книгу для подростка. Нередко продавцы на их просьбы отвечают стандартно: «Не знаю». Конечно, есть и такие, которые внимательно расспрашивают: возраст ребенка, какие книги читает, чем интересуется — и стараются подобрать книгу соответственно возрасту и интересам. Этим самым продавец книжного магазина несет моральную ответственность за рекомендованную книгу и косвенно участвует в формировании мировоззрения подрастающего поколения.

Зайдя в книжные магазины, редко встретишь продавца, который бы приветливо встретил вас, спросил бы, какими книгами вы интересуетесь, и рассказал бы о новых поступлениях. Если вы спросите какую-нибудь книгу, то, не поворачивая головы, вам отвечают: «Нет».

Здесь, по-видимому, играют роль два фактора: низкая культура продавцов и слабая материальная заинтересованность. Многие из продавцов с таким же «усердием» работали бы в рыбных, овощных и других магазинах. По-видимому, для поступающих в книготорговые техникумы, на курсы надо разработать тест, помогающий выявлять людей, наиболее пригодных для этой профессии. Работники книжной торговли не могут ограничиться знаниями, полученными в техникумах, на курсах. Они обязаны повышать свою квалификацию, следить за выходящей литературой, читать рецензии, знать о выпускаемых книгах. Книготорги должны систематически организовывать курсы, семинары для работников книжной торговли.

Успехи [illegible] книжных издателей и продавцов книги определяло [illegible] к литературе, которая прививалась с малых лет. Всю свою жизнь они посвящали книге. Они не только знали покупателей, но и круг вопросов, которыми те интересуются, и старались помочь им подбирать нужные книги.

Мы имеем все возможности для подготовки таких книгопродавцев, которые по своему культурному уровню и по знаниям книги были бы намного выше дореволюционных книготорговцев. Этим надо только всерьез заняться. Этого требует жизнь.

А. КОГАН,
кандидат наук,
член КПСС с 1918 года

СТОИТ ЛИ ТОРОПИТЬСЯ СО СБОРНИКАМИ?

Станислав Куняев справедливо пишет о необходимости более строгого отбора стихов, переводимых с языков союзных республик. В самом деле, такие прекрасные советские поэты, как Иван Тарба, Кайсын Кулиев, Сулейман Рустам, Любомир Дмитерко, Микола Бажан, Петрусь Бровка, Петря Дариенко, известны в нашей стране каждому любителю поэзии. Но прежде, чем издавать свои сборники в Москве, эти авторы много и плодотворно работали в своих республиках и на суд всесоюзного читателя представили лучшие достижения своей многолетней работы в поэзии.

Диву даешься, когда центральные издательства с ничем не объяснимой поспешностью издают стихотворные сборники молодых авторов, делающих лишь первые шаги в поэзии, мало известных даже у себя на родине. Видимо, целесообразно от чрезмерного увлечения изданием сборников отдельных авторов прийти к созданию сборников антологического типа, таких, как «Молодые молдавские поэты», «Поэты Туркмении» и т. п.

Думаю, что работникам издательств не следует предавать забвению правило: не переиздавать книгу до тех пор, пока не разошелся (хотя бы на 75 процентов) ее предыдущий выпуск.

Начатый на страницах «Литературной газеты» разговор об ответственности поэта и издательства за судьбу каждой книги представляется мне чрезвычайно важным. При всем обилии поэтической продукции стало проблемой пополнить свою библиотеку книгами таких замечательных поэтов, как Михаил Исаковский, Кайсын Кулиев, Ираклий Абашидзе, Зульфия, Эдуардас Межелайтис, в то время как продолжают выходить сборники малоизвестных авторов.

Как сделать, чтобы на прилавки книжных магазинов попадали только книги, проникнутые высокой гражданственностью, написанные ярко, вдохновенно, талантливо? Не думаю, что эту проблему можно решить одним росчерком пера. Но ясно одно: помогут решить эту проблему прежде всего чувство высокой ответственности писателя за каждую строку, большая требовательность к каждому автору со стороны издательств и литературной критики.

Вл. САЛИМОНКО,
преподаватель Иркутского университета имени А. А. Жданова

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАЩИТУ ПЕРЕВОДНОЙ ПОЭЗИИ

[illegible] статьи Ст. Куняева «Разговор книгопродавца с поэтом», [illegible]

[illegible] Кулагина: «...Поэтические переводные книги идут плохо — [illegible] избранное, учитывая, что спрос на переводную поэзию, за малым исключением, незначительный» («ЛГ», № 2, 1974).

Для опровержения этого утверждения можно привести цифры хотя бы из практики работы издательства «Мерани». На стихи поэтессы М. Мревлишвили, например, от книготоргов страны поступило заявок на 23 000 экземпляров, мы смогли напечатать 15 000.

Не правомерно ли судить о книге стихов, оригинальной или переводной, о ее идейных и художественных качествах по одному тому, что она лежит на прилавках книжных магазинов или весьма медленно продвигается к читателю?

Ст. Куняев между прочим писал: «Процент переводной поэзии за последнее десятилетие весьма возрос, и тенденция к его увеличению сохраняется. Это закономерно. Но не надо забывать, что стихи, изданные на русском языке, начинают жить в читательском море несколько иной жизнью, нежели когда они существовали в оригиналах. Мы порой забываем, что у русского языка — особая миссия: это язык межнационального общения. Туркменский поэт узнает о том, что делается, скажем, в литовской поэзии, благодаря языку Пушкина».

Не сужаем ли мы «особую миссию» русского языка, ограничивая ее информацией о состоянии дел в братской литературе?.. Сами поэты-переводчики, лучшие представители советской переводческой школы, в том числе и Ст. Куняев, отмечали, что хорошая переводная поэзия играет отнюдь не вспомогательную роль, а начинает жить новой жизнью, обогащая духовный мир иноязычного читателя.

Вопрос ясен — читательской любовью и покупательским спросом пользуется хорошая поэзия, оригинальная или переводная. Если же автор ее мало известен читателям, то есть целый ряд способов для сближения их друг с другом: предварительная публикация отдельных произведений автора, рецензии в периодике, оповещение о книге по каналам массовой информации, умная, деловая реклама. Тогда будет создано истинное мнение о книге, она получит оценку, которой заслуживает по единому высокому счету нашей литературы.

И беспочвенными станут опасения об «особом» приеме у читателей, об инфляции переводной поэзии. Издание на русском языке — всегда большой экзамен не только для поэта, но и для издательства, которое готовит его книгу к встрече с всесоюзным читателем и несет основную ответственность за ее судьбу.

Борьба за высокое идейно-художественное качество книги, за ее популярность у читателя должна не противопоставляться, а, наоборот, способствовать дальнейшему развитию переводческого дела в нашей стране.

М. ЗЛАТКИН,
главный редактор редакции изданий на русском языке издательства «Мерани»

ТБИЛИСИ

СРЕДИ КНИГ

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ПРАВДЫ И ПОЭЗИИ

НАЗВАНИЕ книги — [illegible] смысла. [illegible] здание кажется [illegible]. На каком-то этапе творческой биографии [illegible]. Откроем дверь и [illegible] внутрь. С порога звучит музыка хорошо организованной фразы.

В прозе Василия Субботина сразу задевает внимание внутренний ритм строки. И краткость — другое очевидное свойство его письма. Сочиняя прозу, он кажется в плену стихосложения, где образная мысль окольцована, заключена в четкие пределы строфы.

Спросят: зачем писать прозу, если удаются стихи? Это вопрос не формы, а смысла авторских интересов. В прозаическом жанре лиризм обладает разнообразием повествовательных средств. Рядом с фиксацией мимолетного ощущения, мгновением напряженного чувства — оценка исторических или повседневных событий в подробном документальном рассказе. Единство таких элементов мы находим в книге «Как кончаются войны» — стержневой в однотомнике.

Музыка этой прозы восходит из глубины жестокого опыта:

«Меньше всего я хотел быть военным писателем. Как же случилось это? Как случилось, что всего лучше знаю я, как какой рвется снаряд и как какой осколок куда ложится. Это, а не то, какая птичка щебечет у меня над головой сейчас...

Я хотел писать все то, что я знал и любил, детство мое и деревню, лес, который я очень любил. Да, может быть, больше всего именно это — детство мое и природу, которая казалась мне неотделимой от детства.

Новой биографии не создаешь, осталась эта, какая есть».

Такая манера говорить о важном учит дорожить словом. В процитированной новелле «Судьба» всего несколько строк.

Краски слова неотторжимы от его сути. Суть поэзии и прозы на войне танкист Василий Субботин учился взвешивать газетной строкой. Он был назначен сотрудником дивизионной газеты. В Берлине со 2 по 9 мая 1945 года поэт продолжал писать короткие заметки — «нечто такое, что для газеты явно не потребуется». Писал «один большой рассказ, состоящий из нескольких маленьких».

В предисловии к «Прозе поэта» К. Симонов охарактеризовал этот продолженный до нынешнего дня большой рассказ, состоящий из маленьких, как роман автора о собственной жизни. Неожиданное жанровое определение для тома, вобравшего обилие равнохарактерного, разностильного материала, — наивность маленьких рассказов о детстве, трагические страницы о войне, акварельность описаний далеких земель, где давно или недавно побывал автор, пристальные портретные характеристики, собратьев по перу. И тем не менее в существе своем определение верное.

Исповедальность лирического жанра позволяет говорить о себе самом, о своей личности как о конкретном объекте художественной типизации. «Проза поэта» проникнута единством исторического содержания прошлого и настоящего, а за лирическим «я» стоит эпический образ целого поколения юношей в военных шинелях, поэтов и непоэтов. Во множестве это были вчерашние мальчики деревни, и первым большим городом в их жизни была поверженная столица немецкого рейха. Автор книги — «юнец, выросший на печке, в тайге» — воспринимал этот факт «как должное». «Я и другие со мной».

Среди множества фронтовых стихов, которые прошли через руки Субботина, добывавшего на переднем крае материал для дивизионной газеты, он выделяет стихи артиллериста Владимира Савицкого — в них «было одно очень важное в поэзии, чудодейственное слово — «я».

Метафора говорит человеческим голосом, отклик поэтов на событие трогает личной болью. «Пустите меня на могилу Неруды. Горсть русской земли принесу. И побуду» (Андрей Вознесенский. «Анафема!»). «На столе открытый лист бумаги, чистый, как нетронутая совесть. Что-то запишу я в памяти моей?..» (Ксения Некрасова. «Раздумье»). Пронзающе нервная интонация и тихая гладь печальной задумчивости...

Услыхав строфу или абзац, мы угадаем, кому принадлежит написанное. Особость звучания достигается интонацией, уникальной у подлинно талантливого человека.

Отчетливая музыка сжатой субботинской фразы кажется наивной, до того она проста и спокойно-прозаична.

Он терпеливо, упорно сражается с неподатливостью слов, добиваясь четкости образов. Часто использует, подобно рефрену, прием повтора. Повторяет слова внутри фразы, повторяет и фразу. Прием торможения фокусирует нужную деталь. Это заметно по цитированной «Судьбе».

Еще перевернем страницу. В мае 1945-го корреспондент «дивизионки» увидел на пороге моабитской тюрьмы немецкого офицера, коренастого, сильного, но потрепанного и подавленного. «Странно похожим лицом» он напоминал того, первого фашиста, с которым будущий летописец берлинских боев внезапно столкнулся в первый день войны. Немецкий мотоциклист гнал во всю прыть и один выскочил к штабу советской части. «Он никого и нисколько не боялся. Что мы могли ему сделать! Казалось, он был уверен, что мы ничего сделать с ним не посмеем... Он стоял, как белый человек в джунглях... Он даже ударил одного нашего сержанта. Он вел себя так, как вел бы себя в джунглях где-нибудь, среди дикарей. Как где-нибудь в джунглях среди дикарей... Казалось, он нисколько не был напуган, он был уверен, что и близко подойти к нему мы не посмеем...

Конечно, это был не тот, другой. Того мы отвели в овраг».

Повторяемость однородных слов, мучительная односвучность, фраз, поставленных рядом. Похоже на стоп-кадр на пути перебегающего внимания, на прицельный огонь с выбранной точки обстрела.

Локальный образ начала и исхода войн. Того отвели в овраг, этот жив, но подыхает рейх, вскормивший завоевателей. Так кончаются несправедливые войны. Убедительная точка поставлена историей и книгой.

Писать лирическую прозу — значит показывать правду жизни, оставаясь самим собой. В лирике взаимодействуют образ и хроника. Проза «Силуэтов» пружинит, дышит. В ней дышит время.

Силуэты, этюды, дневники, диалоги — непосредственность этих жанров увлекательна. Они по-своему свидетельствуют в пользу личности человека, в пользу натурального общения между пишущим и читающим.

«Силуэты» продолжают наше знакомство с Субботиным — поэтом, прозаиком и знакомят с ним же — издателем и редактором. Рассказывая об одной из мемуарных книг, Субботин замечает — в ней «есть точка зрения. Очень важная вещь!».

В субботинской миниатюре, какой бы краткой она ни была, непременно есть точка зрения и ее внятное доказательство. Например, такая: «Наши книги часто слишком закованы, слишком строги» — вывод подсказан недавним редакторским, издательским опытом.

«Силуэты» не символическое изображение, наполовину условное, а удачная попытка создать раскованную книгу. Возможно, удаче помог тот факт, что автор явился «един в трех лицах». Прошел, знает все этапы делания книги — от ее зарождения до выпуска на книжный прилавок.

«Силуэты» — своеобразный ключ к полноте целого, поэтический ключ к характеру человека, места, явления. Маршак, Светлов, Павленко, Яшин, Антокольский... Силуэты освещены изнутри. Это свет энергии таланта, сильный свет. В его зареве возникает облик человека-труженика, вечного должника своего дарования. Профессиональное творчество требует полнейшей самоотдачи. Тема профессионального долга рисуется в «Силуэтах» как тема неодолимости нравственного долга. Ради исполнения этого долга бился Маршак над каждой строкой, над каждым словом до конца жизни, до последнего часа. Ради так понятой роли писателя сгорел Яшин, погиб Павленко. Субботин, попавший после войны в Крым, под крыло Павленко, так и пишет: «Смерть Петра Андреевича была для нас так неожиданна, что нам тогда казалось, что он не умер, а погиб, трагически погиб».

Книги Субботина дороги искушенному и неискушенному читателю за фактически достоверную основу поэтической правды. Его честность со словом мерится человеческой честностью. Надо быть мужественным, чтобы, обладая даром выразительного письма, сознательно ограничивать себя. В его манере играет роль «малогабаритность» лирической формы. Но не только это. Мы знаем лирическую прозу и «без берегов». Иной поэт тащит на белый лист все без разбора. В стихотворной строке уж в силу ее организованности виднее пустоты. А проза, думает он, все стерпит. И предстает перед читателем в образе импульсивно-бесконтрольно «говорящего явления». Но это тема другой статьи.

Л. МИХАЙЛОВА

Василий Субботин. «Проза поэта». Издательство «Художественная литература». М. 1973.

Василий Субботин. «Силуэты». Издательство «Советский писатель». М. 1973.

ВОСПОМИНАНИЯ МАРШАЛА

С ИМЕНЕМ маршала А. М. Василевского, одного из представителей Ставки Верховного Главнокомандования и Генерального штаба, связано большинство крупнейших операций Великой Отечественной войны. Одно это вызывает большой интерес к его воспоминаниям. На ярких примерах автор показывает, как из года в год крепли и мужали Советские Вооруженные Силы, как велика была на протяжении всей минувшей войны организующая и руководящая роль Коммунистической партии, сплотившей многонациональный советский народ в единый боевой лагерь.

В воспоминаниях прославленного маршала рассказано, как зарождались замыслы и планировались операции в Ставке, в Генеральном штабе, как потом воплощались на фронтах. Что особенно ценно, на основе большого архивного материала убедительно доказывается, что успех наш достигался не числом, а умением, превосходством советской военной науки и советского военного искусства. Перечисляя, в частности, причины нашей победы под Сталинградом, А. М. Василевский пишет: «Громадную роль в подготовке войск к проведению ответственнейшей для Родины операции сыграла живая целеустремленная партийно-политическая работа. Она явилась тем фундаментом, на котором вырастали и воля и вера людей в победу».

В книге подробно освещается организация работы в Ставке и Генеральном штабе, деятельность ответственных представителей Ставки на фронтах. Показывается, как росло искусство советских военачальников и штабов, с каким мастерством велась подготовка операций и проводилось сосредоточение массы войск и большого количества разнообразной техники на направлениях главных ударов. Большое значение приобретали и тщательно разрабатываемые в штабах планы перегруппировки войск, оперативной маскировки и дезинформации противника, приводившей его обычно к принятию неправильных решений и в конечном счете к поражению.

Вместе с тем автор справедливо и смело критикует имевшие место отдельные недостатки. Так, неудача под Вязьмой осенью 1941 года объясняется «в значительной мере... следствием не только превосходства противника в силах и средствах, отсутствия необходимых резервов, но и неправильного определения направления главного удара противника Ставкой и Генеральным штабом, а стало быть и неправильного построения обороны». Рассматривая план действий, утвержденный Ставкой на лето 1942 года, автор считает, что «самым уязвимым оказалось в нем решение одновременно обороняться и наступать». При принятии этого плана был допущен просчет: предполагалось, что резервы фашистской Германии иссякнут к весне, чего в действительности не произошло.

Маршал отдает должное таланту, твердости руководства и огромной работоспособности И. В. Сталина. Но из воспоминаний видно, что в начале войны Верховный не в полной мере оценивал роль Генерального штаба, нередко называл его «канцелярией». К сожалению, и на фронте встречались иногда отдельные военачальники, жившие категориями гражданской войны и пренебрежительно называвшие свои штабы «конторой». Кстати, такой военачальник хорошо был в свое время описан А. Корнейчуком в пьесе «Фронт»... Правда, в дальнейшем — с возросшей ролью штабов — упомянутый недостаток был изжит.

Высокая ответственность за подготовку и проведение операций возлагалась на представителей Ставки. Они не только координировали действия фронтов и армий, родов войск и видов вооруженных сил. Не только помогали своими знаниями и опытом, но также влияли на ход операций вводом дополнительных сил и средств за счет соседних фронтов и резервов Ставки. Военачальникам 1-го Прибалтийского фронта помнится, как А. М. Василевский, будучи у нас представителем Ставки, помог отбросить противника вводом нескольких истребительно-противотанковых артиллерийских бригад в Шауляйское танковое сражение. В операциях по освобождению Прибалтики, по докладу и просьбе командующего войсками фронта И. Х. Баграмяна, А. М. Василевский взял на себя ответственность изменить указанное директивой Ставки направление наступательной операции и помог этим ее успешному проведению.

Показывая, как Советские Вооруженные Силы одерживали исторические победы под Москвой, Сталинградом, Курском, в Восточной Пруссии и на Дальнем Востоке, А. М. Василевский убедительно разоблачает современных буржуазных фальсификаторов истории, предвзято и тенденциозно принижающих значение наших отдельных операций и всемирно-исторической победы Советских Вооруженных Сил. Он называет подобных фальсификаторов слугами международной реакции, избравшими своим ремеслом грязную клевету на советский народ и его Вооруженные Силы.

Заканчивая свой труд, маршал пишет о роли Коммунистической партии, которая и в современных условиях делает все необходимое, чтобы наши армия и флот надежно охраняли мирный созидательный труд советских людей.

Н. ХЛЕБНИКОВ,
Герой Советского Союза,
генерал-полковник артиллерии,
кандидат военных наук

А. М. Василевский. «Дело всей жизни». Политиздат. М. 1973.

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрации Б. АЛИМОВА к книге Б. ВАСИЛЕВСКОГО «Где Север?». Издательство «Советский писатель». М. 1974.

«ЕСЛИ БЫ вы знали...»

САМАНДАР ИЗ ДИЛЬКУШО

«ЕСЛИ БЫ вы знали, как прекрасен наш Дилькушо в декабре, когда весь он покрывается слепящим белым снегом!.. Белы верхушки гор. Так и кажется, будто целая стая облаков сорвалась с неба и осела на них...»

Так начинается небольшая повесть узбекского писателя Сагдуллы Караматова «Дорога уходит в горы».

Дилькушо — маленький город. Однако жизнь в нем кипит, и в нем, как всюду, живут хорошие люди, а меж ними — это тоже бывает — люди своекорыстные, нерадивые в труде.

Самандар воевал. Вернулся в родной городок на костылях: ноги он потерял в бою. Перед ним не встают проклятые вопросы: что же делать? как жить? Все складывается просто, как бы само собою. Первое: надо работать. Второе: не надо искать профессию. А по профессии Самандар — шофер. А как же ноги? Можно ли водить машину в протезах?

Отец и мать Самандара тоже ушли на фронт. Но вернулся один Самандар. Ему надо жить, а жить — это значит работать. И он поступает на автобазу. Но это было делом нелегким.

А сможет ли безногий солдат водить машину? И есть ли на этот счет какие-либо законы? Как посмотрит автоинспекция? Одни верят Самандару, верят, что протезы — небольшая помеха, другие сомневаются: дорога горная, опасная, можно погубить и себя, и машину.

Сагдулла Караматов ведет повествование предельно просто, без лишних эффектов, способных, подымать действующих лиц на непривычные для них ходули.

На автобазе не все благополучно. Ее директор любит нарушать законы, причем нередко в свою пользу. Разумеется, коммунисты автобазы не могли примириться с этим. На общем собрании выступил Самандар. «Аплодисменты» прервали его. А Самандар все говорил и говорил. Он поднял вопрос о том, почему сын Туры Салимовича (директора автобазы. — Г. Г.), испортивший две машины, не понес за это никакого наказания и сухим вышел из воды». Одним словом, недостатков на автобазе немало, и Самандар вместе со всеми своими друзьями борется против них. Борясь, они показывают пример замечательной работы, глубокой преданности делу. Вот одна из таких картин: «По ... холмистой степи одна за другой тянулись цепочкой раскаленные грузовики, наполненные зерном. Солнце — в зените. Дотронешься до кузова — руку можно обжечь». Но шоферы работают самоотверженно и добиваются успехов в трудных условиях.

Самандар живет своей работой. Автобаза — его родной дом, и ему больно, если в доме что-то не так.

Районный комитет партии заинтересовался работой автобазы. Он помогает улучшить ее работу, укрепить руководство, поощряет тех, кто считает труд своим высшим гражданским долгом.

Дилькушо — маленький город. Но это не захолустье. Жители его живут полнокровной жизнью вместе со всей страной. И все это показывает Сагдулла Караматов в своей книге.

Геннадий Семенихин хорошо перевел повесть, он нашел слова и соответствующую узбекской речи интонацию, и далекий Дилькушо кажется нам близким.

Георгий ГУЛИА

Сагдулла Караматов. «Дорога уходит в горы». Повесть. Перевод с узбекского. Воениздат. М. 1973.

ДОБРОЕ НАЧИНАНИЕ

Нет нужды объяснять, сколь необходимы сведения о сотнях новинок художественной литературы, выпускаемых республиканскими издательствами на языках народов СССР.

Первый такой своеобразный справочник на русском языке выпустило издательство «Ээсти раамат» в 1966 году. Это «Книга Советской Эстонии. 1965», которая содержала информацию обо всех видах книжной продукции, издаваемой в республике, о важнейших событиях литературной жизни и даже о книжной торговле. И вот появилась вторая такая книга — «Эстонская литература. 1971» (автор и составитель Э. Маллене).

Небольшая по объему, она радует и хорошим оформлением, и своим содержанием: в ней мы найдем необходимые сведения об эстонской художественной литературе 1971 года, когда было издано четыре десятка новых книг. Среди них такие произведения, как романы «Шоссе Свободы» П. Куусберга, «Танец вокруг парового котла» М. Траата, «Примавера» Л. Промет, «Имматрикуляция Михкельсона» Я. Кросса, «Запретная зона» Э. Ветемаа, поэтические сборники В. Альвер, В. Бээкмана, и другие.

В отличие от своего предшественника 1966 года, новое издание содержит сообщения только о художественной литературе. В книге четыре раздела: I. Что вышло в свет, что привлекло внимание; II. Какие произведения какими премиями отмечены; III. Из хроники Союза писателей Эстонской ССР; IV. Эстонская литература в переводах на другие языки.

В тридцати трех коротких рецензиях, помещенных в сборнике (почти на все вышедшие книги), Э. Маллене рассказывает о проблематике, художественных достоинствах и недостатках произведений, об индивидуальных особенностях творчества писателей, о главных направлениях развития литературы за год.

Опыт издательства «Ээсти раамат» заслуживает всемерной поддержки.

Г. МУРАВИН

Э. Маллене. «Эстонская литература. 1971». Издательство «Ээсти раамат», Таллин, 1973.

ОХ, УЖ ЭТИ ЧИТАТЕЛИ...

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОД «РАЗВЕСИСТОЙ КЛЮКВОЙ»

ЗНАЮ, самые пристрастные критики книг про пожарных — пожарные, морских повестей — моряки. Я — моряк, и меня удивили фактические нелепости в книге Анатолия Ганчо «В дальнее плавание» (издательство «Советская Россия», 1973), — писать о ее литературных качествах я не берусь...

Повествование ведется от имени молодого человека Димы, пришедшего на судно «Апшерон» уборщиком.

Странное и удивительное начинается с первой страницы — я узнаю о существовании на торговом флоте каких-то нарядов вне очереди и о том, как уборщик Дима, вооружившись шваброй и ведром с соляркой (?!), идет убирать коридоры.

Это выискивание «блох»? Брюзжание специалиста по поводу того, что «он не знает, а я — знаю»? Отнюдь нет. При желании и у Станюковича можно найти кое-какие морские несуразности (хотя бы пресловутые «узлы в час»!), а ведь читаешь и забываешь об этом. Видишь вместе с писателем и плоскую штилевую синеву океана, и взмыленные штормовые хребты. А главное — чувствуешь себя хорошо среди простых и добрых людей, всегда готовых поддержать друг друга. Здесь — иное. Неправда профессиональная переходит в неправду психологическую.

...Дима попадает в машинное отделение, где по указанию стармеха чистит таинственное «льяло», плавая «по ноздри» в черной жиже, и вычерпывает упомянутую жижу ведрами, после чего надраивает медные бока этого «льяла».

ЛЬЯЛА (во мн. числе) действительно существуют. Трюмные и машинные. Не буду утомлять описанием их, скажу только: это не баки, как предполагает Ганчо, и медных боков там нет. Но главное не это, главное — какие дикари встречают Диму в машине. Ему подставляют ногу, и он по трапу катится вниз. При этом мотористы хохочут. Поясню — машинные трапы похожи на стальные пожарные лестницы, что бывают на непарадных стенах больших домов. Если сорвешься с трапа — рухнешь на стальные решетки. Можно поломать руки и ноги. Можно вообще не встать. Эта шутка даже не по-бурсацки.

Есть и другие развлечения — один из мотористов, по наущению других, выпивает «полбанки дизельного масла».

После этого как-то неуютно становится в этой компании. И все последующие рассуждения о «беролюдях» и антимирах не делают воздух чище. Я не говорю, что этого не может быть. Может. И не только по причине психических отклонений. И писать о таком надо не только в специальной литературе. Но дело-то все в позиции... (Я все-таки влез не в свою епархию, хотя собирался не делать этого. Что поделаешь — диалектика, все взаимосвязано... Но — возвращаюсь к своим «блохам».)

Раздражает назойливая «морская» терминология — все эти «нулевые» и прочие «склянки», все эти упоминания о гауптвахте и тельняшках, «старший кок» (у нас он называется поваром) — словом, весь этот реквизит плохой оперетты.

Тут мы подходим к главному положительному герою, эдакому супермену, Ване Греку. Грузовой штурман, как его называет автор вначале, позднее старпом. Впрочем, временами этот Ваня превращается в первого помощника. И все-то они — Вани, Севы и Димы — от старпома до уборщика. Только у капитана почему-то есть имя и отчество. Мне, человеку, проплававшему не один десяток лет, это режет слух... Грек доверяет людям. Поэтому за погрузкой он может не смотреть, портовые грузчики сделают и так все, как надо. И этим он посрамляет своего недоверчивого коллегу Севу. Делаю скучную выписку из «Устава службы на судах морского флота Союза ССР»:

«...второй помощник капитана ведает приемом и сдачей груза... обеспечивает правильность их приемки, укладки, сепарирования, перевозки, выгрузки и сдачи...»

А какой нюх у этого Грека! Он в темном трюме на ощупь определяет сорта муки, чем рассеивает сомнения своего молодого друга с другого судна. А ведь этого не смог бы сделать «сам таможенный инспектор — капитан-наставник Цукерман»! Во как! «Таможенный ИНСПЕКТОР КАПИТАН-НАСТАВНИК»! А почему бы ему не быть одновременно еще и КЛОУНОМ-ЭКСЦЕНТРИКОМ? Ведь все эти профессии отстоят одна от другой примерно одинаково...

Но до чего ж развесистая клюква начинается над мостиком, когда на 20-й странице «Апшерон» проходит узкость! Тут и уборщик Дима с секстантом (непонятно все: что ему здесь делать в этот напряженный момент; почему с секстантом — это ведь не морское название веника, а точный угломерный инструмент, требующий очень бережного обращения): тут и самонадеянный старпом Сева, и бдительный Потапыч, который в последний критический момент посылает Диму за Ваней Греком (не за капитаном!). И Грек, как и положено такому герою, спасает судно! Сил нет говорить о несуразности этого, но... писатель — пописывает, читатель — почитывает. К этому можно добавить: редактор редактирует (редактор повести — Л. Парфенов).

Теперь — капитан. Когда «прислужники капитала» пытаются погрузить не тот сорт вискозы, он самолично делает лабораторный анализ этой вискозы — и выводит на чистую воду главного «прислужника капитала» мистера Рипа. Очень это здорово, вот только нечем нам такие анализы производить. И незачем. Возим-то мы все — от тракторов до наручных часов. От обуви до чугунных отливок. И, ей-богу, не определяем при этом структуры чугуна...

Во время «шквала-тайфуна» (Ганчо, видимо, считает, что тайфун — это местное название шквала) капитан спит в рубке на поставленном в углу «ватном топчане». По-моему, здесь не хватает за окном дачной березы. Любопытна команда рулевому (в тот момент это Дима!): «Вперед смотреть». Автору, видимо, неведомо, что рулевому в данное время необходимо следить только за картушкой компаса, а вперед смотрят капитан и вахтенный помощник, которые к тому же ближе, чем он, к лобовым окнам рубки. Уф! Я увлекся технологией... Но ведь любого выведут из себя эти «морские» выражения.

Стармех («дед Химик»). Этот удивительный человек весь рейс занят поиском змеевика для своего чудо-опреснителя. Когда не знаешь сути дела, то может показаться, что изобретается что-то небывалое и удивительное. В действительности же изобретается велосипед. Даже в фольклоре об этом есть: «Окончив кидать, он напился воды — воды опресненной, нечистой...». Вот только неэкономична эта штука, да и вкус у этой воды...

Можно писать до бесконечности. Но, думаю, написанного достаточно — и так ясно, что А. В. Ганчо не имеет никакого представления о жизни и работе торгового флота.

Стоило ли палить из пушек по этому воробью? По этому, может быть, нет. Но ведь подобное может повториться... А 50 000 экземпляров! Одной бумаги сколько загублено!

Почему пишу в вашу газету? Потому, что я — давний ее читатель. К тому же на обложке этого произведения написано: «повесть», следовательно, это числится по разряду изящной словесности.

И еще хотелось бы дать маленькую справку для издательства «Советская Россия» и редактора Л. Парфенова: Министерство морского флота СССР находится в Москве, по ул. Жданова, 1/4. Дорога, если идти пешком от издательства, займет минут пятнадцать. Там могли бы посмотреть эту рукопись — когда она была рукописью — и посоветовали хотя бы изъять нелепости, не доводить их до сведения читателей

А. МАЗУРКИН,
капитан теплохода «Иван Москвин»
Мурманского морского пароходства

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВУ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Григория Михайловича Корабельникова секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по критике и литературоведению направили юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, видного советского литературоведа и критика, со славным юбилеем — 70-летием со дня рождения.

Ваша многолетняя и плодотворная деятельность снискала Вам глубокое уважение и заслуженное признание советских литераторов.

Ваши книги и статьи всегда отличались партийной остротой и принципиальностью.

Много сил и энергии отдали Вы работе в журнале «Дружба народов», в редколлегии «Литературной газеты», в правлении Союза писателей СССР и в советах по братским литературам.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни, новых творческих удач!»

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

А. Е. КАХХОРИ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по таджикской литературе направили Абдужаббару Ерматовичу Каххори приветствие:

«Горячо поздравляем Вас с днем Вашего пятидесятилетия. Вы принадлежите к поколению поэтов, которое прошло трудный боевой путь Великой Отечественной войны. Ваши первые стихи, драматические произведения были написаны по горячим следам боевых действий прямо на фронте и пронизаны горячей страстью и любовью к Родине, глубокой и непримиримой ненавистью к врагу. И в послевоенные годы Вы сохранили верность своей теме. Лучшие из Ваших произведений, такие, как поэма «Ночь перед смертью», цикл стихов «Цветы, проросшие из крови», героическая драма «Огненное сердце», снискали заслуженный успех у читателей и зрителей, были переведены на русский язык и другие языки народов нашей страны. Вами переведены на таджикский язык многие произведения русской советской поэзии и прозы братских народов.

Свою творческую работу Вы сочетаете с активной общественной и издательской деятельностью, [illegible] правления Союза писателей Таджикистана и [illegible] издательства [illegible].

Желаем Вам доброго здоровья и новых творческих успехов на благо нашей многонациональной советской литературы».

◆

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Выражаю сердечную благодарность друзьям, читателям, партийным, комсомольским и общественным организациям, редакциям газет и журналов в Советском Союзе и в братских социалистических странах, которые отметили мою многолетнюю работу в поэзии и поздравили меня с 75-летием и награждением орденом Дружбы народов.

Степан ЩИПАЧЕВ

Анатолий СОФРОНОВ

Из новой книги

◆

Для юности все позади:
И детский сад, и первый лепет,
И красный галстук на груди,
Взметнувшийся огнем над степью.

Все позади — и первый класс,
И по истории экзамен,
Свиданья самый первый час
И синева под карими глазами.

Все позади — и нет тревог;
Все позади — и нет сомнений,
А только пыль, и даль дорог,
И жизнь — из долгих воскресений.

И первый над землей полет,
И первый занавес над сценой,
И тот, кто безнадежно ждет,
Что ты полюбишь постепенно.

Зачем страдать? Все позади,
И без оглядки — нет возврата;
Как хочешь по степи броди
От переката до заката.

Не хочешь ждать — уже не жди,
Себя ничем не береди —
У юности все позади, —
У старости все впереди,
Все впереди,
все впереди...

◆

Семену ЗАСЛАВСКОМУ

Нам говорят, что жизнь коротка,
Что не успеешь даже обернуться,
Как за тобою с пеной на боках
Два черных жеребца уже несутся.

Они подкатывают на рысях к крыльцу,
Косят глазами, встряхивают гривой,
Чтобы потом по скорбному кольцу
В последний раз пройти неторопливо.

И все же жизнь не коротка, она длинна,
Замешена таким крутым замесом, —
И столько драм придумала она,
Что надо б делать сердце из железа.

В короткой жизни нет больших потерь.
А в длинной жизни — счета нет им даже!
Когда ты вспоминаешь все теперь,
Ты ни о чем другом уже не скажешь.

И отметешь побасенку о том,
Что век короток и что прожил мало, —
И оттого опять войдешь в свой дом
И все начнешь, как некогда, сначала.

Один в душе у нас с тобой мотив,
В глаза друг другу смотрим долгим взглядом
И вновь живем, делами утвердив,
Что жизнь длинна и что мы вечно рядом.

◆

Когда сгорает все: любовь и страсть,
Надежд былых кочующее бремя, —
В свои права одна вступает власть,
Одно приходит на поверку время.

Оно бросает щепками в костер
Ненужный хлам, сгорающий мгновенно, —
И в этот миг ты упадешь пластом,
Подкошенный ушедшим сокровенным.

Оно еще зацепит, уходя,
И, будучи на измышленья падко,
Как хитрый ворог со спины зайдя,
Ножом тебя ударит под лопатку.

...Горит костер, от сухости прямой,
На полуслове затихает лепет...
И можешь собирать, как инвалид хромой,
Того, что было, невесомый пепел.

Теперь уже ничто не различить:
Любви от страсти и надежд от боли...
Сгорело все, под ребра не стучит —
Лишь только серый пепел над тобою.

Взгляни в последний раз из-под бровей,
Приподнимись и стань куда повыше, —
И на ветру все прошлое развей,
Сгоревшее, оно уже не дышит!

Развей! Не дрогнет пусть рука,
Пусть будет одиночество подспорьем...
...И только вечно будут облака
Плыть над горами и над синим морем.

◆

Над бездной горя и страданий,
Над пропастью ушедших лет
Опять зажегся стародавний,
В глаза ударил, яркий свет.

Он разгорался постепенно
И набирал все больше сил,
И, словно лебедь белопенный,
Меня он светом ослепил.

...Так старый дуб, от суховея
Лишаясь влажности в корнях,
Стоит под солнцем, багровея,
Глубокой осенью в ярах.

Лист за листом сметает ветер
И в степь полынную несет...
И кажется — на белом свете
Пришел ему последний год.

Засохнут корни... Обнажится
Его вершина навсегда.
И никогда степные птицы
Весной не ринутся сюда.

...Но вдруг родник в земле пробьется,
Корней коснется в глубине, —
И дуб вздохнет и встрепенется
Еще в осеннем полусне.

Еще не веря в это счастье,
Листвой последней шевеля,
Увидит он луга и чащи —
Все, все, чем радует земля.

Родник в его пробьется жилы
И силой жизни напоит,
Чтоб снова птицы закружились
Над местом тем, где дуб стоит.

И вновь весной на крутояре,
Где стаей ходят облака,
Зеленым пламенем ударит
Глубинный отблеск родника.

◆

Журчит родник, бежит ложбиной,
Блестит водою ключевой,
Из-под земли в движенье кинув
За струйкой струйку бичевой.

Пока бежит ложбиной мшистой,
Блестя под утренним лучом,
Родник слезой струится чистой,
Не взбаламученный еще.

Но вот выходит из ложбины
И вдоль дороги столбовой
Свернет туда, где мчат машины,
Где свист и ветер гулевой.

Из-под колес летят ошметки,
В родник летят и пыль, и грязь...
Но он все так же, беззаботно,
Струится вдаль, огнем лучась.

И пусть его никто не видит
Здесь, в придорожной колее,
Он все такой же, без обиды,
Струится звонко по земле.

Он все такой же, он все тот же,
Состав его неразделим,
И только ветер легкой дрожью
Проходит изредка над ним.

Он ничего себе не хочет,
Родник, в канаве даже мчась;
Ничто его не опорочит —
Ни пыль дорожная, ни грязь.

◆

Блестит осенняя полуда
И волны блестками сечет;
Туманом осени окутан,
Неспешно к морю Дон течет.

Туман расходится над Доном,
И начинается с утра
Донской волны, уже студеной,
В осеннем мареве игра.

От летних зорь, от повторений
Восходов ранних и ветров
Здесь только тихое горенье
Шуршащих листьями костров.

Здесь, обнаженные предельно,
Деревья ветками стучат;
И — обожженные — отдельно
Стволы над берегом торчат.

Следы весенних грозных молний,
Спаливших начисто кору,
Не отражаясь в тихих волнах,
Они не дрогнут на ветру.

Черны расщелины и серы,
В дупле полова и стерня, —
И никакие полумеры
Их не вернут к истокам дня...

Но мир широкий, осиянный
Заполнен солнцем до краев
И топит горести и раны
В изломах желтых берегов.

Блестит осенняя полуда
И волны блестками сечет...
...Я буду жить и жить,
покуда
Неспешно к морю Дон течет.

«В НОЧЬ С ПОНЕДЕЛЬНИКА НА ВОСКРЕСЕНЬЕ»

ЗАМЕТКИ КРОХОБОРА

«Заметки Крохобора», опубликованные в «ЛГ» (№ 4, 1974), были встречены нашими читателями с искренним сочувствием. Крохобор получил много писем. Авторы одних благодарят нового сотрудника «ЛГ» и желают чаще встречаться с ним на страницах газеты, авторы других признаются в том, что сами одержимы страстью к «крохоборству», доказательством чего являются собранные ими языковые казусы и ляпсусы.

Некоторые из писем показались Крохобору настолько интересными, что он решил познакомить с ними остальных читателей «Литературной газеты».

Л. Богданович в книге «Жизнь начинается сегодня» («Московский рабочий», 1973) пишет: «Как студент факультета журналистики МГУ, Аркадий, конечно, уже познал основы логики — науки о законах и формах мышления». Основы логики Аркадий, возможно, и познал, а вот основы русского языка? Он говорит: «— Но почему вы так настроены против свободы любви? Лично мы ничего порочного в этом словообразовании не видим». «Свободная любовь» не словообразование, а словосочетание. Любопытно, что некто Иван Павлович, личность, по мнению автора, идеальная, «человек большого ума и тонкого чувства», «эрудит» повторяет малограмотное выражение Аркадия: «Что за словообразование — «свободная любовь»! Вроде бы и красиво, но совершенно бессмысленно».

В той же книге можно прочитать: «Алкоголь набрасывает туман на ближайшее будущее и на ответственность за себя и за девушку». Подобные фразы «набрасывают туман» на восприятие читателя.

⁂

В некоторых фантастических романах описываются контрамоты — люди, для которых время движется в обратном направлении: сначала 1974 год, потом 1973-й, сперва у них среда, затем вторник и т. д.

Наверно, контрамот написал в газете: «Сель сорвался 16 июля. Была ночь с понедельника на воскресенье».

⁂

Коварная штука — предлоги. «Пальмы требуют внимательного и заботливого ухода. Ботаники называют их двудомными растениями, так как мужские и женские соцветия группируются отдельно, на разных деревьях. Из сотни женских пальм — одна мужская». Это все равно, что сказать: из сотни женщин одна — мужчина.

⁂

Не везет старому, заслуженному глаголу «есть». Как-то обходят его, стараются реже употреблять, предпочитают другие... Говорят, например: «я кушаю», «мы уже покушали». А недавно прочитал: «Чем вкуснее обед — тем больше желающих отведать его». Что такое? Открываю словарь Ожегова. Нет, все правильно: «Отведать (устар.) — попробовать, съесть или выпить немного». Почему же вкусный обед надо только пробовать, а не съедать? Пример далеко не единичный. «Здесь можно отведать ароматной ухи или бульона с кулебякой, солянки из осетрины...» Зачем приглашать в ресторан заевшихся людей, которые даже солянку из осетрины только пробуют?

У Горького в «Варварах» голодный Дунькин муж просит хлеба: «Позвольте мне кусочек... отведать», а когда ему отказывают, говорит: «Слушай... дай кусочек, Христа ради!» Матвей отвечает: «Что ж ты, чудак, прямо не сказал? Просишь отведать... разве хлеб отведывают?»

Да, надо говорить прямо: отведать так отведать, съесть так съесть.

ИЗ ПОЧТЫ КРОХОБОРА

Дорогой Крохобор!

Дома меня зовут «буквоедом». Хочу поделиться с тобой своими соображениями по поводу того, что приходится читать в газетах.

«Мы постоянно работаем над улучшением конструкции ВНУТРЕННЕГО ИНТЕРЬЕРА», — прочел я на днях в одной газете.

«БАРРИКАДЫ ЗАГРОМОЖДЕНИЙ из автобусов...»

«Потом, через год, она, улыбаясь, говорила мне, показывая ПРЕЙСКУРАНТ ЦЕН...»

Когда же исчезнут выражения типа «масло масляное»?

А вот примеры, показывающие, что авторы статей не знают значений некоторых слов.

«ПЯТИГРАННИКИ на рулонах».

«Пятигранником» назван Знак качества. Но он — не «пятигранник» (объемное, трехмерное тело), а ПЯТИУГОЛЬНИК — плоская фигура.

«Роже Ленжу — так зовут француза, исполняющего на своем КАРТИНГЕ этот весьма рискованный трюк».

Гоночный микроавтомобиль называется картом, а картинг — это соревнования на таких автомобилях.

БУКВОЕД

⁂

Взял в руки Философский словарь под редакцией М. М. Розенталя (М. 1972) и удивился. На обложке словаря — алфавит, и буква «ц» помещена между «э» и «ю». Может быть, редакторы словаря отредактировали и алфавит?

Н. АЛЕКСАНДРОВ
САРАТОВ

⁂

В заметке о лотерее «Спортлото-2» «Счастливых выигрышей, щекинцы!» прочел: «Карточки, заполненные неправильно, считаются БРАЧНЫМИ...»

Уж не собираются ли карточки вступать в брак? Или автор не знает слова «бракованный»?

Б. ЧЕБУРКИН
ЩЕКИНО
Тульской обл.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

А. И. ЯКИМОВИЧУ — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по белорусской литературе направили Александру Ивановичу Якимовичу приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, одного из старейших белорусских писателей, заслуженного деятеля культуры Белорусской ССР, с семидесятилетием со дня рождения.

Сын крестьянина из бедной белорусской деревни, Вы рано начали трудовую жизнь и неразрывно связали ее с борьбой за построение нового, социалистического общества в нашей стране.

Более пятидесяти лет Вы щедро дарите свой яркий, самобытный талант многомиллионному юному читателю, воспитывая у него любовь к Родине, чувства патриотизма и интернационализма.

Ваши сказки «Синяя Свита Наизнанку Сшита», сборники повестей и рассказов «Васильев курган» и «Первая победа» давно полюбились юным читателям. Неоднократно переизданные, они стали добрыми спутниками и друзьями наших ребят.

Высоко оценены также Ваши исторические повести «[illegible]» и «Костусь Калиновский», в которых Вы рассказываете о славных страницах борьбы белорусского народа за свободу и независимость.

Мы знаем и ценим Вас также как одного из талантливых переводчиков на белорусский язык произведений Пушкина, Некрасова, Крылова, Горького, Маяковского, Тычины, Рыльского и других писателей братских народов.

Желаем Вам доброго здоровья, счастья, новых творческих успехов».

Л. И. ИВАНОВУ — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Леонида Ивановича Иванова секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по очерку и публицистике при правлении Союза писателей СССР направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного советского публициста, очеркиста, прозаика, с 60-летием. Широкая популярность, боевое звучание Ваших произведений определяются глубокими связями с жизнью современной деревни, со смелостью в исследовании проблем сельской действительности, с партийной зоркостью писательского взгляда, с талантом.

Мы знаем Вас не только как автора многочисленных книг, но также как человека щедрой души, большого гражданского темперамента, активного участника общественной жизни нашего писательского союза.

Желаем Вам крепкого, сибирского здоровья, многих успехов в жизни и в труде».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

◆

Леонида Иванова называют обычно сибирским писателем. Что ж, для этого есть все основания. Он и живет в Сибири, и пишет главным образом о сибирской деревне. Но как много значит для литератора память сердца! Пожалуй, не было такого года, чтобы Леонид Иванов не съездил в родные места — в Калининскую область. Не забывает он и давнюю свою привязанность — Кубань.

И вот — так уж повелось в литературной практике Л. Иванова — какому бы краю ни был посвящен тот или иной его очерк, он непременно вспомнит в нем и другие полюбившиеся ему места. Это и дает возможность Леониду Иванову делать в своих очерках широкие социальные обобщения, это же и разрушает представление о Леониде Иванове только как о сибирском писателе.

Очерки Леонида Иванова покоряют не только широтой охвата самых различных сторон сельской жизни, но и высоким гражданственным накалом: они призывают к активному вмешательству в жизнь.

И еще одна очень важная особенность очерков Леонида Иванова. Они насыщены сложнейшими сельскохозяйственными проблемами, но писатель раскрывает их не умозрительно, не «в лоб», а через судьбы и характеры людей. Перед читателями проходит целая галерея интереснейших человеческих образов, среди которых далеко не последнее место занимает и обязательный образ самого повествователя — писателя, самозабвенно влюбленного в землю и в людей, работающих на земле.

Леонид Иванович Иванов встречает свое 60-летие в обычном для него состоянии — в творческом поиске, в работе.

Хотелось бы от всего сердца пожелать ему новых больших успехов в его трудном, но увлекательном деле!

Иван ВИННИЧЕНКО

Р. Г. ТУХВАТУЛЛИНУ — 50 лет

В связи с пятидесятилетием со дня рождения писателя Рафаила Газизовича Тухватуллина секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветственную телеграмму, в которой говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного татарского писателя, с пятидесятилетием со дня рождения и заслуженной наградой — орденом «Знак Почета». Все Ваше творчество пронизано любовью к человеку труда. С реалистической достоверностью Вы в своих повестях и рассказах запечатлели образы тружеников села и нефтяников Татарии. Желаем Вам крепкого здоровья, новых талантливых произведений».

⁂

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

РАБОТА ВЕЧНАЯ ОГНЯ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Я с первых послевоенных лет знаю Янку Брыля, давно перевожу его прозу, а писать о нем трудно. Сложное это явление — Янка Брыль. И сложность его, думается, поэтическая. Ему и читатель нужен, талантливо сосредоточенный на каждом слове, — как поэту.

Между тем начинал он больше с прозы, хотя и стихи писал тоже. Стихи эти были менее лиричны, и он вскоре почувствовал свое поэтическое призвание в прозе. А стихи уже только переводил.

Творчество Брыля разнообразно, многожанрово: и очерки, и публицистические и критические статьи, и фельетоны, и юморески, и переводы прозы и поэзии (он знает, почти как родной, польский, русский, украинский языки, а еще война обучила немецкому). Но главное — художественная проза: рассказы, повести, романы, новеллы, лирические записи. Пишет он и для детей — будто и по призванию писатель детский. Теперь в соавторстве с прозаиком Алесем Адамовичем и критиком Владимиром Колесником, бывшими, как и он, партизанами, они завершили сугубо документальную книгу, где собраны доподлинные свидетельства людей, испытавших ужасы фашистской оккупации и лишь чудом спасшихся от неизбежной смерти. Трагедия памяти раскрывается в их рассказах, записать которые понадобилось двенадцать километров пленки, а для встреч с очевидцами тех событий надо было побывать в сотнях белорусских деревень и поселков, в основном подобных Хатыни. В книге предполагаются и фотографии, и пластинки с живыми голосами ее героев. Названа она: «Я — из огненной деревни».

Янка Брыль и сам пережил приближение неминуемого смертного часа: он попал польским солдатом в фашистский плен и был приговорен к расстрелу. Ему удалось бежать к партизанам...

Художник — весь из жизни. И, зная это, иные молодые планируют себе заранее «горьковскую» биографию, чтоб было о чем рассказать потом читателю. Почитаешь, кем только и где только не был автор, — интересно! Куда интереснее, чем он пишет. Невольно думаешь, что, собственно, у Пушкина или у Толстого внешне — и географически, и событийно — биографии не столь уж и богатые. Неизмеримо богаче их духовная биография: сколько пережили они и передумали над тем, что увидели, о чем узнали. Биография Янки Брыля близка горьковской естественно. Он рос в глубинной западнобелорусской деревне, и Горького ему приходилось переписывать для себя от руки. У жизни ему приходилось учиться также нелегко. В этом он сам признается читателю:

«После войны, когда я сквозь бездорожье жизненных невзгод — фронт, плен, оккупация, партизанский отряд — вышел, наконец, на светлый берег советского книжного моря, мне пришлось здорово все же поднатужиться, чтобы достичь пристойного минимума начитанности, с которым не стыдно считать себя писателем. Оправдываться условиями прошлого не хотелось и было бы неловко, а сверхурочная работа над книгой была не нудным корпением заочника с большими «хвостами», а радостной учебой, жизнью во всю ее полноту».

Эта начитанность, учеба у многих советских писателей, у классиков русской литературы, особенно у Чехова и Толстого, лишь отчетливее высвечивают свое, художническое в Янке Брыле. Всюду его можно узнать, даже когда он пишет в соавторстве, даже когда это сугубо документально и дано в дословных записях рассказов очевидцев, как в названной новой книге. А все, думается, потому, что это тоже стало его собственной жизнью во всю полноту: по-своему перечувствовано, по-своему осознано.

Он и теперь такой же, каким я встретил его впервые, — только старше, многоопытнее и основательнее он стал. То было сразу после войны. Минск лежал в развалинах. Лишь уцелели местами окраины. Я помню тесную комнатенку на Комаровке. В ее тесноте он казался еще более рослым, большим. В пальцах его такой мелюзгой казалась самописка, что нельзя было не улыбнуться. И от того, что лицо его было загорело и заветрено, глаза голубели очень светло, чуть-чуть усмешливые, словно вот сейчас подмигнут не то запросто, не то со значением. Это впечатление и теперь не оставляет меня, когда я читаю и перечитываю его. Только крупность человеческого здесь еще ощутимее; тому, что вложено им в слово, еще теснее.

Янка Брыль по самому духу своего творчества — и в малых, и в больших формах — лирик. Каждая его книга — это и о себе, о своих чувствах и переживаниях. Он не только присутствует сам в книге, зримо или незримо, он обязательно дает свое душевное отношение ко всему: к людям, их словам и поступкам, их делам и миропониманию. Его чувствуешь, с ним и сам волнуешься, радуешься или негодуешь. Сама художественная ткань у него зачастую настолько близка лирическому стихотворению, что это сказывается и в движении слова в строке, и в интонации ее:

Алесь никогда не просился.
Молчал «по-рыцарски»,
«по-казацки», как
«Остап Бульба».
Не рыцарства на этот
раз не было.
Было [illegible],
стыдно —
И он [illegible],
откуда этот
Кремовый
да [illegible] воротник
«под Юлиуша Словацкого».
признался скупо и
осторожно.

И это из романа «Птицы и гнезда». Я взял, не выбирая, кусок более драматический, чем лирический, но и он поэтичен и духовно чувствен. Так сплошь написан роман. Я уж не говорю о его немногих лирических отступлениях. У него и форма построения близка стихотворной — роман состоит из кольца глав-повестей, которые, словно бы строфы, замыкаются в конце. Но основное — это лирическое восприятие мира: сквозь чувство поэта видятся и психология, и характеры, и полная трагических неожиданностей партизанская жизнь. В главном герое романа Алесе Руневиче во многом угадываются сам автор, его переживания, его интимная душевность. И сама эта сердечная мысль проходит через весь роман — человечность людей военных в бесчеловечности войны, непримиримость с нею, навязанной врагом, ненависть к рабству. То, что все это от души, от сердца, — берет за живое, убеждает, как поэзия...

Обычно с годами становятся эпичнее, что ли. У Янки Брыля — наоборот. Ранние рассказы и повести даже, кажется, были более описательны, хотя и светились лирическим чувством, особенно в добром своем, незлобивом, житейски трогательном юморе. Теперь же, особенно в книге лирических записей, чаще ирония, чем юмор, да и чувство более сосредоточенно, философски самоуглубленно, интимно. Но что удивительно: доверительная — словно бы он говорит с тобой наедине — интимность становится еще более гражданственной, а маленькие новеллы — еще многолюднее, чем повести и романы. Они так плотно заселены, как те послевоенные, уцелевшие кварталы, в которых живал и сам поэт. И манера письма, кажется, все та же — неторопливая, рассудительная, скорее повествовательная, чем лирическая. Только стала она более емкой — и... более лирической, еще более думающей сердцем. Это, казалось бы, противоречие очень цельно само по себе. И в нем, скорее всего, неповторимость Янки Брыля. Широта жизни, событий, чувство времени в прозе этого художника тем полнее, чем сильнее она сжата, чем теснее ей в слове, осмысливающем чувство.

Там, прежде, у него были большей частью типы и образы крестьян западных областей Белоруссии, партизан, детей, пограничников, агрономов, учителей подпольщиков, рабочих. И отец был рабочим, и самому тоже приходилось. Здесь уже и круг земляков расширился — ученые, студенты, партийные и советские руководители, солдаты, офицеры. Круг расширился и пространственно, и национально. Представлены многие уголки Союза с их людьми, многие иные страны с их нравами и обычаями. И это в маленьких, иногда в несколько строк лирических записях.

Очень широко, эпично это пронизанное интимностью лирическое полотно. Приведу малую толику зримых и осязаемых образов в драматической их сосредоточенности, в чувственной собранности.

«В троллейбус зашел инвалид. Ему уступили место. Другой инвалид, что сидел через проход, успел за это время заметить, что у коллеги нет правой ноги, а поскольку у самого нет левой, — обрадовался. Спросил, какой тот носит номер, узнал, что одинаковый с ним, — еще больше утешился. Купят одни ботинки на двоих. В магазине видел. Вот вместе сойдут и купят!..»

И еще:

«У старухи колхозницы отняло речь. Прилетел самолетом ученый сын, два дня сидел над нею, и только на третий день она пришла в себя. И первое, что произнесла, — спросила:

— А пообедал ли, сынок?..

Чего ему — пожилому мужчине, солдату — стоило, чтобы не заплакать!..»

Из совсем коротких:

«Идут солдаты — и чудно, приятно подумать, что каждый из них был маленьким, что каждый из них обцелован мамой».

«Сколько их, этих соловьев, было, а все кажется — те самые они, поют, несут жизнь... Что ж, так и мы».

Как давно и родственно близкие тебе, встают люди в книге «Горсть солнечных лучей»: старушка, вошедшая где-то на пыльном большаке в подобравший ее автобус и раздающая всем красные яблоки с такой материнской привязчивой лаской, что всем стало приветливее и добрее глядеть друг другу в глаза; друг латыш, поведший автора в Домский собор и там как бы еще основательнее приобщивший его музыкой к душе и своей, и своего народа.

Одно и то же чувство — человечность — пробуждается разными картинами, разными обстоятельствами и столкновениями, разными способами. И оно тем действеннее, чем лирически убежденнее. Сам драматизм подан с разным настроением — тревожным, трагическим или грустно-усмешливым. И негодование — тоже. Автор будоражит наши мысли своим действенным неравнодушием.

Обычная необычность вкрадчива, ее не сразу и заметишь, но она составляет свою особенную, брылевскую новизну. Подчеркнутая верность великим традициям литературы не делает его несовременным. И это не только потому, что его человеколюбие не абстрактно (хотя и соблазняет его Лев Толстой на общечеловеческое, идеальное любвеобилие), оно действенно направлено против конкретного сегодняшнего и вчерашнего зла.

Вроде не совсем для лирики это его самовыражение цели: «Хочу петь обо всем, что вижу, что думаю». Лирика избирательна. Она неограничена лишь потом, когда высвечивает каплю, в которой — целые миры. Но ей надо именно [illegible] ограничивать себя. А тут — «обо всем»... Уверенность эта, видимо, оттого, что нет капель, в которые бы не вмещалась жизнь. И надо только озарить их своим, переменным, почувствовать, [illegible] рождающий и растущий [illegible] ливень...

Но тут [illegible] и верю, и сомневаюсь: так ли это? Сказывает [illegible], что чего-то в нем я еще недопонял или понял не совсем так. И упаси бог доходчивее, чем он есть, представить себе его, упростить то, над чем художник сам так сложно задумывается и так часто (во имя все той же простоты!) возвращается все к тем же мучающим его вопросам. Сама жизнь Янки Брыля могла бы стать романом — столько значительно событийного в ней, крупно всеобщего в его личном. Но крупнее всего он выражает себя, повторяю, в малых формах.

Таким он идет теперь к читателю — и к нашему, советскому, и к заграничному, мировому. И это потому и современно, что покоится на прочности наследия мирового прошлого, на человечности нашего настоящего. За границей и увидено то, чего дома не увидишь, именно потому, что он, как человек бывалый, идет к бывалым людям, глубоко уважая их национальное, их исконное, боясь оскорбить их чувства и обычаи, и узнает в них то общечеловеческое, что сближает разные народы.

Это и язык. И сама мечта-надежда:

«Слово наше летает сегодня далеко, далеко вьет себе гнезда. Ничего удивительного, если это, что теперь пишу, когда-нибудь заметит узбекский читатель. Там и далеко за рубежами Союза прямая взаимо[illegible] близость всему человеческому помогает лучше разглядеть самое такое, что обогащает новизной и дружеским своеобразием».

...Как-то мы поздно ночью возвращались от моей старушки-матери в гостиницу в Гомеле, долго стояли на площади Труда у братской могилы. Потом я прочел у Брыля о вечной работе огня. И меня поразило это — «работа», поразило той нагрузкой, что несет на себе столь привычное слово, своей обновленностью, которая, подумалось, может стать по крайней мере на очень долго такой же первично свежей. Видимо, размышлял я, новое особенно впечатлительно в старом, переосмысленном в духе века. Обновление образное, оно еще долговечнее в своей новизне...

Дмитрий КОВАЛЕВ

СЛОВО О СТАСОВЕ

В. КЕМЕНОВ,
вице-президент Академии художеств СССР

Имя Владимира Васильевича Стасова неотделимо от расцвета нашего отечественного искусства во второй половине XIX века — от таких явлений русской и мировой культуры, как передвижники в живописи и «Могучая кучка» в музыке.

В незаурядной личности Стасова счастливо сочетались ценные качества: он был энциклопедически образованный ученый (член Академии наук), крупнейший знаток зарубежного и русского искусства, в совершенстве владевший семью языками, убежденный приверженец передовых общественных идеалов, пламенный патриот. Следуя идейным заветам Герцена и Белинского, он глубоко воспринял программу, изложенную в знаменитой работе Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности».

Критическая деятельность Стасова неразрывно связана с претворением в жизнь принципов материалистической эстетики. Он был летописцем передвижничества, пропагандировал творческие достижения его ведущих мастеров — страстно и убежденно защищал их работы от нападок противников реализма.

В творчестве передвижников и примыкавших к ним художников-реалистов (Верещагина, Антокольского), Стасов видел осуществление желанных перемен: с этого времени изобразительное искусство двинулось по новому пути общественного служения, воодушевленное примером великой русской литературы.

Передвижники, разъяснял Стасов, не мирились, «с тем, что совершалось в действительности. Они не согласны были рисовать лживою кистью все только притворные счастья и благополучия, торжества и победы, грации и улыбки — они видели, что в действительности жизнь, в большинстве случаев, вечно состоит из чего-то совсем другого, щемящего и мучительного, из бед и нелепостей, и эту горькую правду они стали передавать на холсте».

Вместе с тем Стасов был далек от того, чтобы ограничивать задачи реализма неприятием действительности — одной, хотя бы и очень верной, волнующей нотой. Современное искусство, по мнению его, призвано отразить всю полноту жизни: поэзию и красоту трудового народа, родной природы, многообразие человеческих типов и характеров. Он придавал огромное значение пейзажам Саврасова, Васильева, Шишкина, Левитана, восхищался силой портретной живописи Крамского и Репина.

Стасов оценивал творчество великих художников не одной и той же меркой, но в каждом случае считался с особенностями индивидуального склада и художественного дарования, стремился способствовать наиболее полному раскрытию таланта. Ему были близки скорбные мотивы и горькая ироничность Перова, строгий документализм и гуманистический пафос Верещагина, психологическая глубина мощных народных характеров Сурикова, неодолимая правда жизни Репина, проникновенное чувство природы Левитана, былинные, поэтические образы Васнецова, увлечение сильными эффектами, оригинальными состояниями природы Куинджи.

Актуальны и в наше время многие теоретические положения, высказанные Стасовым. Они показывают неосновательность тенденциозных попыток принизить значение Стасова как теоретика путем искажения его идейно-эстетической позиции. Высказывания Стасова не дают повода для упрощенческих толкований. Наш выдающийся критик не отождествляет принципов реализма с бессодержательным копированием натуры, мелочным и бесстрастным жизнеописательством. Он высмеивает художников, «которые весь век вырисовывают на своих холстах столы, стулья, диваны, платья и кафтаны, кружева и ленты... вуали, фраки и мундиры...», высмеивает методы, которые «уничтожают интеллектуальную работу между моделью и рукой» художника.

Стасов придавал исключительно важное значение способности художника осмысливать реальность, «вживаться в сюжет», он подчеркивал роль композиционного, живописного мастерства и творческой фантазии, позволяющей реализовать идею художественного произведения в достоверной, жизнеподобной форме.

Стасов со всей страстностью своей натуры отвергал идеалистическую теорию «искусства для искусства», справедливо считая, что она принижает значение художественного творчества для человечества, низводит искусство до уровня милой забавы, развлечения, «внешнего глазоугодничества». Враждебная критика обвиняла Стасова в упрощенческих взглядах, якобы игнорирующих специфику искусства и неспособных ценить красоту художественной формы. Но эти измышления были ложными.

Да, для Стасова искусство было мощным фактором общественного прогресса, его назначение он видел в служении обществу, человечеству, в приобщении широких народных масс к высоким идеалам. Но Стасов отлично понимал, что такая программа под силу лишь подлинно художественным произведениям, и вся его критическая деятельность проникнута борьбой за такое искусство.

«Искусство, — писал он, — есть такое важное, такое серьезное и нужное для нашей жизни дело, что любоваться ТОЛЬКО красивостями форм, линий и красок — безумно и преступно; довольствоваться ТОЛЬКО рассмотрениями мастерства... и определениями ОДНОЙ ЛИШЬ этой ценности — непозволительно и нелепо». Конечно, истинное произведение искусства должно заключать в себе полное мастерство, владение формой, свободу в употреблении средств искусства, «...ИСТИНА ФОРМ ДОЛЖНА СТОЯТЬ НА ОДНОЙ ВЫСОТЕ С ИСТИНОЙ СОДЕРЖАНИЯ, но никоим образом ни та, ни другая... сторона не должна преобладать в УЩЕРБ другой».

Как видим, эта позиция далека от упрощенчества, и нападки на Стасова были вызваны тем, что он требовал от искусства истины содержания, а не одного мастерства исполнения.

Стасов считал, что искусство «существует вместе с жизнью» и что критика «обязана из самого произведения вывести его жизненную идею», для которой именно и существует все произведение «со всей его красотой и великостью». Главное достоинство стасовских статей в том, что он первым применил к изобразительному искусству метод «реальной критики», обоснованный Чернышевским и Добролюбовым. Он рассматривает и анализирует произведения искусства так, как если бы перед ним был кусок самой жизни, и сопоставляет их с отражаемой действительностью. Поэтому, оценивая шедевры русской живописи, произведения Федотова, Перова, Репина, Ярошенко, Стасов не ограничивался пределами картин, а переходил к разным сторонам русской жизни, что придавало его статьям огромное общественное значение.

Идеалистическая критика обвиняла художников-реалистов в тенденциозности. Какое нелепое обвинение, отвечал им Стасов, ведь подлинный художник не может оставаться безразличным к тому, что происходит в действительности. При этом Стасов не отождествлял тенденциозности истинного художника с предвзятостью и субъективным произволом, с готовностью переиначивать реальность на свой лад, как этого хотели адепты старого академического искусства (принцип «исправления природы») или как этого на свой лад хотят теперь приверженцы новейших формалистических направлений (принцип так называемой «деформации»). Согласно понятиям Стасова тенденциозность прогрессивного искусства не расходится с требованиями реализма, объективного отражения жизненной правды с демократических позиций. «Тенденцией, — писал он, — обзывают «содержание», когда оно правдиво, истинно, глубоко, когда оно взято из существующей, настоящей, глубоко затрагивающей современной действительности».

Стасов жил и работал в ту эпоху, когда, по определению Ленина, в России уже произошел раскол нации на две нации, раскол русской национальной культуры на две культуры. В искусстве шла ожесточенная борьба между приверженцами этих двух культур.

К так называемому «русскому началу», понимаемому в смысле великодержавного национализма и шовинизма, взывали реакционеры всех мастей, подновляя и варьируя пресловутую формулу графа Уварова «православие, самодержавие, народность», — Катков и Леонтьев, Иван Аксаков и Победоносцев, Пуришкевич и Суворин... Реакционные славянофильские идеи в религиозно-мистическом духе стали затем развивать декаденты-символисты: Вяч. Иванов, Мережковский, Бердяев.

Стасов не хотел и не мог отдать этим людям право выступать от имени русской культуры. Может быть, поэтому даже во внешности он подчеркивал свой русский национальный облик: носил косоворотку, подпоясанную кушаком, штаны, заправленные в сапоги, и большую «допетровскую» бороду... Но его идея русского искусства имела прямо противоположный характер.

Огромная историческая заслуга Стасова в том, что он, впитавший идеи Герцена, Белинского и Чернышевского, был первым критиком в области изобразительного искусства, который смело противопоставил господствовавшему реакционному, шовинистическому пониманию смысла русского национального искусства свое, последовательно демократическое понимание: согласно Стасову искусство лишь тогда имеет право именоваться национальным русским, когда в нем есть настоящий глубокий реализм и когда в нем выражена подлинная народность. В статье Стасова «Двадцать пять лет русского искусства» читаем: «Первыми и главными чертами явились реализм и национальность». Стасов полностью согласен с Львом Толстым, считавшим, что «презрение ко всему условному, искусственному» есть характерное русское чувство, и пишет, что русские художники «горячей душой прилепились к реализму, к воспроизведению правды, существующей в действительной жизни», стремились к «освобождению индивидуума» от... темноты и робости».

Именно со стремлением русских художников к реализму, считает Стасов, «выросла у нас потребность национальности», как намерение правдиво представлять в произведениях «наш характер, наши нравы и наши дела». Стасов отмечает, что это — нормальный, здоровый путь развития национального искусства как русской, так и других наций, давших миру великих художников, и приводит в пример Курбе.

Эстетические взгляды Стасова, проникнутые горячей любовью к русскому искусству, чужды какой-либо национальной ограниченности, он убежден в плодотворности обмена действительными художественными достижениями между разными народами и в несомненной пользе усвоения ценнейшего опыта, накопленного мастерами искусства разных стран. Он восхищался античным искусством, различными мастерами Ренессанса, XVII — XIX веков. Стасов посвятил яркие страницы искусству Гойи, скульптурным произведениям Фальконе и Гудона. В течение многих лет он изучал орнаменты различных славянских и восточных народов.

Стасов к вопросу о национальном характере искусства подходил с позиций последовательного демократизма, с чувством глубокого уважения ко всем нациям и народам, он ратовал за дружбу между ними, имея в виду многонациональное население России, он приветствовал открытие этнографического музея в Москве, назвав его знакомством народов России друг с другом.

До Стасова в России широко развита была только литературная критика. Стасов был первым, кто высоко поднял общественное значение профессиональной художественной критики в области изобразительных искусств и музыки. Личным примером он доказал важную роль критика — идеолога передовых художественных сил.

У Стасова было важное для критика дарование — угадывать таланты: он сразу же заявлял о них во весь голос, давая им сильные, точные определения, предсказывал им большой путь в искусстве. Так было с Репиным, Мусоргским, Антокольским, Верещагиным, Бородиным, Шаляпиным...

Человек огромного ТВОРЧЕСКОГО дарования, Стасов в своих взаимоотношениях с художниками не ограничивался ролью только пишущего критика. Для многих из них он был старшим товарищем, близким помощником, а иногда и соучастником самого творческого процесса. Он вникал в детали авторских замыслов, спорил о воплощении тех или иных сюжетов, сочинял либретто для опер, подсказывал художникам темы их новых картин. Когда в 1903 году Репин написал «Заседание Государственного Совета», изобразив в золоченых мундирах-ливреях сановных приспешников ничтожного российского самодержца, Стасов советовал Репину продолжить работу и в пандан к этой картине написать еще одну, в которой изобразить, как пояснял Стасов, не собрание «мерзавцев... членовредителей отечества», а людей в поддевках, сюртуках и рогожках — «благодетелей... своего отечества», «мучеников своего времени». Он переслал Репину список тех, кого хотел бы видеть увековеченными в этой картине; в их числе были: Радищев и Новиков, декабристы, Белинский и Герцен, Добролюбов и Чернышевский, Петр Алексеев, Желябов, Степан Халтурин, Плеханов и Горький.

«Какая задача, какая задача!» — восклицал Стасов.

Большой заслугой Стасова является его страстный протест против декадентства и модернизма как направлений антинародных, враждебных реалистическому искусству и пагубных для самого искусства.

Оценка ряда конкретных примеров в таких его статьях нуждается в пересмотре или уточнении. Но там, где Стасов осуждал декадентство как направление, провозгласившее отрыв от жизни, «искусство для искусства», проповедующее «гонение на мысль, рассудок, интеллект... поклонение форме, одной форме... одним краскам», там, где Стасов восставал «против нелепостей символизма, мистицизма и декадентства», — он был тысячу раз прав. Прав Стасов и там, где он на примере произведений Н. Милиоти «Мистическая роза» и «Цветы зла» и других показывает, как темное, мистическое содержание картины разрушает и ее художественную форму и на холсте появляются, пишет Стасов, «какие-то снопы и комки краски», бесчисленные черточки и пятнышки «вроде бактерий и бацилл». И хотя Стасов мог наблюдать только первые симптомы модернизма, он вполне уловил его реакционную суть и не без основания называл его лидеров «совами, купающимися во мраке».

Оказались пророческими и веские возражения критика против безуспешных попыток оправдать мнимое новаторство формалистических исканий: «новость» не есть еще единственное и настоящее мерило творчества в искусстве», — писал Стасов. «Новое» всегда может быть и законно, и желательно. Только не декадентству суждено было принести миру новое значительное слово, новые драгоценные формы».

Наследие Стасова важно для нас в нашей сегодняшней борьбе против чуждых социалистической эстетике буржуазных влияний. Для Стасова как выдающегося представителя верного взгляда всей передовой критики прошлого века подлинный язык искусства — язык образов, а не произвольно выбранных условных знаков. В этом смысле эстетические взгляды Стасова ничуть не устарели. Напротив, полезно их напомнить сейчас, когда критики-модернисты призывают рассматривать произведения искусства как явление, однородное с указателями шоссейных дорог или с иными условными обозначениями, то есть рассматривать искусство как знаковую систему. Блестящие критические статьи Стасова показывают, что он видел в искусстве незаменимую силу реальных жизненных образов, прекрасно понимая, какую ценность имеет для борющегося человечества художественное изображение действительности, в которой оно находит и правду жизни, и свой идеал, достойный того, чтобы бороться за него до конца. Советская критика разделяет эти положения Стасова. Мы отвергаем ложную активность модернистских школ и течений, заменяющих живые картины реалистического искусства мертвыми условными знаками, шифрами, кодами и структурами, будто бы вытекающими из научно-технической революции нашего века. Мы отвергаем ложное утверждение авангардистов, будто все эти выдумки творчески меняют лицо действительной жизни. Наивно думать, что субъективная деформация жизни на полотне есть действительное ее изменение. Нет, подлинная коммунистическая активность рождается из знания действительного мира и на этой основе преобразует сложившийся облик жизни и ведет человечество вперед, в царство свободы.

В. В. Стасов и М. Горький.

Заслуги Стасова перед искусством велики, и он не нуждается в приукрашивании и приглаживании даже в юбилейные дни.

Стасов высказывал свои взгляды на искусство с подчеркнутой прямотой и категоричностью, что вызывалось полемической направленностью его выступлений, желанием преодолеть сильную инерцию утвердившихся мнений, так же как и высокой принципиальностью критика, убежденного в своей правоте.

Разумеется, не все суждения Стасова сегодня представляются нам бесспорными, с иными нельзя согласиться. Так, например, с его мнением о Врубеле, ибо за элементами наносными и характерными для упадочного времени Стасов не разглядел в его трагических образах глубоких, часто даже реалистических черт и своеобразие огромного таланта Врубеля.

Прямолинейность, свойственная некоторым суждениям Стасова, объясняется остротой его борьбы с реакционными эстетическими течениями и той единственной позицией, которая была в его распоряжении для этой борьбы, — позицией демократа-просветителя. Некоторые художественные явления своего времени он не понял именно вследствие отвлеченности его просветительского мировоззрения, здесь нашему выдающемуся критику не хватало исторической диалектики марксизма.

Стасов подверг совершенно верной критике идеализацию и приукрашивание жизни и ложную теорию «искусства для искусства», он встал на защиту реалистической живописи передвижников от нападок адвокатов «чистого искусства» — как со стороны косной императорской Академии, так и со стороны модного журнала «Мир искусства». В жесточайшей полемике резкая прямолинейность и бурный темперамент приводили Стасова к односторонним, порой ошибочным оценкам иных конкретных явлений искусства. Так, свое справедливо отрицательное отношение к обветшалому казенному академизму Стасов переносил и на русский классицизм конца XVIII — первой трети XIX века, в высоких образцах которого выразились патриотический подъем и рост национального самосознания.

Свое справедливо отрицательное отношение к ложной позиции журнала «Мир искусства» Стасов переносил и на всю практику ряда одареннейших художников, выступавших на выставках «Мира искусства», не уловив поэтому сильных сторон в их творчестве. Между тем их уход в круг исторических сюжетов и стремление найти в прошлых эпохах эстетические ценности, стильность и красоту выражали демонстративный отказ авторов именно от приукрашивания и идеализации современной им действительности помещичье-буржуазной России, выражали их отвращение к натиску капитализма, враждебного искусству и поэзии, который наживы ради безжалостно разрушал ансамбли русской архитектуры, осквернял природную среду, губил народное творчество, наводнял рынок пошлой эклектической продукцией.

Конечно, такой протест художников против этих бедствий нового времени содержал известные слабости, за которые ухватились эстетствующие посредственности и эпигоны. Но сами крупнейшие мастера «Мира искусства» сделали много для сохранения и пропаганды русского художественного наследия докапиталистических эпох, они создали много ценного в области портрета, графики, книжной иллюстрации, в области театрально-декорационного искусства (в том числе и для постановок опер, написанных любимыми Стасовым композиторами «Могучей кучки»), внесли нечто новое в чувство историзма. Все это подняло эстетический уровень и обогатило русскую художественную культуру XX века.

Стасов умер в 1906 году. Он немного не дожил до того времени, когда лучшие художники «Мира искусства» отбросили путы ложных установок своего журнала о «чистом искусстве», активно откликнулись своей графикой на революцию 1905—1907 годов и на личном опыте убедились в общественном значении искусства. Как порадовался бы Стасов, если бы мог знать, что уже в 1909 году их глава А. Бенуа заявил в печати, что, приобретая картины, музей должен помнить, что у него есть «обязательство перед народными массами», и написал: «Тезис: искусство для искусства — это большое преступление». А вскоре затем в борьбе против общего врага — кубофутуристов, «Ослиного хвоста» и Черного квадрата, по одну сторону баррикад, защищая реалистическое искусство, сражались вместе Репин и Бенуа.

Всю свою жизнь Стасов был верен боевым демократическим взглядам. Он не был революционером, не был марксистом, но когда начался пролетарский период классовой борьбы в России, Стасов с большой симпатией следил за рабочим движением, он выписывал и читал ленинскую «Искру», поддерживал свою племянницу — большевичку Е. Д. Стасову и ее товарищей.

Стасов решительно выступил в защиту Горького, подвергавшегося гонениям, и писал, что Горький в своем творчестве «затрагивал глубочайшие душевные и жизненные вопросы современной России и выносил на свет великие новые сокровища русского духа и русской натуры».

Будучи уже в преклонном возрасте, Стасов с горячим сочувствием встретил революцию 1905 года. Узнав, что Валентин Серов в знак протеста против злодеяний царизма вышел из состава императорской Академии художеств, Стасов прислал ему письмо, в котором пишет: «Великая Вам честь и слава за Ваше гордое, смелое, глубокое и непобедимое чувство правды и за Ваше омерзение к преступному и отвратительному... отечество должно гордиться Вами...». А незадолго до смерти 82-летний Стасов, пытаясь обратить Л. Толстого в свою веру, писал ему в связи с русской революцией: «...весь пролетариат русский (как я его нынче узнал и полюбил, и боготворю — первый и лучший, совершеннейший, возвышеннейший, пролетариат во всей Европе)...»

Наследие Стасова, о котором В. И. Ленин отозвался как о личности выдающейся и обогатившей передовую русскую культуру, приобретает для нас сегодня особую актуальность в связи с теми задачами, которые были выдвинуты Центральным Комитетом нашей партии в постановлении «О литературно-художественной критике».

Чествуя сегодня память Стасова, мы тем самым не только отмечаем его огромный вклад в историю отечественного искусства, но подчеркиваем нестареющее, живое значение его наследия сегодня для дальнейшего развития многонациональной советской социалистической культуры.

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР, посвященном 150-летию со дня рождения В. В. Стасова.

АРХИВ «ЛГ»

К 80-летию со дня рождения В. В. БИАНКИ

«ПОЛНА ЧУДЕС ПРИРОДА»

В. БИАНКИ. 1938 год (предположительно). *Публикуется впервые.*

Виталий Бианки всю жизнь вел обширную переписку. Часть писем сейчас вернулась в архив писателя. Среди них — письма Бианки к Вадиму Александровичу Кондакову, доброму знакомому еще по 20-м годам, профессору Пермского университета в 40-е годы.

Публикуемые письма связаны с замыслом книги, предназначенной для воспитателей детских садов, для всех тех, кто стремится пробудить у маленького ребенка любовь к природе. К сожалению, «Первая книга о природе» (как условно называл ее В. Бианки) не увидела свет. Однако мысли, высказанные писателем в связи с ее подготовкой, не лишены интереса.

Письма к В. Кондакову — лишь небольшая часть эпистолярного наследия писателя — войдут в последний том четырехтомника, выпускаемого Ленинградским отделением издательства «Детская литература».

1.XII.43 г.

Дорогой Вадим Александрович!

Это письмо чисто деловое. И срочное.

Дело вот в чем:

Мне поручено Наркомпросом РСФСР организовать и редактировать книгу в 10 печатных листов (авторских) для дошкольных работников — книгу о природе.

По моему замыслу, это должна быть, так сказать, «Первая книга о природе». Задача ее — не справочник дать по естествознанию (такой литературы в Учпедгизе полно, но она никем не читается), а увлекательное чтение о доступнейших явлениях природы, стимулировать у читателя естественную к ней любовь, дать толчок к развитию наблюдательности и размышлению над наблюдаемым.

Достичь этого можно, конечно, только средствами искусства; книга должна заряжать эмоционально, — что может дать только «художественное чтение»...

Как старый царь Берендей, когда он увидел красавицу Снегурочку, хочу запеть «Полна, полна чудес Природа!», хочу показать в малом великое, хочу начать смертельную борьбу с педагогами-чиновниками, интересующимися природой «в пределах курса» и уверенными, что «нет больше тайн природы, а есть голые факты, узнаваемые из глав и учебников» (Зощенко), хочу кричать о бесконечных тайнах и несказанной красоте природы. Хочу, чтобы в журчанье талого ручейка — слышали победную песнь Весны, в пластах земли видели летопись нашей планеты, в малом цветке узнавали великое Солнце, в песчинке — гору, в песне птицы слышали радость Вселенной. Хочу, чтобы «детсадовницы» хоть раз в жизни разбудили ребят ночью и показали им живые золотые миры в бездонном небе, рано утром — жемчужную от солнечного света луну, на закате весеннем — как зажигается, сияет и растет Венера.

Всего не перечислишь. Важно показать: «обыкновенного», привычного мы не видим, а ничего «обыкновенного-то» в окружающем нас мире нет: все полно тайны, красоты, все достойно нашего внимания, размышления, восхищения.

Задача большая, трудная.

Привлекать буду больших художников — живых (например, М. М. Пришвина) и «мертвых» (например, Льва Толстого, Аксакова и т. д.) — и «естественников».

Привлечь хочу Вас.

У Вас есть дар поэтического восприятия природы и Вы — я знаю это! — можете дать как раз то, что здесь нужно...

(В следующем письме В. А. Кондакову также идет разговор об этой книге. — Ел. Б.)

……

13.XII.43 г.

Теперь — вот мои мысли о том, как начать, как приступить к делу.

Я вот что придумал: давайте начнем с создания специального для нашей книги ФЕНОЛОГИЧЕСКОГО КАЛЕНДАРЯ для «детсадовниц». От обычных феноkалендарей он должен резко отличаться такими своими свойствами:

а) это — не помесячный, а посезонный календарь. Соответственно в нем будут указаны лишь крупнейшие и доступные каждому в пределах Средней России явления, последовательность их;

б) в календарь входят явления не только живой природы — жизнь растений и животных, — но и все характерные для каждого сезона явления годовой жизни земной коры, явления метеорологические и астрономические. В целом — это годовая жизнь планеты. И нужна именно связь явлений «мертвой» (для художника такой не существует!) и живой природы, синтез их, одно целое — в котором и человеческая жизнь входит в виде малой составной части. Ориентир на вселенную, на солнце;

в) это должен быть не мертвый календарь — в котором только называются объекты и совершающиеся с ними явления, а живой — говорящий, описывающий (с возможной краткостью, предельной краткостью!), наделяющий объекты и явления всеми их чувственными признаками (в преломлении детского поэтического мироощущения!). Т. е. полный перенос с названий, равных простым упоминаниям, предполагающим у читателя (т. е. здесь — у «детсадовниц») априорное знание объектов наблюдения, — на описание объектов, живое описание, неизбежно перерастающее в создание ОБРАЗА. Вплоть до того, что иногда автор может и совсем «забыть» назвать объект; это даже полезно: пусть-ка по описанию сами найдут в природе объект (растение, животное, выход геологических пластов, выветрившийся камень и т. д.), а потом уже, заинтересовавшись, сами же найдут его научное название, узнают народное или даже сами дадут ему название — свое или подслушанное у детей.

Мысль, не воплощенная в образ, мертва. Дать она может лишь абстрактные понятия, которыми так вредно пичкать детей, которые и во взрослых людях убивают живое мироощущение, подменяя его призрачным миропониманием. Вот в чем закорюка и где собака зарыта! В этом главная трудность создания такой книги — живой книги о живом для живых. Большая, трудная, ответственная задача — и какая же увлекательная!

……

Сейчас сижу над предисловием к книге. Название для нее еще не придумал. Что Вы думаете насчет «НАШ УГОЛОК ВСЕЛЕННОЙ» — или какого-нибудь близкого к этому?

Публикация и фото Е. В. БИАНКИ

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ МИСТИФИКАЦИЙ

ТРИ «ПОЭТЕССЫ»

В 1913 году московское издательство «Скорпион» выпустило книжку под названием «Стихи Нелли». Она открывалась сонетом В. Брюсова, обращенным к поэтессе:

В твоих стихах —
печальный опыт
Страстей ненужных,
ложных слав...

Стихи Нелли, объединенные в циклы «Из моих наблюдений», «Листки дневника», «История моей любви», «Девятый вал», были посвящены одной теме. Ее лейтмотив:

Над всем живым свои
соблазны,
Как сеть — рыбак,
раскинет страсть...

«Да! я любила, всей силой желаний, страстью предельной!» — восклицала Нелли.

Но у читателей невольно возникал вопрос: уж не пародия ли это? Блуждающий огонек ее. Зыбь поэтесса называла «блудящим», ветер — «сенстеющим», толпа у нее «начала тихо черепеть». Порой явственно сквозило что-то северянинское, еще чаще брюсовское. Не прочь была Нелли и щегольнуть рифмой в духе эгофутуристов:

Будет счастье или нет.
Ах, теперь не все равно ли
мне!
Легкой жизни силуэт
Встал еще обреченней...

Кто же была эта поэтесса, не назвавшая своей фамилии?

* * *

В 1915 году в Одессе вышла с грифом «Дозволено военной цензурой» книжка с экстравагантным заглавием «Авто в облаках». На обложке, однако, вместо летящего по небу автомобиля были изображены фабричные трубы и закопченные дома на фоне газетной полосы с биржевыми курсами и объявлениями. Это был сборник молодых поэтов, чьи имена стояли на титульном листе в алфавитном порядке. Эдуард Багрицкий (пять стихотворений, в том числе «Суворов» и «Гимн Маяковскому»), Исидор Бобович, Нина Воскресенская, Петр Сторицын, Сергей Третьяков, Анатолий Фиолетов, Георгий Цагарели, Вадим Шершеневич.

Семь поэтов, и только одна поэтесса... Какое засилье мужчин! Тем интереснее взглянуть на три стихотворения Нины Воскресенской.

В них — город, обрисованный совсем по Маяковскому подчеркнуто непоэтично:

Гранитные дельфины —
разжиревшие мопсы
У грязного фонтана
захотели пить.
и памятник Пушкина,
всунувши в рот папиросу
Просит у фонаря:
«Позвольте закурить!»

Если здесь месяц называется повисшей в небе оранжевой сосиской, то в стихотворении «Порт» луна уже «вампир с прогнивающим носом» и на ней «от фабричного дыма пятна»...

У читателей не могло оставаться сомнений в том, что автор — женщина. «Я в него влюблена...» — так начинается третье стихотворение. «И у Дерибасовской есть поэтесса!» — так заканчивается первое.

Других стихов Нины Воскресенской нигде не обнаружено — ни в газетах, ни в журналах. Она промелькнула по небу русской поэзии, как падающая звезда...

* * *

В журнале «Сатирикон» в 1913 году под изысканно-манерными стихами (некоторые из них были иллюстрированы такими же изысканно-манерными рисунками художницы, избравшей псевдоним «Мисс») не раз встречалась подпись «Анжелика Сафьянова». В годы первой империалистической войны эта же подпись появляется в другом сатирическом журнале — «Красный смех» — под стихами, высмеивавшими германских офицеров — фанфаронов и мародеров.

В 1918 году московское издательство «Зеленый остров» выпустило стихи Анжелики Сафьяновой отдельной книжкой, на плотной бумаге. Были добавлены силуэт автора, автограф и посвященные Сафьяновой стихи других поэтов, впрочем, никому не известных: Мадлены Закатовой, Рафаила Аполлинариса, Сигизмунда Каштанова и Спектра Геликонского. Рассказывалось и о родословном древе поэтессы, которая якобы была дочерью сенатора и внучатой племянницей Козьмы Пруткова...

Стихи были в модернистском духе, претенциозны, проникнуты модным эстетизмом и снобизмом, описывали то Париж, то Венецию, то Вену, то Петербург (давно переименованный в Петроград). Одно стихотворение имело посвящение: «Бессмертному прадеду Козьме Пруткову». Книга была напечатана по старой орфографии, с ятями и твердыми знаками, хотя после Октябрьской революции прошел почти год.

Это были изысканные стихи светской барышни, влюбленной в навсегда ушедшее прошлое, в «мечтательный век и его триолеты», целиком поглощенной своими любовными переживаниями. Она сообщала: «У меня свидание с аббатом», «У меня умирает любовник», «Я грущу по хорошему тону... по усадьбе за Нежином...». Но она отнюдь не чуралась современности: с мушками и лорнетами у нее соседствовал телефон, мчались автомобили, называемые по-тогдашнему «моторами»...

* * *

Итак, три поэтессы... Нелли, Нина, Анжелика... Нельзя ли собрать сведения об их жизни и литературной деятельности?

Нет, нельзя. Потому что этих поэтесс не было. Есть их книги, их стихи, но самих их выдумали. Перед нами — литературные маски.

Первую из них надел Валерий Брюсов — в те годы уже признанный «мэтр», глава поэтической школы. О любви и страсти он писал много раз и от своего имени, и под псевдонимами, но из подписи всегда явствовало, что автор — мужчина. Шутки ради Брюсову захотелось спародировать, как пишут о любви женщины (недаром Нелли посвятила свою книжку модной в те годы поэтессе Н. Львовой).

Под второй маской счел нужным укрыться 20-летний Эдуард Багрицкий, только начинавший тогда свой путь в поэзии.

Третьей маской прикрыл свое лицо почти столь же молодой Лев Никулин... Впрочем, свою мистификацию он тут же раскрыл, поставив на первой странице описанной нами книжки свои имя и фамилию и добавив в послесловии:

«Автор считает необходимым сознаться, что все стихи, приписываемые Анжелике Сафьяновой и другим поэтам и поэтессам, написаны им, в чем могут быть представлены доказательства».

В одном из ранних стихотворений Льва Никулина говорилось:

Чужды маленькой этики,
Звоном новеньких лир
Молодые поэтики
Эпатируют мир.

К числу «молодых поэтиков» принадлежал тогда и будущий автор «Московских зорь» и «Мертвой зыби».

Вал. ДМИТРИЕВ

Н. СИЗОВ,
генеральный директор «Мосфильма»

СТУДИЯ, ПИСАТЕЛЬ, ФИЛЬМ

ФИЛЬМ создается трудом большого коллектива людей. Долгий и беспредметный спор — кто в кинематографе главнее! — к счастью, уходит в прошлое. Все компоненты кинотворчества важны, одинаково определяют успех или неудачу картины. Но, конечно, начало всех начал фильма — его литературная первооснова, сценарий. Вот почему писатель — всегда желанный гость на «Мосфильме».

Далеко не каждая даже хорошая книга или рукопись легко переходит в кинокадры, становится зримой. Кинематографический ряд отнюдь не эквивалентен ряду литературному. Забвение этого не раз наказывалось тем, например, что превосходный роман на экране становился лишь бледным, маловыразительным пересказом знакомых событий. Однако подлинное творческое содружество писателей с кинематографистами всегда увенчивалось успехом — рождением яркого, нужного народу кинофильма.

Многие и многие писатели, причастные к созданию значительных кинофильмов, хорошо знают, какое счастье испытывает литератор при общении с самой массовой аудиторией, горячо откликающейся на его творчество. Вся пятидесятилетняя история «Мосфильма» — это в какой-то мере и история содружества кино и литературы.

30-е годы. В титрах мосфильмовских картин появляются имена М. Шолохова, А. Толстого, Вс. Вишневского, П. Павленко, Ф. Панферова, М. Пришвина, В. Катаева, М. Светлова, Н. Погодина, И. Ильфа, Е. Петрова, В. Шкловского, Ю. Олеши, Е. Габриловича, А. Каплера и других прекрасных писателей.

В послевоенные годы в наши творческие ряды приходят Л. Леонов, К. Симонов, В. Кожевников, Б. Полевой, Ю. Бондарев, М. Алексеев, А. Софронов, С. Антонов, Г. Николаева, П. Нилин, В. Розов, активно включаются в работу Ю. Нагибин, Д. Храбровицкий, В. Ежов, О. Курганов и другие.

Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии» подчеркнуло значение сценария как основы произведений киноискусства, во многом определяющей их идейную и художественную ценность. Зрители ждут от нас более широкого тематического и жанрового разнообразия фильмов, в создании которых активнее будут принимать участие талантливые литераторы. Сегодня «Мосфильм» уже может рассказать о первых конкретных результатах перестройки работы в этом направлении.

Вновь обращается к творчеству Михаила Шолохова кинорежиссер Сергей Бондарчук. Работа над фильмом «Они сражались за Родину» только начинается, но кинематографисты уже ощутили дружескую поддержку замечательного писателя.

Только что появился на экране фильм А. Зархи «Города и годы» по роману Константина Федина. Нас радует, что и сам Константин Александрович в целом удовлетворен картиной, горячо и заинтересованно говорил о ней.

Среди наших авторов — снова Леонид Максимович Леонов. Режиссер М. Швейцер обратился к его сценарию «Бегство мистера Мак-Кинли».

Многого мы ожидаем от совместной работы писателя Даниила Гранина и режиссера Игоря Таланкина — их фильм «Выбор цели» посвящен великому советскому ученому И. В. Курчатову.

По заказу Госкомитета по телевидению и радиовещанию В. Краснопольский и В. Усков экранизировали в четырех сериях роман Анатолия Иванова «Вечный зов».

Пришел на студию такой яркий, своеобразный художник, как Василий Шукшин. Первая его мосфильмовская постановка по собственному сценарию — «Калина красная» рассказывает о том, как хорошие люди, настоящая любовь, труд духовно возрождают человека.

«Океан» — это новая картина режиссера Ю. Вышинского по сценарию Александра Штейна, волнующее произведение на военно-патриотическую тему, в центре которого — образ офицера-коммуниста.

Алексей Салтыков поставил фильм по широкоизвестной повести Анатолия Калинина «Возврата нет» и теперь вновь встречается в работе над фильмом с писателем Юрием Нагибиным. Новая картина «Иван да Марья» посвящена рабочей семье.

К постановке фильма по роману П. Проскурина «Судьба» приступает известный актер и режиссер Е. Матвеев.

Недавно на традиционном фестивале молодых кинематографистов «Мосфильма» был отмечен режиссерский дебют Светланы Дружининой — фильм «Исполнение желаний» по роману В. Каверина.

Я перечислил, так сказать, «с писательским уклоном» лишь несколько фильмов, только что законченных или уже запущенных в производство. Естественно, что разговор этот можно продолжать...

Поздравляя коллектив «Мосфильма» с пятидесятилетием, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил, что миллионы зрителей ждут от нас «новых кинопроизведений всех жанров и видов, значительных по содержанию и интересных по художественному воплощению, произведений, которые будят мысль, помогают глубже осознать смысл эпохи, в которую мы живем, правдиво показывают живые образы наших современников...».

В этих словах определены важнейшие творческие задачи, которые стоят перед кинематографистами. Решая их, мы неизменно рассчитываем на активную творческую помощь писателей — наших товарищей по искусству.

Александр АЛОВ,
Владимир НАУМОВ

СОЮЗ С ЛИТЕРАТУРОЙ

ЧТО ТАКОЕ для нас «Мосфильм»? За этим словом — не просто название студии, но значительная часть жизни: работа, успехи и неудачи, учителя и ученики, друзья и многое, многое другое... В самом деле, если для писателя или художника производство сосредоточено в чернилах, красках, бумаге и холсте, то для нас возможность творить связана с огромным количеством людей, с большими цехами, павильонами, со сложной техникой — иными словами, с целым рядом обстоятельств, которые выходят за пределы традиционного представления о творческой лаборатории художника. Для нас «Мосфильм» — это возможность трудиться, как-то себя выразить, быть в строю советского искусства и культуры.

Довженко когда-то сказал: «На «Мосфильме» есть места, где не ступала нога человека». Это, конечно, шутка, но она дает представление о колоссальных масштабах студии, километрах коридоров, бесчисленных залах и экранах. Но самое главное все-таки люди, которые здесь работали и работают. Любой из замечательных художников, таких, как Эйзенштейн, Пудовкин, Довженко, Ромм, Пырьев, Калатозов, влиял на новое поколение, приходившее на студию, не только творчеством, но и своей необыкновенной личностью. Общение с такими людьми остается самым дорогим и значительным в жизни событием.

Огромный коллектив студии разбит на ряд объединений, одним из которых мы руководим вот уже более десяти лет. Наиболее существенным направлением его работы было и есть укрепление связей литературы и кинематографа, потому что кино немыслимо без литературы и может развиваться, двигаться вперед только в самом тесном контакте с ней. Эту связь не следует понимать как непрерывное потребление литературных произведений в форме экранизаций, инсценировок и так далее. Нам эта связь представляется более глубокой и сложной. Речь идет о том, что литература питает кинематограф кругом идей и проблем; о том, что писатели выдвигают из своей среды все новые и новые кадры сценаристов. В нашем объединении как члены редакционно-сценарной коллегии сотрудничали и сотрудничают Ю. Бондарев, Ю. Трифонов, Г. Бакланов, Е. Мальцев, критик и литературовед Л. Лазарев и другие. Стараемся привлечь к работе и крупнейших художников, и молодых литераторов.

«Мосфильм» — лучшая студия из всех, которые мы видели, бывая во многих странах. Здесь царит великолепная атмосфера творчества, и в этом смысле нам могут позавидовать другие кинематографисты. Пока мы далеко не всегда оправдываем ожидания зрителя. Но сегодня на «Мосфильме» обстановка поиска: это относится к сфере не только художественной, но и производственной и организационной. От студии можно ждать резкого качественного скачка. Сегодняшний день «Мосфильма» — пора, которая, как нам думается, предшествует расцвету.

РОДНОЙ ДОМ

А. МИХАЛКОВ-КОНЧАЛОВСКИЙ

ПАМЯТЬ

Я ОЧЕНЬ люблю студию. Здесь прошло уже десять лет моей жизни. Я бываю здесь почти каждый день с утра до вечера, а иногда даже с утра до утра. И помнится больше всего ночные часы. Поясню почему.

Фильм рождается трижды — в сценарии, на съемках и при монтаже. От рождения к рождению он может измениться. Но окончательное его появление связано с несколькими коробками уже отснятой пленки.

Когда режиссер говорит, что заранее знает, какой будет картина, мне кажется это неправдой. Результат зависит от очень многих причин. Для меня монтаж и озвучивание фильма интересны тем, что в это время происходит магическое превращение немых разрозненных метров ленты в готовое, начинающее жить самостоятельной жизнью произведение искусства. Когда накладываются звуки, шумы, музыка, речь, возникает новое качество, которое заранее просто трудно предугадать.

Вот этот монтажно-тонировочный период работы обычно связан с ночными сменами. Никого нет, и ты один на один в этих пустых комнатах, длинных коридорах. Проходят томительные минуты, ты ждешь, когда «вылупится» очередной эпизод, следующая часть. Я люблю «Мосфильм» в его трудовые ночи.

Я люблю «Мосфильм» за память, которую он несет в себе,— память режиссеров, которые работали на этой студии. Их было много, но особенно близки мне двое, потому что я их хорошо знал, — Михаил Ромм и Иван Пырьев. Каждый из них был личностью — крупной, незаурядной, яркой, одухотворенной, эмоциональной. Они совсем недавно ушли от нас. Но как все, кто здесь беззаветно работал, кто отдал свой талант нашему общему делу, они останутся в благодарной памяти мосфильмовцев.

РОДНОЙ ДОМ

Людмила САВЕЛЬЕВА

СПАСИБО ЗА ДОВЕРИЕ

ВПЕРВЫЕ я попала на «Мосфильм» двенадцать лет назад, когда меня пригласили пробоваться на роль Наташи Ростовой в фильме «Война и мир». Татьяна Сергеевна Лихачева — она была у Бондарчука монтажером, приехав в Ленинград, случайно увидела меня в танцевальном эпизоде. Она позвонила мне по телефону и предложила поехать на пробы, посмотреть московскую студию, поговорить с Бондарчуком...

Отлично помню этот день. «Мосфильм» меня буквально оглушил. Я совсем не думала, что киностудия — это целый маленький город, что там так много павильонов и масса людей.

В первые дни работы на «Мосфильме», когда меня уже утвердили на роль Наташи, я все время боялась заблудиться. Часто не могла найти свою группу. Это сейчас я могу ходить по всем его переходам с закрытыми глазами. Теперь это мой «город»...

Группа «Война и мир» работала шесть лет. С. Ф. Бондарчук создал на съемках удивительно творческую атмосферу. В группе всегда были пластинки с музыкой — Бетховена, Листа, Моцарта. Ведь в кино все происходит без предварительной репетиционной работы за столом, и поэтому очень важны духовная готовность и самочувствие актера. Сергей Федорович всегда обращал на это особое внимание. Да и другие мосфильмовцы заботились обо мне, словно о собственной дочери...

С огромным удовольствием вспоминаю работу с Аловым и Наумовым над фильмом «Бег». Они верили в меня, и хотелось наибольшей отдачи, потому что чувствовала — на тебя не смотрят лишь как на «исполнителя» режиссерской воли.

Все свои лучшие роли я сыграла в мосфильмовских картинах. Правда, мне повезло: в основе их была большая литература. Теперь же хочется сыграть роль женщины 70-х годов, и хорошо бы сделать это на «Мосфильме».

Юрий ОЗЕРОВ

ГЛАВНЫЙ КАЛИБР

«МОСФИЛЬМ» отмечает свое 50-летие. С большим воодушевлением воспринял пятитысячный коллектив студии письмо Леонида Ильича Брежнева, его теплые, задушевные слова, пожелания новых творческих успехов, поздравление с золотым юбилеем. На знамени «Мосфильма» появится новая высокая правительственная награда — орден Октябрьской Революции. Эта награда символична. В ней мы видим не только признание многолетнего труда, но и оценку всей нашей идеологической работы. Потому что главная задача мосфильмовцев — это вдохновенный рассказ о том, как идеи революции преобразуют мир, создание фильмов о героическом прошлом нашей Родины, о ее замечательной современности.

Произведения искусства только тогда становятся дороги и необходимы народу, отбираются временем в «золотой фонд», когда в них неразрывно слиты глубокое революционное содержание и совершенство формы. Именно такими фильмами стали работы Эйзенштейна, Пудовкина, Довженко. «Броненосец «Потемкин» пронес красный флаг революции по всем континентам, вошел в сокровищницу мирового кино. В фильме «Мать» зрители увидели народные истоки, массовость революционного движения в России. Это новаторские произведения искусства социалистического реализма.

В кинематографической Лениниане, которой гордится советское искусство, выдающееся место по праву принадлежит фильмам М. Ромма «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». В последующие годы многие мастера «Мосфильма» обращались в своих работах к образу великого вождя революции, и эта тема, эта важнейшая линия нашего творчества, уверен, найдет и в дальнейшем плодотворное продолжение.

Наш современник, строящий и защищающий новую жизнь, всегда был главным героем «Мосфильма». «Цирк» и «Светлый путь», «Судьба человека», «Летят журавли», «Коммунист», «Твой современник», «Баллада о солдате», «Девять дней одного года», многие, многие другие фильмы заслужили признание миллионов зрителей, вдохновенно раскрыли красоту подвига, богатый духовный мир советского человека, неразрывную связь поколений. Принципы партийности и народности нашего искусства, высокой идейности и художественного поиска стали определяющими для всех мосфильмовцев.

В настоящее время на студии работает очень сильный творческий и производственный коллектив.

Продолжают активно трудиться мастера старшего поколения: Г. Александров, Ю. Райзман, С. Юткевич, А. Зархи, А. Роом, Г. Рошаль, Ю. Солнцева, Л. Арнштам, А. Столпер, Е. Дзиган, В. Строева. В расцвете сил послевоенное режиссерское поколение, художники яркого, своеобразного таланта. Это С. Бондарчук, Г. Чухрай, И. Таланкин, М. Хуциев, А. Алов, В. Наумов, В. Басов, М. Швейцер, Г. Данелия, В. Шукшин, В. Ордынский, Ю. Карасик, А. Салтыков, Е. Карелов, Ю. Чулюкин, прекрасные комедиографы Л. Гайдай и Э. Рязанов... В полный голос заявили о себе А. Тарковский, А. Кончаловский, Р. Быков, А. Митта, Н. Губенко, А. Сахаров, Л. Шепитько, А. Смирнов и другие. Я назвал только постановщиков. А на «Мосфильме» трудятся и замечательные сценаристы, актеры, операторы, художники. Поэтому мы вправе надеяться на создание новых фильмов, которые продолжат славу студии и в будущем.

Советское государство предоставляет нам широчайшие возможности для плодотворного труда. Создан проект «большого Мосфильма», правительство отпустило на его осуществление большие средства, студия будет значительно расширена. А ведь уже сейчас она является крупнейшей в Европе, одной из самых крупных кинофабрик мира. «Мосфильм» выпускает ежегодно более пятидесяти художественных и телевизионных фильмов. Как тут не вспомнить, что еще 25 лет назад, когда я впервые пришел на студию, ее продукция составляла всего 8 художественных фильмов за год. Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии» определило всю идейно-художественную перспективную программу дальнейшей работы.

Советское искусство было, есть и будет могучим идеологическим оружием. А советское кино сегодня — самый крупный, главный калибр этого оружия.

«САМЫЙ ЖАРКИЙ МЕСЯЦ»

ДАВНО подмечено, что почти у каждого цветного фильма есть свой выразительный колорит, свои краски, соответствующие теме, содержанию ленты. У фильма «Самый жаркий месяц», который сейчас заканчивает на «Мосфильме» режиссер-постановщик Юлий Карасик, — это цвет красный. Красный, потому что картина о людях огненной профессии — сталеварах, большинство эпизодов фильма происходит у пышущих жаром мартеновских печей, в цехах металлургического завода.

Одни кадры засняты операторами Д. Кольцатым, И. Миньковецким и В. Шуваловым в павильоне, где декораторы воспроизвели почти в натуральную величину мартеновский цех, другие — на натуре, в настоящем цехе завода «Азовсталь».

«Самый жаркий месяц», — говорит Юлий Карасик, — будет двухсерийный, цветной, широкоформатный фильм о рабочем классе, о людях труда, поднимающий весьма важные проблемы рабочей чести, морали и нравственности. Сценарий написан Г. Бокаревым и мною. Герой его — сталевар Виктор Лагутин — всем складом характера, самой своей жизнью утверждает право работать только хорошо, честно. Для него аксиома: работать плохо безнравственно.

Основу фильма составляет, казалось бы, обыкновенный производственный конфликт. Но я убежден: любой производственный конфликт, если он раскрыт сколько-нибудь глубоко, это и конфликт нравственный. Ведь в конечном итоге, труд — основа всех основ: материальных, моральных, философских, политических. И нашим фильмом хотелось бы еще раз со всей наглядностью подчеркнуть, что труд есть, был и останется наипервейшей человеческой ценностью.

В фильме заняты актеры Л. Дьячков, И. Охлупин, И. Владимиров, И. Лапиков, Л. Кулагин, В. Афанасьев. Впервые дебютировала в кино М. Паренова — не профессиональная актриса, а художница по профессии, сыгравшая в картине одну из ведущих ролей. А вот с художником Б. Бланком мы вместе работаем уже не первый год и не первый фильм.

Режиссер занят монтажом картины. И для него самого, пожалуй, сейчас тоже самый жаркий месяц...

Ю. БЕЛКИН

«Самый жаркий месяц». Лагутин — Л. Дьячков

«ВЫБОР ЦЕЛИ»

КИНОРЕЖИССЕР Игорь Таланкин в содружестве с Даниилом Граниным написали сценарий художественного фильма «Выбор цели», в котором будет воссоздан образ выдающегося советского ученого-физика Игоря Васильевича Курчатова.

Уже при чтении сценария выявляется большая постановочная, техническая, организационная сложность его экранного воплощения — множество мест действия, обилие реальных исторических персонажей, масштабы съемок. Среди действующих лиц — ученые Нильс Бор, Иоффе, Флеров, Оппенгеймер, Сцилард, Вернадский, Вавилов, Гейзенберг, Теллер, государственные деятели — Сталин, Рузвельт, Трумэн, Черчилль.

Вопрос режиссеру:

— Почему вы остановились именно на этой теме?

— Мне кажется, что открытие атомной энергии — поворотный пункт не только в развитии науки, но и всей цивилизации. И не только потому, что это грандиозное научное открытие ставит неисчерпаемые силы природы на службу человеку. Физики-ядерщики, занимавшиеся строением вещества — делом, казалось бы, далеким от практического применения, — внезапно оказались прямо связанными с судьбами мира, ответственными за эти судьбы. Во весь рост встала проблема моральная: влияние науки на будущее человечества. В картине, которую я ставлю, меня интересует не только вопрос, как это произошло, как было создано атомное оружие. На примере трагедии Хиросимы мы можем проследить важную проблему взаимоотношения ученого и общества, ответственности перед будущими поколениями. Тем более что речь пойдет о людях незаурядных, порой даже гениальных. Но нам интересно разобраться не в технической, а в моральной стороне проблемы. Что думали они в те дни, понимали ли в полной мере степень своей ответственности?

Центральная фигура картины — Игорь Курчатов. Пожалуй, это первый случай в истории, когда ученый стал государственным и политическим деятелем столь громадного масштаба. Каким контрастом выглядит его судьба по сравнению с судьбой, скажем, Оппенгеймера, сломленного пентагоновской военной машиной, или Гейзенберга, работавшего в фашистской Германии!

Советские ученые, создавая бомбу, должны были уравновесить силы, отстоять мир против атомного шантажа. Это сделано было ценой гигантского напряжения сил народа, только что вышедшего из тяжелейшей войны.

— Как велся поиск материала?

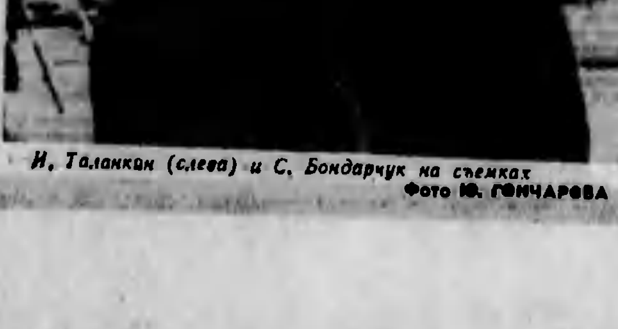
— Материал, которым мы располагаем, огромен, его даже трудно было охватить полностью. Сколько написано об этом историками, журналистами, очевидцами событий! Мы с Д. Граниным не выдумывали событий, мы брали исторические факты и пытались вскрыть течение внутренней жизни героев. Ибо нам важно не просто пересказать эти факты, а дать им конкретно-историческую оценку. Сплав документальных кадров с условными поэтическими метафорами, как нам кажется, поможет точнее психологически обосновать многие поступки героев.

— Что оказалось наиболее сложным в съемках?

— Огромное количество персонажей, обилие маленьких, но емких сцен, в которых нужно соблюсти точные детали, обстановку, атмосферу времени. Перенос действия в разные страны — СССР, США, Германию, Данию...

Назову лишь некоторых исполнителей. Курчатова играет Сергей Бондарчук, его жену — Ирина Скобцева, Оппенгеймера — Сергей Юрский, Гейзенберга — Хорст Шульце (ГДР), Иоффе — Николай Волков, Эйнштейна — Марк Прудкин...

Интервью вел Олег БЕЛЯВСКИЙ



И. Таланкин (слева) и С. Бондарчук на съемках
Фото Ю. ГОНЧАРОВА

Любовь ОРЛОВА—
Григорий АЛЕКСАНДРОВ

СТРОИТЬ И ЖИТЬ ПОМОГАЕТ!

(ДИАЛОГ - ВОСПОМИНАНИЕ)

Г. Александров. «Мосфильм» начинался с маленькой, созданной еще до революции студии на Житной улице, которая в 1924 году была преобразована в Госкинофабрику. Группа С. Эйзенштейна «Железная пятерка» (М. Штраух, А. Левшин, А. Антонов, М. Гоморов и я) пришла к директору кинофабрики Б. Михину с предложением снять серию фильмов из истории революционного движения в России. Все мы были молоды, до этого сделали только одну короткометражку для спектакля Первого рабочего театра Пролеткульта «На всякого мудреца довольно простоты». Фильм этот изображал дневник Глумова, снятый как бы скрытой камерой. Он понравился Дзиге Вертову, и тот вставил его в очередной киновыпуск. Единственными аргументами группы были этот фильм да рекомендация Эсфирь Шуб.

Не случайным наш выбор не был. До этого С. Эйзенштейн ставил спектакль «Противогазы» С. Третьякова и отказался от традиционных театральных декораций, грима и т. д. Спектакль показывался прямо на газовом заводе, и декорации заменяли настоящие газогенераторы, а на другой, недостроенной, половине цеха сколотили места для зрителей. Правда, зритель такого новшества не принял, спектакль довольно быстро заглох. Но мы теперь не могли вернуться в тесное пространство сцены.

Уже в конце 1924 года коллектив под руководством С. Эйзенштейна создал первую «серию» своего плана — фильм «Стачка».

Л. Орлова. Я помню то время, хотя пришла на студию позже — дебютировала в кино сорок лет назад. Григорий Рошаль и Вера Строева доверили мне роль Грушеньки в своем фильме «Петербургская ночь». Трамваи шли только до Киевского вокзала, а потом нас подвозили на грузовике, а потом мы еще шли пешком... Но это нисколько не омрачало настроения: такой радостью оказалась дружба с Эйзенштейном, совместная работа с Рошалем, Строевой, Мачеретом, Александровым...

Г. Александров. Да, Госкинофабрика была маленькая, съемочных камер раз, два — и обчелся, а павильоны скорее походили на фотоателье. Однако в нашем активе были настоящие произведения искусства. Ведь уже работали С. Эйзенштейн, В. Пудовкин, А. Роом и другие. К двадцатилетней годовщине революции 1905 года был создан «Броненосец «Потемкин»...

В 1927 году на Воробьевых горах, около деревни Потылиха, решили построить кинокомбинат, по-настоящему соответствующий техническим возможностям времени. Я помню тот день, когда председатель Совкино товарищ Шведчиков заложил в фундамент первый кирпич. На этой церемонии присутствовал глава американской кинокомпании «Парамаунт», который в шутку сказал, что боится, как бы будущая студия не стала конкурентом Голливуду. А в шутке оказалась немалая доля правды. В 1930 году в недостроенных павильонах студии уже начались съемки. Появилось звуковое кино...

Л. Орлова. ...Григорий Васильевич Александров задумал музыкальную комедию «Веселые ребята». Ему нужна была актриса на роль Анюты, которая могла бы не только произносить текст, но и танцевать, петь. Выбор остановился на мне...

Г. Александров. Я начал снимать «Веселых ребят», когда над павильоном не было еще крыши. Сцены на «Черноморском побережье» репетировали в шубах, сбрасывая их только в момент съемки.

Л. Орлова. Актерских гримерных не хватало, и гримировалась я, например, вместе с джазом Утесова, отделившись занавесочкой...

Г. Александров. Сейчас я удивляюсь, как при тогдашнем состоянии кинотехники нам удалось добиться столь разнообразных звуковых эффектов. Машин для перезаписи не существовало, все записывалось через один микрофон. В павильоне сидели и оркестр, и шумовики, и хоры — детский и взрослый, — и актеры, а ассистент перебегал с единственным микрофоном, куда пошлют. Современный кинематографист не может поверить, что так создавались музыкальные фильмы, но было, было...

Для всех нас, не получивших основательного специального образования (для Эйзенштейна, и для Пудовкина, и для Довженко, Пырьева, Ромма, и для многих других), студия «Мосфильм» стала киноуниверситетом. Мы работали рука об руку, часто приходили к товарищам на съемки, помогая дружеским советом. Атмосфера была удивительная... Надо сказать, что большую роль в создании наших фильмов уже тогда играли писатели. М. Горький уделял большое внимание новому искусству, неоднократно беседовал с нами. Во многом благодаря ему советское кино стало подлинным искусством социалистического реализма.

Л. Орлова. Кино — это огромная сила, способная вдохновить людей на самые высокие свершения. Помню, на одной пресс-конференции в Париже меня спросили: получают ли советские актрисы подарки от зрителей? Я ответила, что получают, даже куда более ценные, чем буржуазные кинозвезды. И рассказала такой случай. Во время концерта на Челябинском тракторном заводе на сцену вышли рабочие поршневого цеха и сказали, что их цех не выполнил план, но после наших песен они берут обязательство этот план перевыполнить. Спустя некоторое время делегация того цеха подарила мне поршневое кольцо, на одной стороне которого было выгравировано: «Нам песня строить и жить помогает», а на другой — рекордное число этих колец, выпущенных за смену. Разве может быть ценнее подарок от зрителей?

Вспоминается и такой эпизод: готовясь сыграть стахановку-текстильщицу в фильме «Светлый путь», я три месяца готовилась у станка на Глуховском хлопчатобумажном комбинате, сдала техминимум. Мой [illegible], фамилия которой тоже была Орлова, сказала мне на прощание: «Если у тебя что-нибудь не выйдет в кино, приходи к нам. Будешь хорошим мастером». [illegible] фильму отдано много сил, [illegible] огромное творческое счастье принесла мне работа на «Мосфильме».

Г. Александров. За полвека работы нашего коллектива мы настойчиво искали новые пути, и не случайно «Мосфильм» стал центральной студией Советского Союза не только по масштабам производства, но и по месту, по значению в нашем советском искусстве кино. Сейчас, когда Коммунистическая партия и Советское правительство обращают столь большое внимание на кинематографию, когда мы прочли поздравление Л. И. Брежнева нашему коллективу, перед «Мосфильмом» встают новые огромные задачи. Крупнейшая в Европе студия, возникшая на месте старой Потылихи, ее замечательный коллектив способны к новому взлету...

Записала Е. ЗАЙЦЕВА

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Каноник Р. ГООР:

«ЭТО БЫЛ ПОЛЕЗНЫЙ ОБМЕН МНЕНИЯМИ»

В начале февраля в Брюсселе по инициативе Международного комитета за европейскую безопасность и сотрудничество проходило консультативное совещание представителей национальных комитетов и групп из 21 страны, а также некоторых международных неправительственных организаций. Корреспондент «ЛГ» В. Жукова обратилась к члену Международного комитета канонику Р. Гоору с просьбой рассказать о результатах этого совещания.

— Консультативная встреча в Брюсселе, — сказал Р. Гоор, — проходила при участии представителей всех крупнейших стран Европы. Это еще одно свидетельство популярности идей безопасности и сотрудничества среди европейской общественности. Представители национальных комитетов выступили на этом совещании с докладами об их деятельности и конкретными предложениями по дальнейшей работе. Этот обмен мнениями был необходим для подготовки предстоящей сессии Международного комитета и выработки международной программы борьбы за европейскую безопасность и сотрудничество.

Мы рассмотрели проект меморандума о положении в Европе и мире в начале 1974 года, ибо наша дальнейшая работа немыслима без учета различных событий и перемен, происшедших в общественно-политической жизни Европы за последнее время. Мы разрабатывали конкретные меры, которые необходимо предпринять для того, чтобы способствовать успешному завершению Общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству, переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, для реализации решений Всемирного конгресса миролюбивых сил.

По мнению участников совещания, активизация деятельности общественных организаций приобретает особое значение, поскольку пропаганда идей безопасности и сотрудничества на Западе наталкивается на многочисленные препятствия, в частности на отсутствие объективной и широкой информации о деятельности Международного комитета.

— Каковы, на ваш взгляд, пути дальнейшего развития культурного сотрудничества в Европе?

— Для европейского сотрудничества в области культуры существует много возможностей. Например, совместное издание шедевров европейской литературы, обмен выставками, индивидуальный обмен артистами, выступления театральных трупп. Мы должны помнить о том, что противники разрядки могут попытаться использовать культурное сотрудничество в своих враждебных делу упрочения европейского мира целях. Этого нельзя допускать.

Прогрессивная общественность европейских стран прилагает немало усилий для достижения взаимопонимания и сотрудничества между странами с различным социальным строем. И я не сомневаюсь, что это сотрудничество будет успешно развиваться.

С МЕСТА СОБЫТИЯ

РЕШИМОСТЬ АНГЛИЙСКИХ ШАХТЕРОВ

11 февраля консервативная партия Англии опубликовала предвыборный манифест, многозначительно озаглавленный «Твердые действия во имя справедливой Британии». Из этого документа следует, что правящая партия основной упор в своей избирательной кампании делает на борьбу против профсоюзного движения и левых сил страны. Манифест обвиняет профсоюзы и даже лейбористскую партию в экстремистских тенденциях. Главной мишенью критики консерваторов является национальный профсоюз горняков, который проводит всеобщую забастовку. Причинам этой забастовки и ее роли в развитии внутриполитической ситуации в Англии посвящается публикуемый ниже репортаж.

Старик стоял у входа в шахту. Рядом с двумя плечистыми парнями он выглядел совсем беспомощным. Ветер с моря ерошил его белые волосы, пытался вырвать из рук плакат с надписью: «Да — забастовке!» Я заметил, что на правой руке Сиднея Робсона не хватает двух пальцев.

— Как только 10 февраля началась всеобщая стачка шахтеров, мы выставили пикеты повсюду: у угольных складов, доков, теплоэлектростанций, — сказал старый шахтер. — Мы не пропустим ни штрейкбрехеров, ни солдат, если власти решатся все-таки бросить против нас войска...

— Приходите вечером в наш клуб, — предложил Робсон. — Там вы сможете лучше почувствовать настроения горняков Кента...

Графство Кент на юге страны англичане называют «британским садом»: это район лучших овощей и фруктов. Однако Кент — отнюдь не тихий край. С давних пор он знаменит своими боевыми традициями. Жители «британского сада», и прежде всего шахтеры, идут в первом ряду борцов против несправедливости.

...Клуб горняков заполнен до отказа: мужчины и женщины, пожилые люди и совсем молодые ребята собрались здесь, чтобы подтвердить свою решимость и солидарность. В клубе я снова повстречался с Робсоном, и он рассказал о себе подробнее.

Его судьба типична для английских шахтеров, особенно старшего поколения. Он родился в Шотландии. Ему было 14 лет, когда отец погиб в забое. На руках у подростка остались младший брат и сестренка. Пришлось бросить школу и идти работать на шахту. Вскоре он перебрался в Кент, где в 1927 году появились первые рудники. С тех пор вот уже почти полвека работает на шахте в местечке Беттесхангер. Многого стоили ему эти годы. В забое он потерял два пальца на руке. Последние десять лет почти не спит по ночам: душит кашель.

— Врач категорически запретил мне продолжать работать. Но мне осталось всего полтора года до пенсии. Надеюсь, что как-нибудь дотяну...

Робсон стоял в пикетах во время забастовки шахтеров 1972 года. И сейчас он снова охраняет вход в шахту. Сравнивая прошлые стачки с нынешней, он подчеркивает, что сейчас рабочие настроены решительней.

— Чаша нашего терпения переполнилась. Мы больше не можем терпеть такого безобразного отношения к нашему труду. Забойщик работает в тяжелейших условиях и к 40 годам практически превращается в инвалида. Многие шахтеры погибают, получают тяжелые увечья. А труд наш оплачивается хуже, чем, скажем, машинистки в конторе. Английские шахтеры — самые бедные в Европе. Рабочие нашей профессии могут уйти на пенсию лишь в 65 лет, да и пенсия эта такова, что на нее не проживешь...

«Да — забастовке!»

Упорная схватка шахтеров с властями продолжается уже три месяца. Еще в середине ноября горняки отказались работать сверхурочно, настаивая на повышении оплаты труда. Однако напрасно ждали они обнадеживающих сигналов из дома № 10 на Даунинг-стрит, где находится резиденция премьер-министра. Больше того, консерваторы попытались переложить на шахтеров вину за экономический хаос в стране. В начале этого года власти ввели трехдневную рабочую неделю, что в четыре раза увеличило число безработных.

Профсоюз горняков решил провести в начале февраля голосование среди своих членов по вопросу о проведении всеобщей забастовки. 81 процент подземных тружеников высказались за стачку. И вот с 10 февраля никто из 270 тысяч шахтеров не выходит на работу.

Правительству не удалось остановить забастовку даже при помощи «сверхмеры» — объявления о проведении в Англии всеобщих выборов 28 февраля — почти на полторе года раньше срока. Консерваторы, очевидно, надеются, что, победив на выборах, смогут повести еще более жестокое наступление на непокорные профсоюзы. Поэтому основной темой своей избирательной кампании, как показывают последние дни, партия тори избрала нападки на рабочий класс.

А как относится к стачке шахтеров трудовая Англия? Чтобы ответить на этот вопрос, я отправился туда, где находятся все нити руководства забастовкой, — в штаб-квартиру национального профсоюза горняков на улице Юстон-роуд в Лондоне.

С председателем профсоюза Джо Гормли я столкнулся в коридоре.

— У нас сегодня девять встреч с разными профсоюзами, — на ходу сказал он. — Причем все встречи организованы по их собственной инициативе. Наши товарищи хотят узнать, как они могут наиболее эффективно помочь шахтерам. Водители локомотивов и моряки отказались подвозить уголь. Докеры, электрики и шоферы грузовиков объявили, что они не будут мешать нашим пикетам. Многие профсоюзы создают *специальные* фонды помощи горнякам. В общем, рабочий класс страны полон решимости помочь шахтерам в их трудной борьбе...

Михаил ОЗЕРОВ,
собственный корреспондент ТАСС — специально для «Литературной газеты»

ЛОНДОН. (По телефону)

СЕМЬ ДНЕЙ В ФЕВРАЛЕ...

КИТАЙ СЕГОДНЯ

«ЧТО-ТО НАЗРЕВАЕТ»

Месяц тому назад «Литературная газета» опубликовала обзор высказываний зарубежной печати о последних событиях в Китае — «Что-то происходит. Но что именно?». С той поры не проходило и дня, чтобы не поступали новые свидетельства того, что грызня в маоистской верхушке не утихает, а, наоборот, обостряется. Множество косвенных признаков позволяет наблюдателям с уверенностью утверждать: борьба за власть принимает все более ожесточенный характер. Агентство Франс Пресс сообщило на днях: вновь появились пресловутые «дацзыбао», «газеты больших иероглифов» — непременные спутники и рупоры недавней «культурной революции». Текст одной из «дацзыбао», сочиненный от имени «рабочих пятой административной зоны шанхайского порта», обвиняет администрацию в «экономизме» — в том, что она использует материальные стимулы для повышения производительности труда, а не могучую силу идей Мао Цзэ-дуна. То есть вновь вытащено уже, казалось бы, похороненное оружие.

В последние дни возрождаются обвинения в ревизионизме, которым, дескать, заражены сегодняшняя литература, культура, музыка, постановка образования. По всей стране проходят удивительные публичные судилища над Конфуцием, в которых непосвященному человеку разобраться невозможно.

А между тем жгучие проблемы китайского общества остаются в стороне; маоистам сейчас не до них. В этой связи газета «Вашингтон пост» пишет: «Шум, поднятый дебатами о конфуцианстве, заглушает те немногие сигналы, которые свидетельствуют о подлинных проблемах. Так, например, в одной статье, опубликованной в «Жэньминь жибао», [illegible] утверждение, будто [illegible] Китая находится в состоянии застоя. Газета обвиняла противников Мао в том, что они-де без достаточных оснований жалуются, будто уровень жизни является низким, будто у народа мало продуктов питания и одежды.

Это и есть действительные политические проблемы в сегодняшнем Китае», — добавляет «Вашингтон пост».

Перепечатываемая сегодня статья из английского еженедельника «Экономист» дает читателям — с позиций западных* наблюдателей, естественно, — довольно наглядное представление о некоторых деталях и подоплеке последних событий в Китае.

Политическое положение в Китае можно сравнить с разладившимся компасом, стрелка которого мечется по всем направлениям. Имеются признаки того, что «умеренные»* по-прежнему контролируют положение: иначе как бы мог такой испытанный старый партийный бюрократ, «упорно идущий по капиталистическому пути», как Дэн Сяо-пин, снова оказаться кооптированным в состав Политбюро? Но имеются и столь же ясные признаки, показывающие, что «радикалы»* усиленно рвутся в бой: кто еще мог бы поднимать бунт против родителей, учителей, партийных деятелей, Конфуция и Бетховена? И почему все эти противоречивые события происходили бы в Китае, если бы эта страна не готовилась к еще одному раунду «культурной революции»?

В Китае сегодняшнего дня явно веют ветры 1966 года. Сейчас, как и тогда, молодежь находится в авангарде наступления на «авторитеты» в университетах и школах. Тон задал в июле один юноша из сельской коммуны в провинции Ляонин, осудивший вступительные экзамены в университетах. Его довод — делать революцию важнее, чем корпеть над учебниками, — с тех пор был разрекламирован по всей стране и скреплен печатью одобрения в газете «Жэньминь жибао». Группа учеников средней школы в Шанхае выдвинула аналогичные доводы: она потребовала, чтобы было разрешено списывать, или «обмениваться мнениями», на экзаменах.

Все эти акты протеста широко прославляются как примеры «революционного духа движения против течения». Это выражение впервые появилось в августе прошлого года в комментарии газеты «Жэньминь жибао», посвященном герою провинции Ляонин. Двумя неделями позднее оно всплыло на X съезде Китайской компартии и было приписано Мао Цзэ-дуну и внесено в Устав партии. С тех пор это выражение является предметом спора, ведущегося в китайской печати: «радикалы» и «умеренные» снова и снова дают разные его толкования.

«Радикалы», которые действительно «идут против течения», истолковывают его как вызов, бросаемый меньшинством большинству. Одна газета зашла настолько далеко, что приравняла его к знаменитому лозунгу, который положил начало движению хунвэйбинов в 1966 году, а именно: «Бунт — дело правое».

«Умеренные», которые не могут открыто отречься от слов Мао, пытаются смягчить их, утверждая, что идти следует лишь против неправильных течений и что люди, которые нападают на прогрессивное течение, неизбежно «потерпят поражение, и их ждет бесславный конец». «Умеренные» недавно подкрепили эту свою позицию хитроумным доводом насчет того, что «идти против течения» — фактически значит лишь хорошо соблюдать партийную дисциплину.

Таким образом, фундамент для новой междоусобной борьбы, по-видимому, уже заложен. Потенциальный преемник хунвэйбинов был создан в виде городского ополчения. Ополченцы и солдаты проводят революционные митинги и марши в Шанхае. И не только учащиеся, но и рабочие в том же Шанхае напрягают свои революционные мускулы, проводя с помощью «дацзыбао» кампанию критики якобы авторитарных руководителей.

Все это, пожалуй, убедительное подтверждение того, что приближается еще одна «культурная революция». Однако имеющиеся признаки противоречивы. Хотя городское ополчение и похоже на детище левого крыла, потому что оно родилось в Шанхае, штаб-квартире «радикалов», но на митингах в Шанхае ополченцы распевали не что иное, как «Три основных правила дисциплины» — музыкальный вариант военного устава, который звучит всегда, когда необходимо сделать более жестким контроль со стороны руководства.

Пропагандистское сражение последних месяцев подтверждает, что правительство Чжоу Энь-лая подвергается атакам слева. Руководителей группировки левого крыла не называют, хотя, вероятно, имеет значение тот факт, что голоса «радикалов» снова начали раздаваться вскоре после того, как в Пекин перебрался Ван Хун-вэнь, молодой китайский деятель, ставший ныне третьим по влиянию человеком. Впрочем, в ходе этой борьбы стали известны некоторые оплоты левого крыла — провинция Ляонин, где появился первый герой, Шанхай, где стал издаваться новый журнал, из которого газета «Жэньминь жибао» постоянно черпает сообщения о левом крыле, а также сам Пекин, где одна местная газета только что развернула новую кампанию, направленную против западной музыки, и особенно против Бетховена.

Поскольку музыка оказалась фактически единственным видом западной культуры, который проник в Китай после визита Никсона в 1972 году (в Китае в прошлом году гастролировали оркестр Лондонской филармонии и Филадельфийский симфонический оркестр, исполнявшие произведения Бетховена), то «антибетховенская кампания» приобретает особое значение. Можно ли расценивать ее как атаку против расширения контактов и разрядки напряженности вообще? Косвенным ответом является отмена несколько дней назад давно выдвинутого предложения о гастролях в Китае Парижского оркестра.

Какими бы ни были цели «радикалов», им не удалось еще изменить внешнюю политику Китая. Это становится ясно, если взглянуть на освобождение того американца, который был захвачен во время столкновения с Южным Вьетнамом из-за Парасельских островов. Его возвращение не сопровождалось ни единым словечком об империалистических шпионах и агрессорах. Это, возможно, является неплохим признаком для Запада. Но это может также означать лишь то, что «радикалы» пока еще продолжают засучивать рукава.

---

* См. «ЛГ», № 2, 1974.

ТЕЛЕКС

НАСЕЛЕНИЕ ПОЛЬШИ

В 1973 году население Польши увеличилось почти на 310 тысяч человек, достигнув 33 миллионов 510 тысяч. Минувший год характеризовался дальнейшим динамичным ростом численности городского населения, которое составляет 54,3 процента всех жителей страны.

ПАП

«ШКОДЫ» НА ДОРОГАХ МИРА

Чехословакия продала в минувшем году на внешнем рынке 113 тысяч 850 легковых автомобилей, микроавтобусов и грузовиков-пикапов. Это рекордное количество, намного превышающее соответствующие показатели 1972 года. Большинство экспортированных машин — легковые «шкоды».

ЧТК

УБИЙСТВО СПОРТСМЕНА

Согласно официальным заявлениям чилийских властей четверо заключенных были застрелены «при попытке к бегству», когда их везли в тюрьму города Пуэрто-Монт. Среди убитых — Хосе Эриан Манао, популярный спортсмен Чили.

ТАСС

ПОЧТА НЕ РАБОТАЕТ

Пиночетовский режим известил Францию, что он в настоящее время не в состоянии обеспечивать нормальное почтовое сообщение между двумя странами. В связи с этим Министерство почт и телесвязи Франции объявило, что отправка писем и посылок в эту страну временно прекращается.

ТАСС

А ЦЕНЫ ВСЕ РАСТУТ...

Генеральный директор компании «Эр-Франс» Пьер-Донатьен Нот заявил, что нефтяной кризис затормозил развитие воздушного транспорта. Он сообщил, что 1 января плата за полет возросла на 6 процентов, а 1 марта она увеличится, вероятно, еще на 7 процентов. За этим последует новое повышение.

Франс Пресс

ПОЛИЦЕЙСКИЕ И ФУТБОЛ

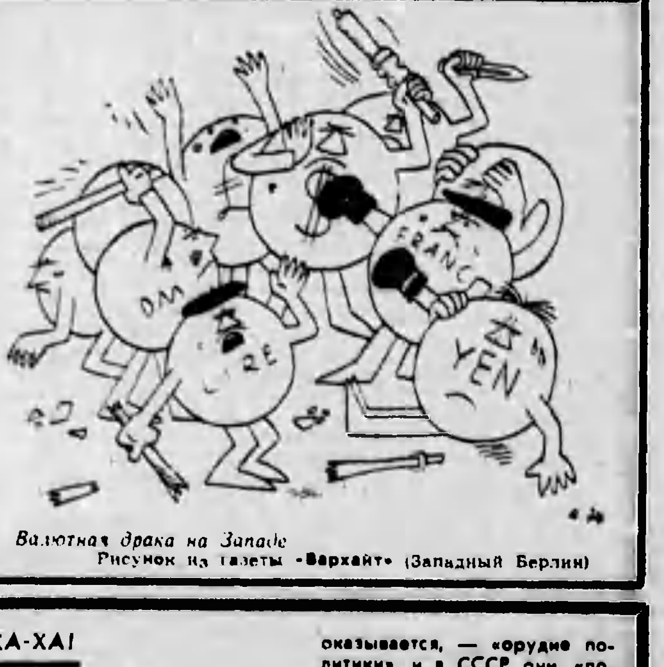
Полиция Гамбурга собирается усилить меры безопасности на матчах мирового чемпионата по футболу. Причиной послужили письма, полученные различными организациями Западной Германии, в которых содержатся угрозы нападения на стадионы, где будут проходить футбольные матчи. Одно из писем подписано «РАФ» — инициалами, используемыми левоанархистской группой Баадера — Майнхоф. Однако полицейские чины Гамбурга считают, что орфографические ошибки в письме не типичны для этой группы.

Рейтер

НОВЫЙ ВИРУС!

Всемирная организация здравоохранения сообщила, что Северному полушарию угрожает новый вид гриппа, названный порт-чалмеровским вариантом (по имени города, где он впервые был обнаружен в сентябре прошлого года). Новый вирус представляет собой один из вариантов гонконгского, выделенного в 1968 году. Особенно подвержено заражению этим вирусом будет население Англии и США.

ЮПИ



Валютная драка на Западе
Рисунок из газеты «Вархайт» (Западный Берлин)

СТРЕЛЯЮТ ПО ВОРОБЬЯМ, А ЦЕЛЯТСЯ...

После длительного перерыва, вызванного «культурной революцией» с ее категорическим отрицанием культуры, литературы, искусства и науки (кроме, естественно, декламации «идей Мао Цзэ-дуна»), с 1972 года китайские читатели стали получать книжную продукцию. До сегодняшнего дня из типографий выводили все новые издания. По неполным данным, список новых и переизданных книг за два года насчитывает уже двести с лишним названий. Правда, ближайшее рассмотрение показывает, что главное назначение этих, с позволения сказать, литературных произведений — дальнейшее возвеличение личности Мао Цзэ-дуна, пропаганда полного набора его «идей», иллюстрирование политических лозунгов маоистов и — отнюдь не в последнюю очередь — раздувание военного психоза и оголтелого антисоветизма. Ни о каких художественных достоинствах подобного рода литературы говорить не приходится. Она изобилует цитатами из Мао, газетными штампами, строится по заданной схеме, населена ходульными образами «идеальных героев» — точь-в-точь как в «образцовых спектаклях». Увидевшие наконец свет — после многочисленных переработок и переделок, — эти книги на все лады расхваливались в прессе, которая стремилась выдать их за «величайшие достижения социалистической литературы».

Однако в последние дни произошли события, которые заставят задуматься китайских издателей — и не только издателей.

Роман «Жизнь», опубликованный больше года назад в шэньянском (мукденском) журнале «Гуннунбин вэньи» («Литература и искусство рабочих, крестьян и солдат»), и по содержанию, и по своей направленности мало чем отличался от других произведений сиюминутной китайской «литературы». Правда, он один из тех немногих, что посвящены событиям недавнего прошлого, а именно — «культурной революции» в деревне после 1967 года. Но оказалось, что автор, имя которого упорно не называется, что-то «пересотрязил» и чего-то «недоотразил». Не случайно газета «Гуанмин жибао» посвятила ему две огромные — на целую полосу — разгромные рецензии.

Что же произошло? После журнальной публикации, повторяем, прошло больше года. Срок достаточный, чтобы разобраться хотя бы в элементарных идеях примитивного романа. Но лишь теперь строгие критики — студенты Ляонинского университета — обрушились на автора романа «Жизнь» и обвиняют его во всех смертных грехах. Он якобы отошел «от основного духа политического доклада IX съезду КПК, составленного при личном участии Мао» (напомним, что докладчиком был смещенный в сентябре 1971 года Линь Бяо), отошел «от основной линии партии и произвольно состряпал роман о так называемой борьбе за власть». Автор романа, оказывается, пишет о том, что «не цзаофани, посланные великой пролетарской культурной революцией, захватывают в деревне власть у горстки облеченных властью и идущих по капиталистическому пути лиц, а разжалованный в ходе «четырех чисток» кадровый работник Цуй Дэ-ли сеет смуту среди бедняков и низших середняков, отбирает власть у секретаря партячейки Чжан Чунь-шэна, поднявшего деревенских бедняков на учебу у Дачжая, твердо придерживавшегося социалистического пути» (образец маоистской стилистики!).

В романе, продолжает рецензент, «утверждается, будто бедняки и низшие середняки повсеместно проявляли пассивность, а идущие по капиталистическому пути были активными». И, наконец, последнее обвинение: «...положительные силы в романе изображены убогими и бессильными», а образ представителя контрреволюционных сил «дан в красочном ореоле, он показан здоровым и живым». Даже то, что в «конечном счете в романе победили бедняки и низшие середняки», «не может служить автору романа оправданием и изменить дух его произведения».

Попытка разобраться в обвинениях, обрушившихся на автора весьма слабого и схематичного романа «Жизнь», наталкивает на некоторые раздумья. Прежде всего возникает вопрос: почему критика романа «Жизнь» началась лишь по истечении года с лишним после его выхода в свет? Не исключено, что в результате различных мероприятий тех пекинских деятелей, которых за рубежом называют «умеренными», — мероприятий, направленных на «упорядочение», «нормализацию» и «стабилизацию», — в Китае начала проявляться тенденция критики отдельных сторон «культурной революции», нашедшая определенное отражение и в этом романе. «Левые» же, или «радикалы» (по той же терминологии), которые рвутся к власти, всячески тянут страну к продолжению «культурной революции». Именно они, по всей видимости, обрушились на роман «Жизнь», который якобы фальсифицирует историю этой «революции».

Помимо чисто политических нападок на автора романа, в рецензиях он обвиняется также в отходе от основного положения маоистской «эстетики» о необходимости «идеализации действительности» — в романе отсутствует «идеальный герой», «верный ученик, боец и последователь Мао Цзэ-дуна», что является непременным атрибутом для каждого произведения современной китайской литературы, являющейся иллюстратором маоистской политики.

В общем, критика романа «Жизнь», развернувшаяся на днях в китайской прессе, явно свидетельствует о каких-то политических процессах, происходящих в КНР. Процессах, несомненно, связанных с обострившейся борьбой за власть в пекинской верхушке.

С точки же зрения чисто литературной, новая критическая кампания ничего экстраординарного собой не представляет. Ведь переделывают время от времени, в связи с изменением политической конъюнктуры, даже «образцовые пьесы» («Красный фонарь», «Налет на полк Белого Тигра», «Взятие горы Вэйхушань»). Можно также напомнить о судьбе китайского «бестселлера» кануна и начала «культурной революции» — романа Цзинь Цзин-мая «Песнь об Оуян Хае». Он был признан «духовной атомной бомбой», и сам Го Мо-жо назвал его лучшим произведением социалистической литературы, так как в нем «нашли свое воплощение все идеи Мао Цзэ-дуна». А потом, по истечении некоторого времени, это «житие святого» кануло в Лету, и все о нем забыли.

Происходит так потому, что современная китайская литература давно уже превратилась в примитивного иллюстратора идей и указаний «великого кормчего», которые то и дело сменяются одни другими.

М. ТЕПЛИЦКИЙ

ХА-ХА!

ОСТОРОЖНО, ШАХМАТЫ!

Не хотите ли сыграть партию в шахматы? Белыми вы будете играть или черными, это в конечном счете не имеет никакого значения. Предупреждаем только: дело это отнюдь не безопасное. Одним словом, бойтесь! Бойтесь играть в шахматы...

Таков примерно смысл статьи, опубликованной недавно в канадской газете «Монреаль стар» и переданной по радио Канады для зарубежных слушателей. Автор статьи — Камиль Кудари «разыграл» партию, весьма и весьма далекую от шахматной. Он сделал неожиданное открытие: шахматы, оказывается, — «орудие политики», и в СССР они, «подобно опиуму, используются для идеологического одурманивания молодежи».

Дальше — больше. По мнению Кудари, успехи советских шахматистов на международных состязаниях тесно связаны с... марксистской философией. Именно она помогает им выигрывать. Оказывается, шахматы наглядно демонстрируют теорию классовой борьбы. Ведь пешки — это «народные массы», а неумолимые правила шахматной игры всегда подтверждают правильность «марксистского принципа» — один за всех, все за одного. Вывод: если вы играете в шахматы, то невольно становитесь марксистом!..

Интересно, однако, что думает обо всем этом Бобби Фишер?

Л. КРЮКОВ

СОРЕВНОВАНИЕ: ПЯТЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

В прошлом году многие наши читатели были участниками разговора, который газета вела под рубрикой «Соревнование: пять ключевых слов». Речь шла о том, чтобы [illegible] осмыслить, «[illegible] заново» важнейшие слова из лексикона социалистического соревнования: НОВАТОР... ПОЧИН... ОБЯЗАТЕЛЬСТВА... СТИМУЛЫ... ИТОГИ. Богатый опыт, накопленный коллективами в ходе Всесоюзного соревнования в прошлом году, бесспорно, сыграет важную роль и в организации соревнования за выполнение напряженных планов нынешнего, четвертого года пятилетки. Придавая особое значение опыту передовиков, победителей в социалистическом соревновании, редакция обращается к ним с просьбой ответить на вопросы этой анкеты. Ваши ответы, дорогие товарищи, мы предполагаем широко использовать на страницах «ЛГ».

Итак, АНКЕТА «ЛГ»:

1. Быть НОВАТОРОМ, передовиком — высокая честь. Но тому, кто впереди, всегда и труднее — это тоже хорошо известно. В чем же, на Ваш взгляд, состоят те трудности, с которыми чаще всего сталкиваются новаторы, передовые коллективы? Как устранить эти трудности?

2. Новый трудовой ПОЧИН... Что необходимо, по Вашему мнению, чтобы он получил широкое распространение? Почему иные начинания быстро забываются?

3. В соревновании всегда принимаются повышенные ОБЯЗАТЕЛЬСТВА. Как они должны согласоваться с планами материально-технического снабжения, кооперированных поставок, реализации и т. д.?

4. Вопрос о СТИМУЛАХ. Скажите, чем и как Вы были отмечены, победив в соревновании? Удовлетворены ли? Что предложите для дальнейшего совершенствования морального и материального стимулирования?

5. Как подводились ИТОГИ соревнования, в котором Вы участвовали? Каких итогов Вы лично добились? Могли бы Вы работать еще лучше и что для этого требуется?

ОТДЕЛ ЭКОНОМИКИ «ЛГ»

Генрикас ЗИМАНАС, доктор философских наук, главный редактор журнала «Комунистас»

КТО ВПЕРЕДИ?

НАПИСАЛ я заголовок и задумал: не смутит ли он читателя? «Кто? — спросит он. — Мы [illegible] знаем, кто впереди..»

Слов нет, тысячи передовиков, подавляющее их большинство, пользуются заслуженным уважением и доверием, их достижения и награды вполне весомы. Но всегда ли мы в должной мере точно определяем: кто по-настоящему идет впереди, кто является творцом и прилагает больше всех усилий, а кому просто повезло? Кого несет вперед струя объективных условий, а кто сам направляет эту струю и добивается успеха самоотверженным трудом, умением, новаторством?

В Обращении Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу, в постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о Всесоюзном социалистическом соревновании подчеркивается, что план нынешнего, четвертого года пятилетки весьма напряжен и потому требует высокого накала состязательности в труде.

Пример лучших сейчас важен необычайно. Нам широко известны имена Героев труда, с опытом передовиков знакомится вся страна. Но всегда ли и — главное — везде ли в повседневной работе, организуя соревнование на предприятии, мы применяем точные критерии к соревнующимся? Вот об этом и хочется поговорить.

...В рабочем пригороде одного из крупнейших городов Литвы мы подыскивали место для встречи с активом и по чьему-то совету отправились посмотреть помещение кинотеатра. Оно производило удручающее впечатление. Тысячи ног стоптали пороги, оставили глубокие выбоины на полах и ступеньках, тысячи тел расшатали кресла так, что садиться на них было боязно. Все помещение приобрело неприглядный вид.

Я возмутился:

— Да что вы? Разве можно сюда приглашать людей?..

— Полегче, товарищ! — сердито парировал администратор. — Мы еще, может быть, вас и не пустим. У нас сеансы с самого утра, и нам невыгодно сдавать помещение... Вы полегче... Мы уже несколько лет первое место по Союзу держим...

Я проверил — о первом месте он говорил правду. Да и понятно: пригород новый, жилые дома строят, а о клубах забывают, развлечений нет. Вот народ и валит валом в кино. За билетами — очередь. Картину крутят без перерыва с утра до ночи. Не остается времени даже для проветривания помещения. Расходы минимальные, а планы выполняются и перевыполняются — и «по рублю», и «по зрителю».

Администрация ничего не делает, да и зачем? Первое место заранее обеспечено. Где угнаться кинотеатрам, которые находятся в центре города, хотя там — прекрасные стенды, выставки, идеальная чистота, играют оркестры, работают буфеты. А заполняются их залы с трудом: рядом ведь и другие театры, и кафе, рестораны, концертные залы...

Похожих примеров немало. Их можно зачастую найти в оценке труда сталевара и животновода, хлебороба и ткачихи, врача и педагога. А ведь ошибки в оценке труда очень пагубно влияют на развитие социалистического соревнования.

Если где-то люди становятся передовиками по воле случая, если они щедро награждаются за «прохладный» труд, если незаслуженно ставятся в пример, то это очень печально. Создается опаснейший разрыв между оценкой официальной и той, которую дают окружающий коллектив, коллеги, друзья по работе.

Откуда же берутся ошибки? По нашему мнению, их питают и некоторые объективные обстоятельства.

Понятие «передового» диалектично. Вчера это было одно, сегодня другое. Некогда передовиком был тот швейник, который давал больше одежды, ибо ее не хватало и каждая юбка или пиджак шли нарасхват. А сегодня передовик уже тот, кто дает самую ходовую, самую красивую одежду, ибо лишь она пользуется спросом, в то время как другая мертвым грузом оседает на складах.

Объективными являются и некоторые противоречия, возникающие в процессе роста, при новых формах организации труда. Они сказываются на оценке «передового» и «отсталого». Например, в первый период коллективизации мы считали большим достижением строительство коровников на 200 голов. А теперь мы уже помышляем строить, а кое-где и строим, коровники на тысячу, а то и на две тысячи голов с полностью механизированной раздачей кормов, доением и уборкой. Это стало необходимостью при переходе к отраслевому управлению производством сельского хозяйства. Правильно сочетать требования сегодняшнего дня (еще полезные, но уже устаревшие) с теми, которым принадлежит будущее, — задача очень сложная.

Наконец, оценки усложняются, когда объективное переплетается с субъективным. Для министерства, установившего неудачную систему стимулирования, ошибка является субъективной, в то время как для предприятия она уже превращается в фактор объективный. Мы, например, еще не научились разрешать противоречия между заданиями по освоению новой продукции, с одной стороны, и по увеличению объема производства, с другой.

— Вот, — рассказывал недавно умный, энергичный хозяйственный руководитель, — изготовляем одну комплектующую деталь для других заводов. Стоит она три рубля. А наши инженеры нашли способ, как делать ее в три раза дешевле.

— И делайте на здоровье — в чем вопрос?

Мой собеседник иронически усмехнулся:

— Учтите, этих деталей нам нужно сто тысяч, не больше. Подешевеет втрое деталь — встанет под угрозу план по валу. А кто мне снимет этот вал в начале года?..

Выходит, чтобы числиться передовиком, иной директор и дальше будет изготовлять заведомо более дорогую и менее качественную продукцию.

Никому не придет в голову сравнивать взрослого спортсмена с юниором, выпускать на ринг боксеров разных весовых категорий. Никто не будет сравнивать скорости велосипеда и автомобиля. А вот в практике соревнования мы порой, не задумываясь, сопоставляем малосравнимые вещи.

У колхоза две тысячи гектаров сельскохозяйственных угодий. На сто гектаров он произвел тысячу центнеров молока. А соседний колхоз, имеющий шесть тысяч гектаров угодий, произвел на сто гектаров девятьсот центнеров молока. (Пример взят из жизни.) Как вы думаете, кто впереди? Пальма первенства чаще всего в таких случаях отдается первому колхозу. Но всякий, кто знаком с сельским хозяйством, скажет, что результат второго выше: с больших площадей значительно труднее добиться больших результатов.

Специальное исследование в нашей республике показало, что земли отнюдь не одинаковы в границах одного района и даже в пределах одного хозяйства. В Литовской ССР был введен кадастр земли, вся она ныне оценена в баллах, выведены средние оценки для районов, экономических зон и так далее. После этого возникли более благоприятные условия для оценки труда и усилий колхозников. Со своей стороны, метеорологическая служба доказала, что и небо — даже в условиях одного района, даже в соседних колхозах — отнюдь не «одинаково».

Недавно в нашем журнале была напечатана статья первого секретаря Биржайского райкома КП Литвы К. Битинаса «Правильно ли мы оцениваем труд людей?». В ней рассказывается, как партийная организация района с помощью научных работников Института экономики сельского хозяйства Литовской ССР внимательно изучила условия труда в каждом колхозе. Оказалось, что надо учитывать массу тонкостей. Например, площади мелиорированных земель, которые при равном качестве почвы дают лучший урожай, обеспеченность хозяйства производственными фондами, техникой, постройками, рабочей силой.

Когда достижения каждого хозяйства района были заново взвешены с учетом упомянутых факторов, выяснилось, что на первые места вышли те хозяйства, которые раньше не принято было считать передовыми.

То же самое и в промышленности. Делали, например, мебельщики обыкновенные дешевые столы и слушали упреки за низкую производительность труда. Но вот стали [illegible] столы дорогим [illegible] лаком. Работы прибавилось чуть, но как подскочила производительность труда благодаря использованию дорогого материала! Из отстающих буквально через день мебельщики стали именинниками.

Партия поставила задачу — добиться, чтобы выгодное и нужное народу было выгодно каждому. Следовательно, нужна координация интересов государства, предприятия и отдельных работников; а иногда требуется и субординация, то есть подчинение частных интересов интересам общим.

Ясно, что хорошая организация производства — важнейшее условие для успехов социалистического соревнования. Руками производственников, профсоюзного актива, ученых мы должны уточнять и совершенствовать систему, которая давала бы ясные и понятные критерии того, кто есть передовик.

А передовик в глазах народа не только тот, кто лучше и больше других сделал. Трудящиеся предъявляют к передовику большие моральные требования — они хотят быть уверенными, что к высокой выработке он стремился не из карьеристских побуждений, не из корысти или рвачества. Как же, при помощи какой формальной «системы» оценивать моральные качества людей? На это способны только сами люди, которые работают рядом, которые видят человека каждый день и день за днем.

Чем активнее станут участвовать широкие массы в оценке и подведении итогов соревнования, тем полнее будет гарантия, что награда присуждена по заслугам, что она вручена действительно лучшему работнику, коллективу. Это важно для того, чтобы «борьба за высокую производительность труда, — как говорил Л. И. Брежнев, — за наилучшие показатели в производстве, за высокое качество продукции стала делом всенародным».

ВИЛЬНЮС

Сборщики «Жигулей» (гор. Тольятти)

Фото В. ПАРАДНИ

ЗАПИСКИ ИНЖЕНЕРА

Б. БУРДЫКИН

ПРОИЗВОДНАЯ ОТ БЕСКОНЕЧНОСТИ

СВЕТОВЫЕ ТАБЛО в проходной кратко и деловито сообщали результаты работы каждого цеха и в целом по комбинату. Результаты были хорошие. Березниковский титано-магниевый комбинат жил своей размеренной жизнью. Тысячи людей на разных участках делали свою привычную работу, и она, эта работа, складываясь из тысяч больших и малых дел, материализовалась слитками блестящего металла, уносимого вагонами в десятки отечественных и зарубежных городов...

Я сидел в кабинете и вяло делал отчет о нашей бессмысленной командировке. Мы ездили вдвоем с Барановым, заместителем начальника проектно-конструкторского отдела, искать помощи в создании опытного образца электрокара для перевозки расплавленного металла. Металл назывался магний, но существа дела это не меняло. Существо заключалось в том, что металл не на чем было транспортировать. Пока что его возили на электрокарах образца 19[illegible] года, но это была уже агония. Работая круглосуточно в жестких условиях металлургического производства, кары стремительно устаревали — физически и морально, количество их не восполнялось, так как они давно были сняты с производства. В конце концов инспекция предложила устаревшие кары из эксплуатации изъять. Легко сказать — изъять! Это значило остановить производство. Останавливать производство было нельзя. Эксплуатировать кары — тоже. По всему по этому мы изложили свою просьбу сначала в Москве ответственному работнику главка, но, не почувствовав в его голосе энтузиазма, направились в Калининград, в головной институт по проектированию электротранспорта.

Директор, нестарый еще, приветливый человек, выслушал не перебивая.

— При всем своем уважении к министерству вашему и министерству своему, — сказал он, — я не могу ничего обещать, потому что у института уже есть заказы на несколько лет вперед. Кроме того, — продолжал он, — если бы даже институт и обязали заняться вашей темой, то на разработку и изготовление опытного образца потребуется никак не меньше трех лет. По самым, как говорится, оптимальным прогнозам. Я уж не говорю о том, сколько времени придется ждать, пока он будет запущен в серийное производство. Да и влетит вам этот опытный образец тысяч в триста. По самым минимальным прогнозам...

За стеной кабинета, где я делал отчет о поездке, в депо, ревматически треща всеми суставами, вползали многострадальные кары. У дежурных беспрерывно надрывался звонок громкого боя диспетчерской связи, и где-то недалеко бродил, щелкая пломбиром, тихий инспектор Эрлер. В последнее время он пристрастился посещать ремонтную мастерскую, где доходчиво перечислял причины, по которым пятитонки не следовало пускать на линию. От этих бесед мастера теряли в весе и премиальные. На линии инспектор уже ничего не перечислял, а умело навешивал пломбу на рулевое управление.

Такие вот были печки-лавочки на текущий момент, когда Борис Михайлович Шибанов привычно тронул старую «тирольку» и та привычно покатилась на правое ухо, выпуская на свободу белесый чубчик.

— Триста тысяч за опытный образец! — с веселым изумлением воскликнул он, щуря светлые свои глаза. — Берусь сделать то же за любую половину! — Острый грифель взметнулся над столом и ринулся к бумаге. — Нет, в самом деле, а что, если...— забормотал Шибанов.

С этой фразы обычно начинался первый период творческой деятельности старшего механика цеха. Мировосприятие этого умелого лобастого человека в общем и целом сводилось к тому, что в сложном производственном комплексе, насыщенном хитрыми творениями рук человеческих, должно быть хозяином. Он из той породы людей, кого называют «светлой головой».

— Так вот и так... — бубнит Шибанов, терзая очередной лист бумаги, на котором постепенно проступают знакомые контуры электрокара производства одного южного завода.

— Точно, — говорит механик Балдин, нетерпеливо ерзая возле шибановского локтя. — Ковш сдвинем по центру, а здесь поставим упоры...

Балдина можно понять. Это тот самый человек, который со своей бригадой ежедневно возрождает рассыпающуюся от старости технику.

— А высота? — сверкает очками техрук Виктор Дмитриевич Юмашев. — При такой скорости на первом же повороте ковш вместе с металлом вылетит с платформы. Представляете?

Он откидывается на спинку стула и на его голове воинственно приподнимается темный ежик волос. Мы представляем себе. Картина явно смахивает на «Последний день Помпеи».

— Решение все равно можно найти, — упрямо говорит Шибанов. — Не может быть, чтобы не было решения, — бросает в рот сигарету и тянется за новым листком.

— Конечно, подумать можно, — подымается Василий Петрович Постаногов. — Но если даже что-то получится — это же не выход. Нам же их много надо! Пожалуй, действительно надо связаться с южанами.

Начальник депо электрокаров высок, поджар и рационалистичен. Как и Шибанов, — недавний выходец из рабочего класса, потомственный уралец. Вкрадчивой своей походкой он расхаживает по кабинету — три шага к двери, три обратно, — выплескивая наружу личное мнение по поводу этой старой рухляди, этого чертова железного хлама, который давным-давно пора списать и выбросить в мартены! Постаногов разряжается с чувством, и ему никто не мешает: Шибанов кромсает бумагу, Балдин подбирает клочки, Юмашев чиркает в блокнотике... Похоже, что сколачивается творческая бригада.

— Хоть конкурс объявляй... — вздыхает кто-то.

Объявляем конкурс.

⁂

Как работает творческая бригада? Творческая бригада работает импульсивно. Задание, как правило, выдает сама суровая действительность. Рассмотрение происходит где-нибудь в очереди в столовую, согласование — между борщом и глазуньей, а также на разного рода блиц-совещаниях. «Блиц» потому, что у каждого члена бригады есть своя основная работа, за которую он получает деньги. Деньги же, как известно, нигде даром не платят, а сама работа — это производная от бесконечности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Последствия вытекают, работа остается, а творческая бригада переходит к следующему этапу.

В один из будничных осенних дней Владимир Иванович Балдин приводит бригаду к полученному четырехколесному красавцу южного производства, наивно поглядывающему на божий свет своими прозрачно-выпуклыми фарами. Бригада совершает сложный ритуал вокруг безмолвного механизма — с приседаниями, покряхтыванием и жестикуляцией.

— Колесики сбросим, бандажики присобачим, — мурлыкает Шибанов, похлопывая по массивным шинам широкой ладонью с обкуренными сильными пальцами.

— Ступицы не подойдут, я думаю, — печально вздыхает механик Балдин.

— Не подойдут, и не надо, — жмурится Шибанов. — Мы ей новые сварганим.

— Передний мост паршивый! — возмущается из-под кара голос Постаногова. — Разве же это рессоры? Это же фитюльки какие-то, а не рессоры!

— А мы фитюлечки усилим, — радуется Шибанов.

— Чего же не усилить, усилим, — соглашается механик Балдин.

— Разве это батарея? — брезгливо тычет пальцем Постаногов, взгромоздившийся на платформу. — Это же не батарея, а посмешище! На два часа работы не хватит.

— Вырежем старую, врежем новую, — обещает Шибанов.

— Вырежем и врежем, — как эхо, откликается механик Балдин.

Наконец консилиум заканчивается, балдинские ребята бросают сигареты, обступают красавца и к вечеру расходятся, оставив на монтажной площадке голый металлический остов.

В то время как практическая мысль реализуется подобным образом, теоретическая, в лице Виктора Дмитриевича Юмашева, перетекает в область КВ, где трудолюбиво жужжит техническая интеллигенция. Придав своему лицу выражение в высшей степени значительное, техрук достает из карманов бумажки с расчетами. Баранов в некотором роде — сторона конкурирующая, потому что после официально объявленного конкурса конструкторы стали забегать в депо чаще обычного и с явными признаками творческого вдохновения. Был засечен факт, когда с подобными же признаками замнач лично стоял на четвереньках в мастерской возле одного из электрокаров. Геннадий Александрович молча собирает бумажки, а через несколько дней выдает краткое резюме: «Перевернется...»

Призрак Помпеи вновь витает над бригадой...

Прозрение приходит вскоре. Простенькая до смешного идейка, возникшая как бы сама собой, тщательно обсасывается, обнюхивается, детализируется и взвешивается на весах общественного мнения. Общественное мнение выражается здоровым, облегчающим душу смехом, в котором тихо растворяется тень Помпеи. Юмашев, торжествующе сверкая очками, тащит животрепещущую идею к неподкупному Баранову. Балдин нелегально точит ступицы в закоулках ремонтно-механического цеха. Постаногов осуществляет сложнейшие функции материально-технического обеспечения. Уверенность в исходе дела так велика, что теперь уже можно задаться проблемным вопросом: а что мы будем иметь, если у нас получится? Если у нас это получится, мы будем иметь один опытный образец. На образце весь металл не повезешь. Стало быть, нужно изыскивать способ получить нужное количество «южан» для последующей реконструкции. Фондов на них у комбината нет. Редкий человек на комбинате не знает, что такое приобретение бесфондовой продукции. И тогда взоры творческой бригады обращаются к Постаногову. Потомственный уралец ворчит, но собирается в дорогу.

Жизнь между тем идет своим чередом: клич брошен и услышан теми, к кому относится. Наглухо запечатанные конверты поступают в комиссию под заманчиво-чарующими девизами: «Альфа», «Трио», «Амфибия»... Девиз нашего — «Конкурсное».

Возвращается с юга осунувшийся Постаногов и, натужно кашляя, рассказывает, как валялся с температурой в холодной гостинице, а за окном шумело под снежным дождем Черное море, как удивлялись южане, узнав цель его приезда, и разводили руками, и как жалел он, Постаногов, что согласился на эту поездку — это вам не фитюльки какие-нибудь. Тем не менее вслед за ним непостижимым образом катятся наглухо заколоченные ящики, в которых [illegible] и [illegible] первые экземпляры той самой [illegible] продукции.

⁂

В один прекрасный день на улице появляется электрокар непривычной конструкции. Он выезжает под низкое небо, в круговерть декабрьской поземки, и день этот, несомненно, прекрасен уже только потому, что в нем возник долгожданный Опытный Образец. Все расчеты проверены, чертежи приведены в надлежащий вид, на испытания получено разрешение специальной комиссии. По предварительным прикидкам, себестоимость образца ниже той, что упоминал директор Калининградского ВНИИ. Раз так в шестьдесят.

В удобном водительском кресле сидит человек по фамилии Вахонин. Это тот самый мастер, что первым принимает на себя натиск инспекторов, диспетчеров и прочих начальников. Геннадий Николаевич хохлится над баранкой, как ястреб над хохлаткой, и в его зорких, бесстрашных глазах грозно разгорается огонек предвкушаемого торжества... Привлекая любопытные взгляды, кар резво вкатывается в цех и останавливается возле электролизной ванны. Кран, словно мать ребенка, подхватывает многотонный ковш, в котором беспечно пускает пузыри светло-розовый металл, и бережно опускает его в люльку платформы...

ПРИКАЗ № 39

В период конкурса поступило пять предложений. Рассмотрев материалы предложений, жюри конкурса присудило первую премию за рацпредложение под названием «Конкурсное»...

В. ТРАВИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

КОМИТЕТ ПО ДЕСНЕ:

ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

182 плотины созданы энтузиастами на притоках Десны. Сохранено 45 миллионов кубометров воды. Растет урожайность на 7 миллионах гектаров сельскохозяйственных угодий придеснинского края. Комитет по Десне на общественных началах, объединяя усилия восьми областей, продолжает вносить свой вклад в дело охраны и рационального использования природных богатств региона.

…И ВДРУГ тем же тихим голосом, которым только что он излагал далекие, интересные планы министерства, начальник управления сказал мне:

— Что касается комитета, то в его существовании я не нахожу смысла. Зачем нам эта самодеятельность? Не вижу, каким образом он мог бы быть нам полезен…

Я огорошенно смотрел на собеседника: ведь речь шла о Комитете по Десне!

Чтобы этот разговор стал понятен, нам придется отступить в недалекое прошлое. Идет уже шестой год с тех пор, как газета «Брянский рабочий» опубликовала письмо севских (живущих вдоль реки Сев) колхозников — с него-то и началась цепная реакция особенных событий понад Десной, продолжающаяся и ныне. В шумную, но доселе не слишком плодотворную дискуссию — как спасать Десну, ставшую безводной, загрязненной, недоступной для судоходства, — местные жители внесли ярко деловую интонацию. Спасать реку — значит спасать ее притоки, утверждали они. Раньше малые реки были подпружены мельничными и бобровыми плотинами, паводковые воды задерживались, не пропадали зря, уровень стояния вод был высок, потому и порядке находились заливные луга, лес имел хорошую корневую подпитку. Потом плотины снесли — вначале бобровые, позже мельничные… Начались переруб леса, распашка поймы и береговых охранных зон, непродуманная мелиорация…

Бассейн нуждался в неотложной помощи. Тысячекилометровая Десна с десятками притоков стремительно мелела, а ведь шестьсот тысяч кубометров чистой пресной воды в день требовали города и заводы одной лишь Брянщины, а кроме нее, в бассейне улеглось еще восемь областей с многомиллионным населением, многосоттысячными городами. А на конце Десны, в дельте, там, где она вливается в Днепр, стоит город Киев, столица Украины, третий по величине в стране, тоже привыкший испокон веку черпать воду из хрустально чистой Десны и тоже лишавшийся ее все более… Под угрозой оказался знаменитый Брянский лес, воспетый и в древних былинах, и в песнях Великой Отечественной войны. Упал уровень грунтовых вод… В результате урожайность в придеснинском крае оставалась одной из самых низких в стране.

Страсти кипели и в прессе, и на научных собраниях: что делать? Мнения сталкивались, зачастую нейтрализуя друг друга. И вот предложение севцев: плотины на малых реках!

По тем временам предложение было дерзким. Мысль и воображение, приученные к гигантским размерам волжских гидростанций или тысячекилометровых лесных полос, трудно воспринимали сам масштаб предложения: что ж нам, идти на смену бобрам и мельникам? Но дерзость и заворожила — истина, как известно, проста и конкретна. И после ожесточенных словесных боев предложение севцев было принято Брянским обществом охраны природы, одним из руководителей которого был и остается Алексей Филиппович Семенов, человек взглядов широких и страстных, в войну — глава подпольного райкома в здешних местах, автор широкоизвестной книги «Шумел сурово Брянский лес». По инициативе общества был создан Комитет по Десне из представителей партийного, административного, научного, хозяйственного аппаратов всех придеснинских областей. Первый секретарь Брянского обкома КПСС Михаил Константинович Крахмалев согласился быть председателем комитета.

Итак, Комитет по Десне возник по инициативе, что называется, снизу, вполне самодеятельно, в лучших традициях демократического управления. В этом крылись поначалу и его слабые стороны. Главнейшая из них сводилась к тому, что комитет не располагал никакими самостоятельными средствами или фондами, он рисковал бы остаться прожектерским учреждением, будь он в другой, не социалистической обстановке. Однако поддержка со всех сторон обеспечила его жизнеспособность и работоспособность. Администраторы, входящие в комитет, отыскали в своих областях те самые — внутренние — резервы; ученые нашли им точное, действенное применение. Население края отнеслось к мероприятиям комитета с энтузиазмом.

Комитет решил: построить вдоль притоков Десны 264 плотины. 264 плотины своими силами? Объявились скептики: иллюзии, мол, сотрясение воздухов словесами! Комитет решил: вслед за тем осуществить комплексный план возрождения бассейна реки, включая зарегулирование Десны, превращение ее в транспортную магистраль, а всего края — в интенсивный сельскохозяйственный район и центр туризма. Тут уж скептики вообще махнули рукой.

Скептики, надо сказать, крепко обожглись на своих пророчествах. Комитет по Десне действовал решительно и разумно. С самого начала он тесно соединял интересы будущего процветания с непосредственными, животрепещущими задачами сегодняшнего дня. Особенно наглядно связь обнаруживалась в строительстве плотин: каждая из них должна была давать немедленную прибыль строителям — колхозам и совхозам. Для одних намечалось восстановление заливных лугов, рост поголовья скота; для других — зарыбление новых озер, доходы от торговли рыбой; для третьих — ондатровые фермы и так далее. Только при таких многообещающих условиях колхозы и совхозы без колебаний вкладывали средства в плотины и прочие нужные дела: как мы уже знаем, комитет многими средствами не располагал. Скажем, совхоз «Добрунь» на реках Сев и Уль ставил пять плотин и обзаводился близ них рыбными хозяйствами; колхоз «Ударник» предпочел пастбища, рассчитывая увеличить свое стадо на тысячу голов…

И пошел шестой год… Итоги? Из 264 плотин построено 182, остальные кончают. Эдак кирпичик к кирпичику, колхоз в колхозу, от мелкого ручейка к малой речушке плотины сохранили для бассейна 45 миллионов кубометров воды в год — под стать иному государственному водохранилищу. И притом 182 плотины Придесновья не стоили казне ни рубля. Зато косвенные прибыли велики: включим в них хотя бы рост урожайности в центре европейской части и возможность размещать новые заводы и фабрики не за тридевять земель, а в обжитых краях, теперь снабженных вновь полноценной деснинской водой. Вода полноценная, тому порукой Киев, который последние годы до 80 процентов питьевой воды берет не из Днепра, а из Десны, и туда же, на Десну, переносит свои общественные пляжи и водноспортивные центры. Естественно, киевляне относятся к комитету с уважением и очень ему помогают.

Комитет подал как бы пример отношения к природе — и пример без отклика не остался. Вот уже четвертый год нет переруба в лесах Брянщины; оправился, омолодился знаменитый лес; зверье, давно, казалось бы, исчезнувшее, вновь вернулось на старые места: лосей много, кабанов, лисиц, птицы, оленей… И уже посильно участвуют звери в делах человеческих: бобры опять ставят плотинки в Смоленской, Брянской, Черниговской областях, причем ставят, словно договорившись, почти точно в тех местах, где предусмотрено комитетом.

За эти годы дважды сообщала «Литературная газета» об удачном начинании. И вновь я сижу на заседании Комитета по Десне и слушаю, как ораторы с трибуны, украшенной эмблемой комитета — есть уже у него и своя эмблема! — налагают следующие этапы намеченных преобразований: создание водохранилищ на Десне, мелиорация, строительство очистных сооружений, подъем урожайности. В бассейне более семи миллионов гектаров угодий у колхозов и совхозов, из них почти миллион — под болотами. Не все болота подлежат устранению, многие нужны для поддержания экологического баланса, но «подсушить» придется. Задача: поднять урожайность с 12—15 центнеров зерновых с гектара до 22—30, а на осушенных землях — до 28—32, картошки — до 300 и овощей — до 350 центнеров. Да еще лен, конопля, свекла, хмель, даже табак собирают в старинной земледельческой области. Как всегда, точные цифры, конкретные планы. И очень деловитая обстановка: в зале полторы сотни крайне занятых людей. Планы заранее составлены, разосланы, обсуждены по телефону, при личных встречах, столь частых между хозяйственниками и администраторами.

Комитет сплошь из бессребреников: у него на ставке один-единственный человек — ответственный секретарь Николай Архипович Островой. Но это все бессребреники с солидными должностями, учеными званиями, партийные и советские работники, руководители хозяйств, директора предприятий, специалисты. Их предложения и решения публикуются в местной печати, обсуждаются населением и потом в сотнях писем приветствуются, дополняются или — не без того — опровергаются. Возникший по инициативе снизу, комитет внимательнейше относится к этой почте. «Люди знают», — частенько повторяли на трибуне. И еще то и дело раздавались привычные здесь, ставшие терминами формулировки: «мы построили озеро», «следует доделать болото», «пропустите реку направо», «пора чистить приток»…

Кстати, об очистных сооружениях. Брянская область сейчас имеет сеть отличных очистных сооружений в городах. Брянск — уже полный цикл: очистка, включая и биологическую, строится и в районах. Первыми в стране здесь хотят создать очистку для мелких и мельчайших объектов — автохозяйств, молокозаводов, колхозных мастерских, деревень, даже отдельных ферм — в масштабе всего региона. Больше того, комитет ставит вопрос об очистных сооружениях для… полей, с которых остатки удобрений скатываются в реку.

Слушаешь речи, листаешь протоколы, планы, кальки, таблицы секретариата — добросовестное, работящее объединение государственно мыслящих людей… И, может быть, самая главная плотина, возведенная комитетом, есть плотина перед потоками ведомственной разобщенности, размывающими порой самые лучшие, самые перспективные природоохранные намерения. Комитет, конечно же, не панацея — да есть ли на свете панацея перед такими потоками? Но комитет не только координирует, он помогает ведомствам, причем самым действенным, общественным методом.

И вдруг (помните?)!

— Зачем нам эта самодеятельность?

И в самом деле — а зачем ему? Я говорю с руководителем одного из управлений Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР. Да, снисходительно признает представитель ведомства, до того, как нам были спущены государственные задания на строительство плотин на малых реках в целях мелиорации и ирригации европейской части, Комитет по Десне кое-что полезное сделал — нас-то не было… Теперь пришли мы. У вас огромная техника, мощные финансы, первоклассные отраслевые институты с сотнями специалистов, твердые планы — и комитету пора кончаться. Мавр сделал свое дело… Что он нового добавит к нашим планам, да и какие могут быть добавки, когда план утвержден? Будет, извините, писать никому ненужные бумажки протеста, если ему покажется, что мы не правы, жаловаться, не приведи господи, портить нервы…

Я было хотел спорить. Хотел напомнить, что сами официальные решения, врученные собеседнику для исполнения, опирались на инициативу мест, в том числе и деснинскую. Что никакими ведомственными приказами не заменишь и не вызовешь энтузиазма, человеческой изобретательности добровольцев, коренных жителей-патриотов, если не затронешь их ума и сердца. Что Десна, почти ничего не требуя у казны, своими силами провела такие важные проекты, добилась так много, о чем Уралу, например, остается пока мечтать, хотя он в гораздо лучшем положении с точки зрения средств и фондов для природовосстановительных строек. Что, наконец, сочетание государственного планирования и управления с самой широкой самостоятельностью и самодеятельностью мест заложено в основе советской хозяйственной системы, тем паче в деле охраны природы.

Но я не стал спорить. Комитет по Десне, жизнеспособное, естественно выросшее советское демократическое образование, не нуждается в защите, его дела говорят сами за себя. Энтузиасты быстро и четко продолжают работать, не ожидая особых наград или поощрений. Но, само собой, уповая уже на общественное признание: последняя немаловажная заслуга комитета в том, что им разработан и утвержден научно-техническими советами министерств мелиорации и водного хозяйства Украины и РСФСР комплексный план развития придеснинского края — единственный в своем роде.

Региональное управление природными процессами — веление времени, с которым ныне согласны все ученые, а нигде оно пока не опробовано столь широко и результативно, как на Десне. Подумалось: будь на Урале подобный комитет, насколько легче было бы провести в жизнь правительственное постановление 1972 года — о трудностях его реализации «Литературная газета» недавно писала (№№ 4, 5, 1974). Ни одна крупная река не укладывается в границы единственной области или одного ведомства, сама природа диктует нам необходимость координации и объединения усилий ведомств и регионов. На Десне как бы услышали голос природы и попробовали провести полезное содружество в жизнь. В этом — всесоюзное значение деснинского опыта.

Олег ВОЛКОВ

УВИДЯТ ЛИ ВНУКИ КЕДРОВУЮ ШИШКУ?

СИБИРЯКИ ГОВОРЯТ: «ДА, УВИДЯТ, ЕСЛИ ВЕРНУТЬСЯ К ИДЕЕ КЕДРОГРАДОВ»

НАВСТРЕЧУ моему мотоциклу несутся особые, неповторимые запахи приволья, присущие, как мне кажется, только вот этим местам — просторному побережью Японского моря, где дыхание безбрежных вод растворяется в ароматах кедро покрывших невысокие сопки лесов. Я мчусь на север вдоль приморских склонов Сихотэ-Алиня.

Сойдя с дороги, ступаю во влажной и мягкой подстилке. Меня обступила нетронутая кедровая тайга во всей своей славе. Практический дух времени заставляет меня взглянуть кругом оком потребителя: сколько можно извлечь пользы из этой благодати, из природных, «богоданных», как писал Аввакум, рощ сибирского кедра! Вспоминаю эпопею Кедрограда — идею сохранения кедровой тайги для комплексного использования, увлекшую в начале шестидесятых годов немало мечтателей, преимущественно молодых специалистов и студентов. Пусть не удалось придать этому начинанию надлежащий размах, но кое-что было сделано, и до наших дней в поредевших, исчезающих кедровниках Алтая уцелело небольшое хозяйство — Иогачский опытный комбинат. Накопленный им опыт доказал неоспоримо, насколько выгодно для народного хозяйства не сводить кедровые леса, а извлекать из них доход, добывая орехи, живицу, пушнину, кедровое масло, ягоды, лекарственные растения, учреждая пасеки, перерабатывая древесину, поступающую от рубок ухода, на мебельные заготовки, тарную дощечку, дранку, карандашное производство, сувениры и т. д. Подсчитано, что если сто гектаров кедрового леса использовать только для сбора орехов, то ежегодный доход в течение ста сорока лет составит в среднем 5 247 рублей, тогда как рубки, с оборотом в двести лет, дадут не более одной тысячи рублей в год.

Но это к слову: Алтай отсюда в пяти тысячах километров. Я — у края лучших кедровников Дальнего Востока. Как раз здесь, по среднему и верхнему течению рек Таежная и Большая Кема, сохранились последние в Приморском крае — да и в стране — цельные, сплошные кедровые древостои, переходящие к северу в черную елово-пихтовую тайгу, на юге — в лиственные леса. Именно в этих кедровниках, примыкающих к территории Сихотэ-Алинского заповедника, сосредоточены основные пушные богатства края.

— Для пушных зверьков и копытных, для птиц, — рассказывает заместитель директора заповедника по научной части, кандидат биологических наук Евгений Николаевич Смирнов, — тут обильный, накрытый круглый год стол и надежный дом. Вот мы много лет подряд и доказываем, что эти кедровники нельзя вырубать, хлопочем, чтобы здесь была создана орехово-промысловая зона, тот настоящий «кедроград», чьи планы опирались бы на накопленный опыт комплексного использования кедровой тайги. Понимания, к сожалению, не встречаем. Возражения обычные: комплексную эксплуатацию хлопотливо налаживать…

Впрочем, вот строки из протокола расширенного заседания ученого совета заповедника с участием районных представителей:

«В долинных кедровниках кедр не восстанавливается после рубок естественным путем, так что рубки здесь ведутся в нарушение закона об охране природы. Подлежат рубке перестойные и усыхающие ельники на севере района. Комплексное использование кедрачей дает гораздо большую выгоду, чем рубка, хотя эффект этот проявляется через годы».

Это точка зрения ученых. А вот ответ.

«Комплексное хозяйство в кедровых лесах трудно организовать из-за материально-технического снабжения: экономический эффект от него будет очень нескоро. Выгоднее рубить кедрачи», — заявляет представитель райисполкома П. М. Басак.

Рассказываю об этом, с тем чтобы с горечью подтвердить, что вновь возобладала близорукая точка зрения людей, которые не желают ни прислушиваться к мнению ученых, ни принимать во внимание расчеты экономистов. Организация нового лесопромышленного хозяйства с годовым планом 1,5 миллиона кубометров практически угрожает кедровнику уничтожением.

…В сторону от дороги уходят глубокие и широкие колеи — следы хорошо знакомых мне мощных лесовозных машин. Оставляю мотоцикл и иду по ним.

Чем ближе к лесосеке, тем шире размах опустошений: современным лесозаготовительным машинам нужен простор. За пределы расчищенных площадок лучше не соваться, коли не готов пробиться через нагромождения поваленных и сломанных деревьев, через хаос устилающих землю сучков и вершин. Лесозаготовители берут лишь пиловочник, одни толстомерные стволы, и притом в основном кедровые! Вся прочая древесина оставляется гнить на месте. И как, скажут вам, заготавливать подтоварник, мелкие сортименты, если нынешние челюстные погрузчики и прочая техника предназначены исключительно для крупномерного леса — диаметром от сорока сантиметров на высоте груди и больше!..

Последив за тем, как современный могучий трелевочный трактор тащит по сече захлестнутые тросом деревья, как срезает натянутый трос кочки и деревца, убеждаешься, какие глубокие раны наносит лесу поспешная работа лесозаготовителей. Это особенно верно в отношении кедровников. После того как кедровые леса «пройдены рубками» на обширных площадях, они практически исчезают — вырубками прочно завладевают лиственные породы и кустарники. Как известно, кедра на вырубках возобновляется не более 5 процентов.

Нет разумного защитника леса и той же кедровой тайги, который бы не понимал, что леса не только можно, но и нужно рубить. Возражения и протест вызывают не заготовки древесины сами по себе, а способы, какими это делается, «зарубание» вперед на многие годы, зря погубленная древесина и, главное, нерациональное ее использование, громадные потери во время заготовок.

Отнюдь не призывая вернуться к лучковой пиле и колесням, я все же подчеркиваю, что нынешние лесозаготовительные механизмы обходятся слишком дорого лесу и надо — пока не поздно! — разрабатывать новые типы машин маневренных и легких, сберегающих будущее леса, его завтрашний день — подрост и молодые деревья.

В Хабаровском крае лесной фонд учитывался в 1961, 1966 и 1973 годах. Площадь кедровников исчислялась соответственно в эти годы в 1496,7, 1458,3 и 1229,9 тысячи гектаров. Общий запас древесины определялся в эти же годы в 376,4, 353,1 и 304,6 миллиона кубометров. О площади и запасах древесины в спелых и перестойных кедровниках дают представление следующие цифры. За пятилетие 1961—1966 годов убыль была незначительной: площадь сократилась всего на три тысячи гектаров, запас уменьшился на 18 миллионов кубометров. Зато в последующие годы наблюдается резкое уменьшение: площадь сократилась на 238 тысяч гектаров, а запас — более чем на 50 миллионов кубометров.

Приведу несколько выдержек из материалов, присланных газете тремя хабаровцами — заслуженными лесоводами РСФСР Г. Трегубовым, В. Мичковым, Ф. Мельниковым:

«Если исходить из естественного возраста спелости кедра в 161 год, то в последнее семилетие кедра вырубалось в 1,9 раза больше, чем допустимо.

…Если принять запас спелых кедровников в 1961 году за 100 процентов, он в 1973 году составляет всего 62 процента.

…За последние 12 лет пройдено рубками 38 процентов эксплуатационных кедровников. А это значит, что при принятых темпах рубок сохранившиеся запасы спелых и перестойных кедровников будут вырублены в течение 23—25 лет. К концу этого периода площадь молодняков кедра составит во всем крае не более 50 тысяч гектаров!

…Хабаровский крайисполком вынес формальное решение о прекращении переруба расчетной лесосеки в кедровниках с 1970 года, однако и после этого ежегодно поддерживает ходатайства Дальлеспрома о дополнительном отпуске в кедровниках 500—700 тысяч кубометров здоровой древесины чистого кедра. Правила рубки постоянно нарушаются.

…Изложенное, с учетом хода возобновления кедровников, дает право задать Министерству лесного хозяйства и широкой общественности вопрос: увидят ли наши внуки кедровую шишку?»

— Пусть бы эти миллионы кубометров кедровой древесины, — говорил мне директор Биолого-почвенного института Дальневосточного научного центра АН СССР, доктор биологических наук Н. Воронцов, — брали из леса не в один сезон, а в течение ряда лет. Почему надо непременно взять сегодня?.. А что будем делать завтра? Пренебрежение свойствами и возможностями природных кедровников, если его не пресечь, может дорого обойтись стране.

В Минлесхозе РСФСР мне показывали одно из последних обращений Минлеспрома, подписанное Н. Тимофеевым, с требованием «предоставить право дополнительного переруба в 1973 году по кедровому хозяйству в Хабаровском крае объемом 262 тысячи кубометров». Заметьте: «дополнительного», и уже разрешенному! Типичность примеров побуждает меня на нем остановиться.

Начинается обычно с «SOS» — телеграммы, посланной комбинатом Дальлеспрома в министерство: «Создалась тяжелая обстановка обеспечением лесосечным фондом кедровому хозяйству тчк создается угроза невыполнения поставок…» Не трудно догадаться, зная практику леспромхозов, почему не хватило выделенного лесосечного фонда — ведь брали только что получше и выгоднее: не возиться же с тонкомером и всяким дровяником! И подняли тревогу: «Срываем поставки!»… Всполошили крайисполком, давно приученный удовлетворять аппетиты лесозаготовителей, даже незаконные. И там поддержали:

«Хабаровский крайисполком просит Совмин разрешить в порядке исключения (!) дополнительный отпуск по кедровому хозяйству». Но надо соблюсти и приличие: ходатайство сопровождает внушение комбинату — по крыловской басне о коте и поваре: «Обязать комбинат обеспечить строительство круглогодичных и сезонных дорог к массивам елово-пихтовых и лиственничных насаждений с целью прекращения переруба расчетной лесосеки по кедровому хозяйству».

Настало, несомненно, время Министерству лесного хозяйства и органам власти на местах перестать мирволить лесозаготовителям, требовать от них соблюдения правил и норм, согласных с духом и буквой закона об охране природы. Пример с кедровыми лесами показывает, что медлить с этим долее нельзя!

СИНИЦЫ, БЕЛКИ И МОСКВИЧИ

ОСТАНКИНО. Главный ботанический сад Академии наук СССР

Фото В. ОПАЛИНА

ПОБЕГ

Аркадий СТАВИЦКИЙ

ВРАЧИ СОВЕРШИЛИ ПОДВИГ, ВЕРНУВ К ЖИЗНИ ВИТЮ МАКАРОВА. ОБ ЭТОМ ИХ ПОДВИГЕ МОЖНО БЫЛО БЫ НАПИСАТЬ ОЧЕРК. НО СЛУЧИЛОСЬ ТАК, ЧТО ВРАЧИ САМИ ВЗЯЛИСЬ ЗА ПЕРО...

КАКАЯ ЖЕ ЦЕПЬ ЗЛОСЧАСТНЫХ СОБЫТИЙ ПРИВЕЛА ВОСПИТАННИКА ДЕТДОМА В РЕАНИМАЦИОННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ!

Из ЩЕЛКОВА Витю привезли с острой дыхательной недостаточностью. Практически это означало, что он уже третьи сутки жил на одном кислороде, и решение щелковских медиков отправить [illegible] от удушья мальчишку в Москву было хоть и рискованным, вероятно, но единственно перспективным. В МОНИКИ (так сокращенно называется Московский областной научно-исследовательский клинический институт имени М. Ф. Владимирского) Витю сразу же положили в анестезиолого-реанимационное отделение, ибо, кроме реанимации, сделать что-либо было уже невозможно. О том, как она проходила, можно было бы написать отдельный очерк — очерк о врачебном подвиге... Случилось, однако, так, что не о врачах написали, а сами они прислали письмо в «Литературную газету». Это письмо редакция вынуждена была переслать в... Московскую областную прокуратуру, откуда, спустя месяц, пришел следующий ответ:

> **«Сообщаю, что полученное от вас письмо врачей анестезиолого-реанимационного отделения МОНИКИ прокуратурой Московской области проверено с выездом на место. Установлено, что действительно 11.X 1973 года воспитанник детского дома № 1 гор. Загорска Макаров Виктор был избит командиром отделения Германовым Владимиром, который ударил его три раза ремнем за то, что Макаров плохо учился, курил и угощал папиросами подростков из младших классов. Этот инцидент произошел в присутствии младшего брата Виктора — Жени, а также воспитанников Волкова и Буцко. От всех отобраны объяснения, и, в частности, Германов признал, что поступил неправильно и раскаялся в содеянном. 12 октября 1973 года приказом директора детдома Германову объявлен выговор. Факт неправильного поведения Германова явился предметом обсуждения на открытом партийном собрании работников детдома и школы № 8, которым были приняты меры, направленные на улучшение дисциплины и воспитательной работы среди воспитанников. Вместе с тем, считая эти меры недостаточными, прокуратура внесла представление в областной отдел народного образования о необходимости тщательно проверить, как поставлена воспитательная работа в указанном детдоме.**
>
> **После случившегося Макаров сбежал из детского дома в Щелково, по дороге ночевал в какой-то бане, а прибыв домой, через два дня почувствовал себя плохо. 17 октября Макаров был доставлен в анестезиолого-реанимационное отделение МОНИКИ в тяжелом состоянии. Там он находился до 5 ноября с диагнозом «энцефаломиелополирадикулоневрит». Это воспалительное заболевание вирусной этиологии, поражающее спинной мозг, головной мозг и периферические органы. Лечение проводилось именно против этого заболевания и дало положительные результаты, что подтверждает правильность поставленного диагноза. Основной причиной заболевания явилось переохлаждение, и причинной связи с нанесением побоев не усматривается. Телесные повреждения Макарову нанесены не были.**
>
> **Зам. прокурора Московской области, старший советник юстиции**
> **И. ЗАРУБИН»**

Что такое современный детдом в загорском варианте? Это дом, в котором живут 90 ребят (36 девочек) в возрасте от 7 до 18 лет, причем лишь у 9 из них... нет вообще родителей! Значит, детдом без сирот, для которых он, собственно, и был создан еще в первые годы Советской власти? Это все не так просто. Скажем, мать воспитанника Германова — одного из «героев» нашей истории — 10 лет назад сдала сына в детдом и махнула с новым мужем куда-то «на Урал». И Владимир живет «сиротой» при живой матери, которая даже не интересуется судьбой сына. А что толку, если мать Зины Д. не только интересуется, но и регулярно, раз в месяц, пускает слезу на груди у своей «бедной сиротки»? Ведь при том образе жизни, который ведет эта молодая и, кстати, неплохо зарабатывающая на жизнь женщина, оставлять с ней дочь просто безнравственно. И так у многих. Отсюда ясно, что работать с такими без вины виноватыми детьми адски трудно, может быть, гораздо труднее, чем с беспризорниками времен гражданской или блокадными сиротами эпохи Отечественной. Там была чистая трагедия, а здесь мы порой имеем дело с грязным фарсом, разыгрываемым сытыми, но утратившими человеческий облик папашами и мамашами. Мне не кажутся гиперболой слова, сказанные одним воспитателем, правда, не этого детдома: «Мы себя чувствуем тут, как на фронте».

Для страны, для народа все дети — желанные дети. Мы справедливо гордимся традициями советского детского дома, восходящими к трудным годам становления нашего государства, к светлым именам Дзержинского и Макаренко. И среди этих традиций — безусловная защищенность личности детдомовца. Вот уже десятки лет общество растит, учит, пестует тех, чье сердце было ожесточено судьбой... Тем более дикой выглядит история Вити Макарова в сегодняшнем детдоме...

«Дисциплинарная тетрадь уч-ка 7-го «В» класса школы № 8 Макарова Виктора». Листаю и глазам своим не верю: каждый учитель после каждого урока пишет... «замечаний нет».

— Так уж совсем и не было? — спрашиваю у классной руководительницы 7-го «В» Д. Д. Остапенко.

— Были, конечно, у кого их не бывает! Но мы все равно писали, что нет: уж больно он какой-то испуганный был...

— А зачем это вообще нужно было при наличии обычного дневника?

— Не знаю, это их инициатива, детдома. Лариса Константиновна просила отмечать.

Лариса Константиновна Лазоренко — воспитатель отряда, в котором был Виктор Макаров. Окончила педучилище, учится на 5-м курсе педвуза, работает здесь пять лет. С лица ее не сходит ироническая улыбка:

— Говорить, конечно, легко, а вот работать... Свежо предание, но верится с трудом, чтобы от нескольких ударов ремнем человек так заболел... Он был обманщиком: смотрите, даже в дисциплинарной тетради два раза сам поставил «замечаний нет». Но мы его, конечно, живо разоблачили...

Я выяснил насчет этих двух раз: оказывается, ничего тут хитрого не было, просто то ли он забывал подходить к учителям, то ли те забывали отмечать — не мудрено было запутаться. А на наивные свои подделки он шел ясно почему: потому что боялся возвращаться в детдом без этих липовых «замечаний нет».

И все же 9 октября 1973 года в его дисциплинарной тетради появилась следующая запись: «Не выучил урок на тему «Честь и долг в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Получил [illegible] ти. (Какое отношение имел А. С. Пушкин к дисциплине В. Макарова, я так и не понял.) А дальше расскажет сам Виктор:

— Ночью в нашу спальню пришел Кирсанов, он из старших: одевайся, пошли. Я понял, что будут бить. В рабочей комнате, куда мы пришли, было несколько ребят и сам Германов. Они начали меня избивать. Потом Германов сказал: «Мы тебя наказали за двойку и курение. Не исправишься — получишь еще». Я ответил: «Постараюсь исправиться». А через два дня схватил новую «пару» — по геометрии. Не везло. В обед сам подошел к Германову и сказал ему. Он взял ремень и начал меня лупить прямо в присутствии Женьки, младшего брата моего... После этого я сбежал...

Стояла обманчивая теплынь, и он сбежал в чем есть, без пальто и шапки, и так пробежал лесом до станции Семхоз, что под Загорском, а там сел на электричку и зайцем добрался до своего родного Щелкова. Домой он не рискнул идти. Вдруг подумал, что там на него будут кричать и гнать обратно в детдом, а может, и насильно повезут, а он готов был на любые муки, лишь бы этого не случилось. Старая вахтерша с фабрики без труда пропустила его на территорию: она решила, что он идет к матери, в браковочный цех. Но он пошел не в цех, а в душ, зная, что там теперь никого до утра не будет...

...Когда на одиннадцатые сутки после начала реанимации больной был наконец отключен от аппарата искусственного дыхания, то спасавшие его врачи Л. П. Антонова, Н. М. Дибобас, А. А. Круглов и сестры Таня Короткова, Таня Радина и Лариса Семенова уже знали в основном о его злоключениях. Это не выдержал и «раскололся» Женька, приехавший вместе с матерью навестить брата. Медиков несказанно удивила и возмутила не только история с двойкой, но и то, что в течение всего этого времени ни один человек из детдома не поинтересовался судьбой своего воспитанника. Они позвонили коллеге, врачу детдома, и прямо сказали, что напишут обо всем в газету. На следующий день из Загорска прибыла делегация в составе... Германова и Кирсанова. Бывшие «духовные наставники» привезли Виктору гостинцы, извинялись за причиненное ему «беспокойство» — ведь для твоего же блага старались, чудак, пойми! — и просили «не выносить сор из избы». Германов даже клятвенно обещал вообще никогда никого не трогать. Виктор ему не поверил.

Судьба Виктора и до Загорска складывалась не как у людей. Рос он дома в атмосфере страха, криков, скандалов. Мать за ним почти не смотрела, вечно был неухоженный и голодный. То, что для других было обыденным, для него — событием: поездка в пионерский лагерь, игра в школьном оркестре, добрые руки учителя труда Василия Митрофаныча, который учил его мастерить клюшки. Двенадцати лет Виктора отдали в детдом, не в этот, а в Обухово. Но там несколько «колонистов» (так называют подростков, побывавших в колониях для несовершеннолетних) требовали денег, издевались...

И вот после расформирования обуховского детдома он попал в загорский. Казалось бы, здесь должны были с особой бережностью отнестись к мальчишке с такой горемычной судьбой. Но вместо этого его воспитание было, по сути, передоверено... Германову и еще нескольким старшим. Эта компания выступала вроде бы с «правильных позиций», требуя от Виктора, чтобы он хорошо учился, чтобы думал о чести отряда и традициях детдома. Но, во-первых, ни Германов, ни его друзья сами не были примером для остальных, а во-вторых, они утверждали свои принципы с помощью... кулака и ремня.

Германов...

Год назад, когда ему исполнилось 18 лет, произошел конфликт между детдомом № 1 и школой № 8. Эта школа, тесно связанная с детдомом (большинство воспитанников учатся в ее стенах), считала, что девятиклассника Германова пора уже устраивать на завод или в техникум. Школа исходила из того, что Германов намного старше и сильнее остальных ребят, а та власть, которой он обладал над ними, в условиях детдома, так сказать, особенно «чревата». Детдом же, отстаивая Германова, уверял, что эта власть «чревата» лишь в положительном смысле и поможет усилить воспитательный процесс. К этому добавлялись и гуманные соображения: коренной детдомовец, ни кола, ни двора и так далее. Но послушаем, что он сам думает о случившемся:

— Побил — значит, надо! Я командир отделения: раз говорю, надо исправить двойку, — значит, надо!

— Но позвольте, Володя, — к нему уже как-то неудобно обращаться на «ты», — вы ведь тоже некоторым образом, простите, двоечник?

— Я сам за себя отвечаю, — следует лаконичный ответ.

И да... В сущности, за всей этой «железобетонностью» кроется трагическое непонимание Германовым того, что случилось. Как же так: человек выступал от имени чести отряда и долга перед традициями, а его еще в чем-то обвиняют и даже к следователю недавно таскали? Он же Макарова зачем лупил — чтобы он человеком стал, Макаров, так? А чего от него хотели — чтобы он им книжку «Сердце отдаю детям», что лежит у директора на сейфе, читал? А ему, Германову, кто-нибудь отдавал сердце?!

И вот он обводит неясным из-за толстых стекол очков взглядом всех нас: директора детдома А. И. Денисова, директора школы № 8 З. С. Гильберт, воспитателя отряда Л. К. Лазоренко, меня: чего, мол, это вы все? Шутите, что ли? Я же за вас, Лариса Константиновна, полработы делал: сам проверял дисциплинарные тетради и сам думал, какой подход искать к тому или иному воспитаннику! Я же, вам, Алексей Иваныч, дисциплину помогал укреплять! Я же для вас старался, Зоя Сергеевна, чтобы процент успеваемости в вашей школе был выше! А вам, товарищ корреспондент, я не хулиган какой-нибудь, чтоб меня в газете пропечатывать! Он хорошо играет на рояле, любит возиться с малышами, те называют его «наш начальник милиции»...

А вот еще группа вершителей «правосудия», чем-то до удивления похожих друг на друга и одновременно на Витю Макарова: маленькие, несмотря на свои 14—15 лет, — видимо, акселерация не всех касается.

— Так что же, друзья, — обращаюсь к ребятам, сидящим передо мной, — как вы относитесь к Вите Макарову и к тому, что с ним случилось?

— А чего? Он ничего был, — начинает самый бойкий, Костя Волнов. — Разные страшные истории любил по ночам рассказывать — заслушаешься...

— За что же вы ему «темную» устроили?

Доверчивость мгновенно исчезает из Костиных глаз:

— Никто ему не устраивал. Его только Германов ремнем ударил три раза.

В точном знании того, сколько раз свистал ремень полтора месяца назад, — как раз слабость этой версии.

— Но за что все-таки?

— А пусть двойки не хватает, — цедит сквозь зубы Леня Буцко.

— Слушайте, ребята, что вы ерунду-то порете! — сердится Зоя Сергеевна.

— Это не ерунда, — раздается спокойный голос сбоку, где сидит Кирсанов — стройный, красивый, с пробивающимися усиками. — Из-за него нас всех могли лишить кино.

— Точно! Или хоккея! — поддерживает четвертый — Витя Блинов...

Из вышеприведенной беседы становится ясно, что предпосылки для этого противоестественного самосуда были заложены в самом воспитательном процессе самими воспитателями, которые возвели беззаконность в ранг воспитательных мер. Кто же им давал право за проступок одного лишать остальных хоккея или кино?

— А я не знал, что этого нельзя делать, — заявил мне директор детдома № 1 А. И. Денисов. — Только теперь до меня дошло, что мы действительно занимались нехорошим делом.

Удивительный ответ! Педагог не знает ни юридических норм, ни психологии детей! Разве не ясно, что подобная стимуляция «общественной активности» не может не вызвать у них взаимной подозрительности и озлобления? Нехорошо, конечно, когда школьники не [illegible], как [illegible] дома [illegible] и [illegible] в пушкинской повести. Но можно ли в борьбе за знания забывать о ценностях уж никак не меньших — о становлении [illegible] гражданина? И можно ли во имя успеваемости попирать в нем естественное чувство справедливости и человеческого достоинства?

Алексей Иванович в должности директора работает [illegible] год, а до того он был заместителем директора профтехучилища. Он рассчитывает, что с самого начала у него масса времени и энергии стала уходить на войну с завучем, которая настраивала против него воспитателей и воспитанников. Тут, ясное дело, не до тонкостей воспитания было!.. В любом коллективе нравственный климат играет не последнюю роль, тем более в таком, где малейшая духовная небрежность взрослых становится достоянием десятков ребячьих глаз и ушей. Не видно у воспитанников ни почтения, ни хотя бы уважения к директору. Можно и так сказать: что он еще сравнительно мало работал, что надо дать ему освоиться, но...

— Я вам сейчас что-то покажу, — многозначительно улыбается Алексей Иванович.

Он достает из сейфа какую-то тетрадку:

— Взгляните, это я недавно сам завел.

Читаю на обложке: «Черная тетрадь». Открываю эту «черную» тетрадь, там пока стоит одна-единственная запись: фамилия воспитанника — Блинов Виктор (помните? один из «воспитателей» Макарова); что нарушил — курил; наказание — убрать туалет.

Со смутными чувствами покидал я Загорск. Что же дошло до директора, думал я, если он так гордится этим новшеством? И что же собой представляет эта история: несчастный случай — и только?

Вместо эпилога. Витя живет сейчас в Щелкове, у матери. Ходит в местную школу. За последнее время за ним и Женькой дважды приезжал Алексей Иванович, чтобы вернуть их в детдом. В первый раз братья наотрез отказались, во второй, уступая крикам и слезам матери, отправились с директором в путь. Но по дороге они от него сбежали и снова оказались дома: «Пусть с нами что хотят делают — не поедем туда».

Судьба братьев Макаровых, видимо, устроится теперь без Алексея Ивановича и его коллег-воспитателей. Врачи, прокуратура, газета уже вмешались в эту историю, не останется, надо полагать, равнодушным и коллектив Щелковской ткацко-прядильной фабрики, где работает их мать — З. А. Макарова. Мы верим, что текстильщики внимательно разберутся в причинах неблагополучия в этой семье и проявят заботу о попавших в беду ребятах... Однако волнует нас и дальнейшая судьба загорского детдома со всеми его обитателями. Приказом по Мособлоно директор и его заместитель по учебно-воспитательной работе наказаны. Наша общая забота — о том, чтобы там навсегда было покончено с недоброй педагогической самодеятельностью, которая едва не стоила жизни Вите Макарову.

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

О ЖУРНАЛЬНОМ ОЧЕРКЕ

ПРЕЖДЕ ВСЕГО — РАЗНЫЕ

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ лет работаю в школе, и весь мир делится для меня на учеников и их родителей. Через пять лет общения с теми и другими я решительно считала, что знаю о них все. Через десять лет в этой фразе появилось скромное «кажется». Теперь я часто думаю, что подобное заявление гораздо больше соответствовало бы истине, если бы начиналось с «не».

В очередной раз я подумала об этом, прочитав (к сожалению, только на днях) в № 9 журнала «Москва» за 1973 год очерк С. Долецкого «Дети глазами хирурга».

Оказывается... «родители недостаточно, а иногда совсем плохо знают своих детей...» Когда их спрашивают: «Скажите, пожалуйста, что представляет собой ваш ребенок?» — они «растерянно переглядываются и будто вспоминают плохо выученный урок: задумываясь и запинаясь, начинают говорить... Потрясающая поверхностность!.. Краткость. Бессистемность... Например: «Молчалив. Сидит, как увалень. Возится с игрушками. Много спит. Много ест...»

Подробнее рассказывают о том, что их раздражает в ребенке: «Прыгает, как коза. Трещит, как сорока. Ничего не ест. Почерк плохой...»

Я читаю записки Долецкого и удивляюсь — верно! До чего же верно! Как же я могла этого не заметить?

Мы, педагоги, чуть что — вызываем папу с мамой: побеседуйте, воздействуйте. А их представления о собственном ребенке таковы, «словно речь идет о приехавшем недавно погостить из другого города племяннике».

И вот теперь, когда мы говорим: каждый должен быть педагогом. Газетные и журнальные статьи, книги, родительские университеты, кинофильмы — все учат, как надо воспитывать детей. А выходит, речь должна в первую очередь идти о том, чтобы узнать, кого воспитывают.

Считалось, что изучение ребенка необходимо прежде всего педагогам. Им и методика в руки. Родителям же ребенок ясен, как свои пять пальцев. Что ж, наверное, когда-то такое утверждение имело под собой основания. Недаром же Долецкий пишет, что бабушки и дедушки лучше знают детей, чем отцы и матери...

Что же произошло? Вряд ли дело в том, что ребята стали сложнее. Может быть, они слишком уж стали разные? Не плохие или хорошие, а именно разные? У Долецкого и глава так называется... Исследователи, невропаты, деловые люди, воришки, безразличные, трусишки, анархисты, интеллектуалы, страстные, нормальные ребята...

Принцип объединения ребят в те или иные группы у автора — самый что ни на есть современный. Выделяется та черта характера, которая доминирует над другими в общении с окружающими. В наше время, когда с первых месяцев жизни (ясли) человек находится в коллективе, действительно очень важно, как складываются, чем определяются его отношения с другими людьми.

В классификации Долецкого учтено, кажется, все — генетическая обусловленность и груз привычек и традиций, среда и обстановка, в которые попадает ребенок в тот или иной момент... Вот чего не хватает, пожалуй, нам, учителям, воспитателям, — знания генетики, физиологии, психологии!.. Психолог в школе. Он изучает, анализирует, дает рекомендации педагогам, консультирует родителей. Вероятно, это из области фантастики. А жаль.

Так или иначе, ребенок таков, каков он есть, не по своей воле. И прежде чем, засучив рукава и шумно вздохнув, браться за его перевоспитание, надо принять его таким, какой он есть, полюбить, изучить и уж тогда браться за дело.

«Деловые люди», «интеллектуалы», «безразличные» — они очень похожи на нас. Вообще первое, что сделали все мои знакомые и я, прочитав очерк, — это постарались втиснуть себя, своих родственников и детей в ту или иную выделенную Долецким группу. Очень любопытная получилась картина! Все стали разве сложными и интересными.

Почему же мы говорим: «мы и дети»? Просто — «мы». Мы, все вместе.

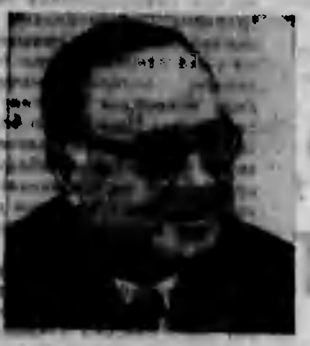
С. СТАНКИНА,
завуч школы-интерната № 81
МОСКВА

ЛЕНА ПЛЮС САША

Первые кадры семейной хроники молодых москвичей Карабановых — чертежницы проектного института и столяра мебельной фабрики.

Фото А. УЗЛЯНА и В. КРОХИНА

ВРОВЕНЬ С ВЕКОМ



Исполняется семьдесят пять лет со дня рождения Ивана Ивановича Анисимова, выдающегося советского литературоведа, критика и историка литературы.

Иван Иванович Анисимов принадлежал к тому поколению советских литераторов, которое пришло в студенческие аудитории и литературные журналы с фронтов гражданской войны, из самой гущи острейшей борьбы за революционное преобразование мира. И эту преданность революционному духу эпохи И. И. Анисимов пронес через всю свою жизнь, через свои статьи, книги, доклады, выступления в дискуссиях. Отвергая концепции буржуазных литературоведов, И. И. Анисимов писал: «В общих работах, посвященных литературе XX века, в работах, посвященных отдельным жанрам, например, роману, или отдельным современным писателям, с одинаковой настойчивостью игнорируется самое главное во всемирной литературе нашего времени — совершающиеся в ней революционные изменения».

И. И. Анисимов шел вслед за своими учителями — за Горьким и Луначарским — первооткрывателями тех изменений, которые совершались во всемирной литературе в послеоктябрьскую эпоху.

Подобно своим учителям, И. И. Анисимов был прекрасным знатоком и ценителем истории мировой литературы, и в книге «Классическое наследство и современность», исследуя творчество Рабле и Эразма, Гете и Шиллера, Байрона и Бальзака, Гюго и Золя, в выступлениях о великом Шекспире он воевал за классическое наследство, против [illegible] критики, вел [illegible] работу по «социалистическому освоению» классики, отвергая при этом упрощенчество и схематизм. Между классическим наследством и современностью в условиях социализма, говорил И. И. Анисимов, складываются совершенно особые условия, которые он очень точно определил словами «живая жизнь классики». Именно поэтому он так страстно выступал против попыток «девальвации» ее духовных богатств.

«Новая эпоха всемирной литературы» — так назвал И. И. Анисимов свой фундаментальный труд, посвященный исследованию влияния Великой Октябрьской социалистической революции на всемирную литературу, выявлению роли и места социалистического реализма в современной литературе. В предисловии к книге, названном «Современная история», он говорит о тех трудностях, с которыми сталкивается исследователь современного литературного процесса из-за отсутствия архивов и многих документов, и вместе с тем видит преимущества настоящего историка в том, что он может «опереться на такой исключительный для историка прошлого материал, как непосредственное общение с тем или иным писателем и даже целым литературным течением».

И. И. Анисимов был страстным пропагандистом советской литературы и как главный редактор журнала «Советская литература на иностранных языках» в немалой степени способствовал всемирному признанию ее достижений. Вслед за Горьким и Луначарским он вел активную борьбу не только за классическое наследие, но и за современных классиков мировой литературы — за Ромена Роллана, Теодора Драйзера, Генриха и Томаса Маннов, Иоганнеса Бехера. Знакомство и дружба И. И. Анисимова с зарубежными мастерами культуры были важным фактором литературной жизни. И. И. Анисимов был откровенен со своими зарубежными друзьями — он спорил с ними, если расходился в понимании тех или иных проблем, и в этих случаях вел смелый, аргументированный, уважительный диалог, результатом которого было лучшее понимание зарубежными писателями проблем советской действительности, советской литературы. Особенно любил И. И. Анисимов Теодора Драйзера, с которым познакомился в 1927 году в Москве. Рассказывая о своей дружбе с Драйзером, И. И. Анисимов обращал наше внимание не только на то, что Драйзеру понравилось в нашей стране, но и на тот сложный и плодотворный поворот во взглядах американского писателя, который произошел в результате его знакомства с революционной советской действительностью.

Творческая и литературная деятельность И. И. Анисимова была наступательной, он подходил к литературе с партийных, классовых позиций, был мастером полемики.

«Будущее всемирной литературы — социалистическое будущее, всем ее предшествующим развитием подготовлен путь, на который ее передовые отряды вступили с началом новой эпохи в истории человечества, открытой Великой Октябрьской социалистической революцией» — этими словами заканчивается книга «Новая эпоха всемирной литературы», работу над которой прервала смерть И. И. Анисимова, солдата Октября, шагающего в ногу с XX веком.

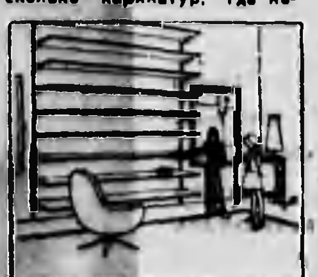
Профессор
Я. ЗАСУРСКИЙ

Энергетический кризис и приливы энергии

Энергетический кризис на Западе вызвал [illegible] прилив энергии у зарубежных карикатуристов. Они алчно потирают руки. Еще бы! Не только появились новые темы, но серьезные трудности переживают такие ненавистные конкуренты, как телевидение (сокращаются программы!) и производство пластинок, чья песенка того и гляди будет спета, так как и они, в конечном, а вернее сказать в начальном счете, тоже изготовляются из нефти. Что же остается делать, как не рассматривать веселые рисунки?

Мы публикуем сегодня несколько карикатур, где нетрудно обнаружить, что даже сами линии стали четче и определеннее. Чувствуется, что они [illegible] руками людей, уверенных в том, что [illegible] на последнее свое [illegible].

— Это их бывший бог.
«Пари-матч» (ФРАНЦИЯ)



— Теперь у нас есть время заняться чтением.
«Панч» (АНГЛИЯ)

— После ужина я спою вам что-нибудь сам.
«Рэтзель цейтунг» (ФРГ)

«КАК Я ВЫЖИЛ: НЕЧТО О ПРОШЛОМ»

Теннесси УИЛЬЯМС

Теннесси Уильямс хорошо известен советской читательской и театральной аудитории. Его пьесы «Стеклянный зверинец», «Орфей спускается в ад», «Ночь игуаны» и другие были изданы на русском языке издательством «Искусство» в 1967 году. Сейчас в Театре имени Вл. Маяковского идет спектакль «Трамвай «Желание», впервые поставленный в США в 1947 году.

Американский театр обязан Теннесси Уильямсу животворной реалистической струей, которая вот уже на протяжении трех десятилетий противостоит преходящим «ценностям» модернистского искусства.

Многие пьесы Теннесси Уильямса говорят о жестокости жизни, убивающей человека или доводящей его до разных ступеней падения. Но, показывая кошмары капиталистического мира, чьей жертвой в какой-то мере является и сам автор, он никогда не теряет веры в способность своих героев сопротивляться, бороться из последних сил.

В ряде произведений Т. Уильямса нетрудно разгадать автобиографические мотивы.

Многие персонажи имеют черты Томаса Лэйнье Уильямса, которого сверстники нарекли Теннесси. Мы публикуем сегодня отрывок из очерка писателя (который будет напечатан в одном из ближайших номеров журнала «Иностранная литература»), повествующего о начале нелегкого пути одного из крупнейших американских драматургов.

Чтобы это мое «нечто» поначалу выглядело респектабельно, позвольте сообщить вам, что ранней осенью, до листопада, мне довелось провести конец недели в одной из немногочисленных больших усадеб, еще сохранившихся в Англии.

Пора было идти спать, и хозяйка дома, бросив на меня испытующий взгляд, осведомилась, не хочу ли я прихватить с собой на ночь какую-нибудь хорошую книжку — общеизвестно, что я страдаю бессонницей.

— Сходите в библиотеку, выберите себе что-нибудь, — посоветовала она.

Я вошел в библиотеку и убедился, что книг там почти нет — лишь толстенные фолианты в кожаных переплетах. Вдруг я заметил высокую, до потолка, потайную дверь, довольно неискусно замаскированную под книжные полки. Среди фальшивых корешков нашлась и настоящая книга — международный справочник «Кто есть кто» или что-то в этом духе. Разумеется, я тут же его выхватил и прежде всего стал смотреть оглавление: фигурирую ли я в нем? К моему удовольствию, там оказалось довольно изрядное количество данных о некоем несуществующем персонаже, который известен под моим литературным псевдонимом; в данных этих были кое-какие неточности, довольно, впрочем, безобидные, но одна из них порядком испортила мне настроение. В перечне полученных мною премий и наград почему-то значилось, что в начале сороковых годов (было даже точно указано, в каком) я получил субсидию в 1000 долларов — да, да, одну из тех, какие обычно именуются «крупными», — от Национального института изящных искусств и литературы. Не жертвователь, а именно год, в который я, по утверждению составителей справочника, якобы получил эту субсидию, так памятен мне, ибо то был год, когда мне пришлось заложить буквально все, что у меня было, в том числе взятую взаймы старую портативную пишущую машинку, да и вообще все свое движимое имущество, будь то новое или старое, включая всю одежду, кроме грязных фланелевых брюк, бриджей и пары сапог, оставшихся в память о семестре, в течение которого я изучал искусство верховой езды в университете штата Миссури (вместо того, чтобы пройти курс подготовки офицеров запаса); то был год, когда я перебирался с квартиры на квартиру — меня отовсюду выгоняли, потому что я не платил, хотя плата была самая низкая; то был год, когда мне приходилось выбегать на улицу, чтобы стрельнуть у кого-нибудь сигарету, — ведь писателю, если он жив и к тому же курит, сигарета совершенно необходима, чтобы с утра привести себя в рабочее состояние... Из Нью-Орлеана я отправился во Флориду, «голосуя» на дорогах, — я кашлял, отхаркивался, плевал кровью, да, кровью, а не кетчупом, и стал до того похож на привидение, что днем, завидев меня на обочине шоссе, автомобилисты жали на акселераторы до отказа, так что ловить попутные машины удавалось преимущественно ночью. У меня сохранились дневники, и я могу документально подтвердить свои воспоминания о том «радостном» годе, когда я, как утверждает справочник, якобы получил «крупную субсидию» от института, члены которого ныне терпят меня в своих рядах.

Нищий юнец, помешанный на театре, который тогда о нем еще ведать не ведал, я был в ту пору знаком и тесно связан со многими другими молодыми писателями и актерами (а иногда писателями и актерами в одном лице), и каждый из нас водил свое суденышко, сам себе и капитан, и команда, водил без устали, не обращая внимания на предупредительные сигналы для мелких судов. И хотя плавали мы поодиночке, но не теряли друг друга из виду, а порою держали связь — совсем как суденышки, сгрудившиеся в небольшом заливе, в каменистые берега которого беспрерывно бьет шторм, и это создавало у всех нас теплое чувство общности, в чем-то схожее с тем, какое в наши дни испытывают ребята, прозванные «[illegible]», — те, кого суровый климат современного общества загнал в так называемые коммуны.

Общие трудности сближают, как любовь, и любовь эта была тем хлебом, который нам не раз доводилось преломить вместе. Одни из нас выжили, другие — нет, порой это было, как говорится, делом удачи, а порою зависело от того, способен ли ты — и хочешь ли — выстоять. Этим я стараюсь сказать лишь то, что мы не были добровольными отщепенцами, скорее — случайными изгнанниками, и у нас было слишком мало сил, чтобы попусту расходовать их на совершенно бесплодные сетования по поводу того, что нас не кормят с золотой ложечки.

Когда у нас оставалось время для размышлений, нам, возможно, приходило на ум, что общество, где есть такая невероятно богатая элита, общество, в чьем распоряжении столько же миллиардов долларов, сколько у нас медяков, могло и, пожалуй, должно было проявить чуть побольше заботы о судьбах своих молодых художников — тех, кто в дальнейшем, если бы им дали возможность созреть, по всей вероятности, оказал бы известное влияние на весьма переменчивую культуру страны. А страной тогда правила (как правит и сейчас) очень небольшая клика, которая забралась на неустойчивую вышку и до смерти боится глянуть вниз — как бы не закружилась голова.

Справедливости ради надо признать: среди фантастически разбухших денежных мешков находились и такие, кто уделял молодым талантам крохи, поднимая вокруг этого большую шумиху. Были, к примеру, стипендии Гуггенхеймовского фонда — иной раз их присуждали, когда художник уже *дошел до последней крайности*, как это случилось с Хартом Крейном, человеком потрясающе талантливым, но *хрупким*; быть может, когда бы ему ни дали эту стипендию, она все равно не спасла бы его от самоуничтожения, но получил он ее и в самом деле слишком поздно. А еще существовали в тридцатых годах программы по использованию писателей и актеров Управлением работ общественного назначения, я туда сунулся было — сперва в Чикаго, потом в Нью-Орлеане, и как же яростно меня отшвырнули, бог ты мой! Немного позже появились субсидии Рокфеллеровского фонда — тысяча долларов с возможной, но крайне маловероятной последующей добавкой в пятьсот долларов. Такую субсидию (с добавкой в половинном размере) довелось получить и мне...

Сверхбогачи так трогательно верят в спасительное действие мелких сумм!

Изречение это следовало бы не просто выделить курсивом, а взять в кавычки: оно принадлежит не мне, а Полу Бигелоу, и, право же, трудно сказать более сжато о том подаянии христа ради (разумеется, не облагаемом налогом), на которое только и способна расщедриться наша вавилонская плутократия.

Лишь теперь, после стольких лет, оглядываясь назад, я говорю об этих прославленных покровителях молодых талантов в не слишком почтительном тоне, но можете приписать это желчности, развивающейся в людях с приближением старости...

* *

В начале 1939 года я общипывал голубей на птицеферме в одном из тех небольших поселков на окраине Лос-Анджелеса, которые кто-то окрестил «скопищем деревень, норовящих прибиться к городу». Работенка была не из прибыльных, но имела кое-какие нематериальные преимущества. Раза три в неделю несколько молодых людей и подростков шли в сарай, именовавшийся «бойней». Голубей забивали так: перерезали им горло, а потом держали их, отчаянно дергающих лапками, над ведром, покуда они не истекут кровью. Надо было ощипать птицу, выпотрошить — битые голуби шли на рынки Лос-Анджелеса, — затем опустить одно перышко в молочную бутылку со своим именем: в конце дня нам платили по числу набравшихся в бутылке перьев. Меня от этого выворачивало, но вознаграждением, помимо маленькой платы, был восхитительный треп, который шел у нас там, в сарае, и я помню — мне этого никогда не забыть, — как один паренек — из тех, кто любит пофилософствовать, поделился с нами своей немудрящей верой.

— А знаете, — сказал он, — если долго тут проваландаться, на каком-то одном куске побережья, то когда-никогда, а обязательно прилетит чайка и сбросит на тебя вместо помета кубышку с золотом.

(Я вставил эти слова в пьесу и в сценарий, но до сих пор мне еще не довелось их услышать ни со сцены, ни с экрана. Впрочем...)

Так вот, пока я там ощипывал голубей, мне и впрямь привалило счастье, притом немалое. Я получил от нью-йоркского «Груп тиэтр»[1] телеграмму. В ней сообщалось, что театр присудил мне «специальную премию» в сто долларов за сборник одноактных пьес «Американские блюзы».

Мало кто помнит, что в конце тридцатых годов сотня долларов — это был изрядный кусок хлеба. Для меня же это был не только изрядный кусок хлеба, но колоссальное поощрение, мощная моральная поддержка, а поощрение, даже в те дни, было для меня неизмеримо важнее любой награды, которую можно обратить в наличные.

Право же, я не могу стать настоящим мизантропом — стоит только вспомнить, до чего искренне, без тени зависти, поздравляли меня другие работники и хозяева птицефермы. Всем им было известно, что я — писатель, а стало быть, чокнутый, и вот на тебе, эта самая чайка вдруг спикировала именно на меня и осыпала манной небесной, и ведь мне даже не пришлось особенно долго дожидаться ее на этом куске побережья.

Я, конечно, мог бы сразу купить билет на автобус прямо до Манхэттена, и мне бы еще хватило денег на то, чтобы неделю-другую ночевать в общежитии Ассоциации молодых христиан, но вместо этого я приобрел подержанный велосипед — вполне приличный, хоть он и обошелся мне меньше чем в десять долларов. Хозяйский племянник, веселый и беспечный, тоже купил себе велосипед, и мы с ним покатили на юг по магистрали Камино Риэл — так, крутя педали, мы проделали весь путь от округа Лос-Анджелес (а точнее — от Готорна) до мексиканской границы, пересекли ее и поехали дальше, в Тихуану и Агуа-Кальенте; в те дни это были места довольно дикие...

На обратном пути, проезжая по каньону близ Лагуна-Бич — тогда это был прелестный городок, — мы увидели птицеферму, а у въезда — объявление: «Требуется помощь». Нам и самим требовалась помощь, так что мы свернули на грязную подъездную дорожку и представились хозяевам — пожилым супругам, которые хотели нанять кого-нибудь месяца на два присматривать за цыплятами, а сами поехать отдохнуть...

Птицеводы эти, солидная пожилая чета, не очень-то преуспели на своей ферме: по сути дела, у них еле хватало денег на корм цыплятам, и как же трогательно они извинялись за то, что в качестве вознаграждения могут предоставить нам лишь хатенку на задворках птичника!

В то лето я получил письма от нескольких литературных агентов с Бродвея, узнавших из газет, что «Груп тиэтр» присудил мне «специальную премию». Некая дама-агент уведомляла меня, что серьезные пьесы ее не интересуют, а нужна ей пьеса-толкач, мощное средство продвижения того или иного актера, на что я ей ответил, что средствами продвижения не располагаю вовсе, а из средств передвижения могу предложить лишь подержанный велосипед.

* *

Спектакль, который должен был пойти на Бродвее, сняли после пробного прогона в Бостоне, и какую же щедрость проявила при этом фирма нью-йоркских продюсеров, в то время самая преуспевающая в американском театральном мире и самая почитаемая!.. Впрочем, к чему эти околичности, ведь тем — или тому — из ее представителей, кто здравствует и поныне, на все это решительно наплевать. Итак, фирма, о которой идет речь, — «Тиэтр гилд»[2], спектакль — «Битва ангелов»[3], время действия — где-то около рождества 1940 года.

Критики и полицейская цензура усмотрели в спектакле нечто вроде бубонной чумы, внезапно обрушившейся на их город, точнее — театральный ее эквивалент.

Меня вызвали в апартаменты отеля «Ритц-Карлтон». Там собрались все заправилы «Тиэтр гилд» за исключением Джона Гасснера[4], который уговорил их поставить мою пьесу, и теперь, по понятным причинам, отсутствовал.

Среди собравшихся были: руководитель театра мисс Маргарет Уэбстер из Соединенного Королевства и двое управляющих, маленькая изящная мисс Тереза Хелберн и мистер Лоуренс Лэнгнер.

— Мы сняли пьесу, — хладнокровно уведомили они меня.

— Но так же нельзя! — крикнул я. — Ведь я в нее все сердце вложил!

Наступило неловкое молчание, потом мисс Уэбстер весьма искусно отпарировала:

— К чему же сердце «носить на рукаве,
Чтоб расклевали галки»[5].

* *

В конце 1941 года я жил в западной части Гринвич-Виллидж, в районе складов, у одного художника-абстракциониста. Приятель мой оказался неравнобольным, притом безнадежным.

В ту пору я некоторое время — очень недолго — работал официантом в забегаловке под названием «Кабачок нищих», хозяйкой его была некая Валеска Герт. Иногда *я подрабатывал, читая экспромтом стихи.*

И вот как-то вечером мадам собрала в кухне официантов (нас у нее было трое) и оповестила о переходе на новую политику: отныне мы должны сдавать все чаевые в общую кассу и делить их между собой, при этом часть отчисляется администрации, то есть ей самой.

Я объявил хозяйке, что вовсе не намерен делиться чаевыми с другими официантами, да еще отдавать долю ей...

Излишне говорить, что с работой в том злачном местечке мне пришлось распрощаться.

Пережив два ужасных дня, я в первый и последний раз в жизни лично и непосредственно обратился с просьбой о материальной помощи: позвонил в секцию драматургов того самого союза, который ставит своей целью опекать писателей и кормить их, и там мне дали взаймы, да, именно взаймы, ровно десять долларов, каковая сумма должна была обеспечить мне крышу над головой, покуда не начнется весенняя оттепель и с тротуаров не стает лед — иначе говоря, на всю зиму...

В старом бродвейском кинотеатре «Стрэнд» работал билетером мой приятель, и, зная, что одно хлебное местечко я только что потерял, а другого не успел подыскать, он посоветовал мне туда обратиться: им как раз нужен билетер, и, если форма моего предшественника придется мне впору, может, я получу место. По счастью, прежний билетер был примерно моего роста и сложения. Так что меня взяли. Для начала меня поставили у одного из проходов, и как-то во время вечернего сеанса дама неимоверной толщины прорвалась сквозь плюшевое заграждение и устремилась вперед — видимо, рассчитывая усесться прямо на экран, — а когда я попытался было ее задержать, стукнула меня по голове сумочкой, такой тяжеленной, словно она была набита золотыми слитками.

Платили мне семнадцать долларов в неделю, этого хватало на койку в общежитии молодых христиан, да еще семь долларов оставалось на еду. И было мне хорошо...

Потом вдруг Одри Вуд[6] вызвала меня к себе в контору и сообщила, что запродала меня голливудской кинофирме «Метро-Голдвин-Мейер». Сделка была оптовая: одновременно со мной она запродала художника-декоратора Лемюэла Айерса и молодого танцовщика, — не могу так вот, сразу вспомнить его фамилию.

— Будете получать двести пятьдесят, — сказала мне Одри.

— Двести пятьдесят в месяц! — воскликнул я, и от такой перспективы глаза у меня вылезли из орбит.

— Нет, в неделю.

Тогда я понял: тут что-то не то, это какой-то фокус, и был прав — фокусов оказалось даже несколько. Сперва мне поручили написать сценарий по совершенно кошмарному роману, подогнав его к данным некоей звезды, — эта молодая особа, носившая платья из тонкой шерсти, которые выгодно подчеркивали ее формы, играть решительно не умела, зато была близкой приятельницей нанявшего меня продюсера, и мне вскоре сообщили, что написанный мною диалог — выше ее разумения, хоть я и не употреблял длинных и трудных слов; после этого мне предложили написать сценарий для одной малолетней звезды, но тут я не выдержал и отказался...

Сразу бросается в глаза, что это мое «нечто» повествует главным образом о мытарствах, которые я претерпел в те тощие годы, когда был начинающим писателем. О многих более радостных событиях тех времен я умолчал, но, надеюсь, вы не сделаете из этого вывод, что я склонен видеть все в черном свете. Я не мизантроп, не угрюмый молчун. Скорее — шут, на людях я вынуждаю себя быть комедиантом. Пусть юмор у меня подчас черный — все-таки это юмор. Такое мое свойство всячески эксплуатировали (сам не знаю, на благо мне или во вред) различные корреспонденты, интервьюировавшие меня в последние десять лет, когда внимание публики, как мне кажется, было устремлено не столько на мое творчество, сколько на частную жизнь.

Перевела с английского С. МИТИНА

---

[1] Передовой театральный коллектив того времени (прим. перев.).

[2] В то время группа «Тиэтр гилд» была лучшим театральным коллективом США (прим. перев.).

[3] После четырехкратной переработки пьеса эта получила название «Орфей спускается в ад» (прим. перев.).

[4] Крупный американский критик и театральный деятель (прим. перев.).

[5] В. Шекспир. «Отелло».

[6] Одри Вуд — в то время литературный агент Теннесси Уильямса.

[illegible]

«Последнее лето»

[illegible] «Последнее лето» вытекает прежде всего из того, что Симонов избежал не только традиционных, сухих описаний штабных инструкций, но и обычных схем военного романа, основанного на психологических конфликтах нескольких фигур на фоне широкого исторического полотна. Задача, которую он поставил и выполнил, была гораздо сложнее и необходимее: показать на [illegible] историческом отрезке времени замечательный [illegible] образ гигантской стратегической операции, показать участвующих в ней людей — от высшего командования до младших командиров и солдат».

Фильм об убийстве Кеннеди

[illegible] (один из [illegible] кинематографистов США, внесенный во времена маккартизма в «черный список») вышел на экраны США и Англии. Лента, основанная на подлинных трагических событиях в Далласе осенью 1963 года — убийстве Джона Кеннеди, — опровергает выводы комиссии Уоррена. Полагают, хотя это не объявлено официально, что соавтором и консультантом Трамбо был адвокат Марк Лейн, который, как известно, вел по собственной инициативе расследование преступления.

Авторы фильма рассказывают о том, как за три года, последовавшие после убийства президента, 18 свидетелей, которые могли бы пролить свет на происшедшее, умерли: 13 — насильственной смертью, трое — от внезапных сердечных приступов. Основная мысль создателей фильма такова: убийство Кеннеди было результатом заговора крупных монополий, мультимиллионеров, связанных с крайне правыми экстремистскими кругами, недовольными внутренней и внешней политикой президента. Роли миллионеров, руководителей заговора, исполняют Берт Ланкастер, Уилл Гир и (ныне покойный) Роберт Райян. Ли Харви Освальда играет Джеймс Маккелл.

Фильм не чисто документальный, хотя в нем широко использованы кадры кинохроники. На экране показано, как были наняты профессиональные убийцы и человек, который на самом деле был ложным Освальдом, как затем вину свалили на подлинного Ли Харви Освальда, беспрепятственного [illegible] человека, [illegible] отвести подозрения от настоящих виновников убийства. «Все это [illegible], — пишет английская газета «Таймс». — И то, что отражено в фильме, кажется куда более достоверным и правдивым, чем выводы комиссии Уоррена».

Похождения Барри Линдона, эсквайра

По сообщениям английской прессы, Стэнли Кубрик приступил к экранизации исторического романа Уильяма Теккерея «Карьера Барри Линдона», посвященного Ирландии второй половины XVIII века. Герой романа — разорившийся ирландский землевладелец Барри Линдон — отправляется на континент, гонимый страстной жаждой наживы. Он служит то в английской, то в прусской армии, поджигает, убивает и грабит. Теккерей раскрыл антинародный характер агрессивных войн, в которых принимает участие герой романа, ведет читателя, по его словам, «за кулисы этого гигантского спектакля» и предъявляет им кровавый «счет преступлений, горя, рабства».

Быть может, положение в Ольстере в наши дни послужило толчком к решению известного английского кинорежиссера Стэнли Кубрика обратиться к роману великого реалиста.

«Путешествие»

Съемки нового фильма Витторио де Сика «Путешествие» ведутся в настоящее время в Венеции.

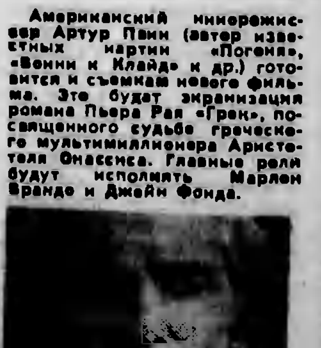
На снимке: кадр из фильма с исполнителями главных ролей Софией Лорен и Ричардом Бартоном.

«Культура, социализм — 1973 г.»

Редакция варшавского еженедельника «Культура» в одном из последних номеров открыла новую рубрику «Культура, социализм — 1973 г.». Предваряя публикации материалов, она пишет: «Мы обратились к авторитетным критикам, редакторам литературных журналов и общественным деятелям социалистических стран с просьбой высказаться о достижениях в области культуры и литературы 1973 года. Мы надеемся, что публикуемые материалы вызовут живой интерес наших издательских, музыкальных, кинематографических и других кругов. Мы считаем, что более углубленное взаимопонимание, обмен информацией и тем самым все расширяющийся культурный обмен составят необходимый элемент интеграции нашего содружества».

Онассис на экране

Американский кинорежиссер Артур Пенн (автор известных картин «Погоня», «Бонни и Клайд» и др.) готовится к съемкам нового фильма. Это будет экранизация романа Пьера Рая «Грек», посвященного судьбе греческого мультимиллионера Аристотеля Онассиса. Главные роли будут исполнять Марлон Брандо и Джейн Фонда.



На снимке: Марлон Брандо.

В МИРЕ СОЦИАЛИЗМА

Верхние Татры — одно из красивейших мест Чехословакии. Летом и зимой — это излюбленное место отдыха трудящихся республики.

Снимки спец. корр. «Литературной газеты» М. ТРАХМАНА

К 75-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЦЮЙ ЦЮ-БО

ПЛАМЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР, ПАТРИОТ, ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ

«Всю свою жизнь я отдал революции... Пусть я умру, но на мое место встанут сотни миллионов, чтобы идти дальше».

Эти слова принадлежат Цюй Цю-бо, славному сыну китайского народа, видному деятелю Коммунистической партии Китая.

Цюй Цю-бо родился 29 января 1899 года в городе Чанчжоу в семье учителя. Из-за постоянной нужды в семье начитанному и способному мальчику не удалось закончить школу: надо было зарабатывать на жизнь. Потом — самообразование, учеба в Пекинском институте русского языка и первое знакомство с русской классикой. С началом антифеодального, антиимпериалистического движения «4 мая» 1919 года юный Цюй Цю-бо, по его словам, — «в водовороте событий». Он — один из признанных вожаков пекинских студентов.

В 1919—1920 годах вместе с другими молодыми литераторами он издает журналы «Синь шэхой» и «Жэньдао», ставшие трибуной передовых взглядов. Он инициатор издания «Библиотеки русской литературы», и одним из первых в Китае начинает переводить русскую классическую литературу непосредственно с языка оригинала. Уже тогда, в 1920 году, Цюй Цю-бо отмечал, что Октябрьская революция «всколыхнула весь мир и оказала влияние на развитие идей во всех странах».

Весной 1920 года Цюй Цю-бо вступает в марксистский кружок Ли Да-чжао, впоследствии одного из организаторов КПК. Двухлетнее пребывание Цюй Цю-бо в Советской России (1921—1922 годы) в качестве корреспондента пекинской газеты «Чэньбао» явилось подлинным университетом марксизма для молодого китайского революционера. В своих корреспонденциях он писал правду о первой в мире республике рабочих и крестьян, помогал китайским читателям ближе узнать Страну Советов. Лучшие очерки Цюй Цю-бо посвящены В. И. Ленину.

Вернувшись в 1923 году на родину, Цюй Цю-бо сразу же включается в активную революционную деятельность. На III съезде КПК его, молодого коммуниста, избирают членом Центрального Комитета. Он редактирует журнал «Синь циннянь», пишет теоретические статьи. Не оставляет Цюй Цю-бо и художественного творчества — пишет стихи, переводит на китайский язык произведения русских классиков и советских писателей.

В первые же дни революции 1925—1927 годов Цюй Цю-бо переходит на нелегальное положение. Начинаются долгие годы подполья. Он — один из руководителей патриотического движения «30 мая», главный редактор и постоянный автор ежедневной газеты шанхайского пролетариата «Жэсюэ жибао». В августе 1927 года Цюй Цю-бо избирается генеральным секретарем ЦК КПК и главным редактором партийного журнала.

В 1928—1930 годах Цюй Цю-бо снова в Советском Союзе как делегат VI конгресса, где его избирают членом Президиума и Исполкома Коминтерна.

Возвратившись в Китай и скрываясь в партийном подполье в Шанхае, Цюй Цю-бо вместе с Лу Синем руководит Лигой левых писателей Китая, сплотившей в своих рядах все лучшее и передовое, что было тогда в китайской литературе. В эти же годы он создает множество литературно-теоретических и критических работ, в которых знакомит китайскую творческую интеллигенцию с важнейшими положениями марксистской эстетики, с ленинскими взглядами на культурное наследие, на литературу и искусство. Цюй Цю-бо первым в мировом и китайском литературоведении дал марксистскую оценку творчества Лу Синя, определил его роль и место в становлении и развитии реалистической китайской литературы.

Значителен и весом вклад самого Цюй Цю-бо в развитие китайской художественной культуры. Его произведения отличались высокими идейно-художественными достоинствами и вместе с тем доступностью и простотой. Таковы его частушки и песни на злобу дня: «Японцы наступают», «Новая песня о Советах», «Октябрьская революция», «Счастье рабочих» и другие. Перу писателя принадлежат многие лирические эссе — подлинные стихотворения в прозе, сатирические памфлеты (таковы «Туча», «Перед бурей» и др.). Его рассказ «Нескончаемые противоречия» — образец мастерства типического обобщения.

С января 1934 года Цюй Цю-бо — комиссар народного просвещения Советских районов Китая. После ухода главных сил китайской Красной Армии в северо-западный поход (октябрь 1934 года) он возглавил Отдел пропаганды бюро ЦК КПК по провинции Цзянси. В феврале 1935 года в бою с гоминьдановскими частями он попал в плен. Когда его вели на расстрел, он пел «Интернационал». 18 июня 1935 года Цюй Цю-бо не стало...

Китайский народ свято чтит память о своем верном сыне. В первые годы после образования республики китайская печать восторженно отзывалась о революционных заслугах Цюй Цю-бо, регулярно отмечались даты его жизни и деятельности. С началом же «культурной революции» имя Цюй Цю-бо было предано анафеме, а могила революционера была сровнена хунвэйбинами с землей. Маоистам невыносима сама память об этом подлинном интернационалисте. Ведь и сегодня многие высказывания Цюй Цю-бо более чем сорокалетней давности звучат поистине злободневно. Именно он критиковал не изжитую Мао Цзэ-дуном психологию военщины, политику опоры исключительно на армию. Выступая на VI конгрессе Коминтерна, Цюй Цю-бо предупреждал об опасности национальной ограниченности, наблюдающейся кое у кого в КПК.

Столь же современно звучат и мысли, содержащиеся, например, в статье Цюй Цю-бо «Молодежный сентябрь» (1931), — по поводу националистической литературы, разжигавшей в китайском народе военный психоз в отношении Советского Союза.

Цюй Цю-бо, пламенный революционер, патриот и интернационалист, прожил короткую, но яркую жизнь борца за коммунизм, за счастье всех трудящихся. Его светлый образ навсегда останется в сердцах и памяти коммунистов всей земли, в сердцах и памяти благодарного китайского народа.

М. ШНЕЙДЕР

В связи с семидесятипятилетием со дня рождения Цюй Цю-бо в Институте востоковедения Академии наук СССР проведена научная конференция. Вступительное слово произнес заместитель директора Института востоковедения Академии наук СССР профессор В. Солнцев. Были заслушаны доклады доктора исторических наук Л. Делюсина «Жизненный путь Цюй Цю-бо», кандидата филологических наук И. Шнайдера «Цюй Цю-бо — литературный критик», кандидата исторических наук Т. Акатовой «Цюй Цю-бо и шанхайские события 30 мая 1925 года», доктора филологических наук Л. Черкасского «Цюй Цю-бо — поэт-переводчик», В. Петрова «Дружба Лу Синя и Цюй Цю-бо». С личными воспоминаниями о Цюй Цю-бо выступил профессор А. Крымов.

ОТПОР ЛИТЕРАТУРНОМУ ВЛАСОВЦУ

«ДИКИЕ СЛУХИ, ДОСУЖАЯ БОЛТОВНЯ»

Американский еженедельник «Гардиан» опубликовал на днях статью Эрвина Зилбера, где, в частности, говорится:

«Опус Солженицына — это всего-навсего антология диких слухов, домыслов, досужей болтовни и жалости к самому себе, которая вряд ли заслуживала бы внимания, если бы значение Солженицына не раздули искусственно и если бы его не превратили в мировую знаменитость... И «Архипелаг Гулаг», и невероятная реклама этого сочинения, прямо говоря, — обман».

Автор показывает, как вздорные слухи, «пройдя» через книгу Солженицына, превращаются на страницах буржуазной печати в почти «достоверные факты». Если Солженицын, скажем, пишет, что «в Москве ходили слухи», то «Нью-Йорк таймс» излагает эти выдумки уже как неоспоримую истину, лишь прибавляя в конце: «Г-н Солженицын заявил, что официально это не было подтверждено».

Когда же от слухов Солженицын переходит к конкретным фактам, то, как обнаруживает Зилбер, все его построения рассыпаются наподобие карточного домика. Показательна история с «неправомерным арестом» самого Солженицына, как она изложена в «Архипелаге Гулаг». Разбирая ее, автор статьи в «Гардиан» приходит к выводу: «Выходит, никакого ложного обвинения не было? По сути дела, создается впечатление, что это наказание было вполне оправданной мерой по отношению к офицеру, находившемуся на фронте в условиях военного времени».

Еще более показателен случай с тремя «безвинно пострадавшими», о которых рассказывает Солженицын на первых же страницах книги. На его вопрос о причине ареста они ответили: «Не имеем ни малейшего представления». «Однако оказывается, — продолжает Зилбер, — что у этих троих все-таки есть некоторое представление, за что их арестовали... Трое военных напились, находясь на службе, и пытались изнасиловать двух женщин (причем не забывайте, что это всего лишь их собственная версия)... Какой же вывод делает из этого Солженицын? «У них были честные, прямые солдатские сердца», — пишет он об этих пьяных насильниках. «Все трое были офицерами», — добавляет он, полагая, будто это доказывает, что *они были* благородными людьми. Солженицын, очевидно, не отдает себе отчета в том, что тем самым лишь усугубляется тяжесть их преступления».

«Наверное, никакой политработник в Москве, — замечает в этой связи «Гардиан», — не смог бы лучше проиллюстрировать высокие нормы советской дисциплины и советской морали. Удивительно лишь, как Солженицын не понимает, что он сам себя высек».

«Слепой антикоммунизм Солженицына, — продолжает автор статьи, — достигает своего *апогея*, когда он старательно оправдывает Андрея Власова, советского генерала, который, попав в плен во время второй мировой войны, стал сотрудничать с нацистами и повел банду советских перебежчиков против Красной Армии».

Не удивительно, что в «Архипелаге Гулаг» буржуазная пропаганда, пишет *Зилбер, увидела* «идеальную возможность» для того, чтобы попытаться дискредитировать социализм. Коснувшись серьезных перемен в мире, он отмечает: «В такой момент социалистические идеи приобретают новую жизнеспособность, поскольку народы мира начинают искать политические и экономические альтернативы капитализму. Буржуазия почувствовала это, а потому всегда свойственное ей стремление дискредитировать социализм сейчас стало сильнее, чем когда-либо».

Естественно, апологеты капитализма с радостью ухватились за сочинение Солженицына, поскольку тот афиширует свое намерение разоблачить «преступления» социалистического строя. Но, подчеркивает «Гардиан», «Солженицын разоблачает лишь сам себя, а также всех тех сосредоточенных на своих собственных переживаниях мелкобуржуазных интеллигентов, которые отвергли возможность вступить в союз с пролетариатом и под его руководством свергнуть империализм и построить социализм».

Автор приходит к выводу: «Солженицын ныне просто высказывает свои глубоко затаенные чувства. Хотя Солженицын и утверждает обратное, на самом же деле он был настроен враждебно по отношению к Советской власти задолго до своего ареста и заключения. Ясно, что его выпады против беззаконий... предприняты не для того, чтобы исправить эти случаи нарушения социалистической демократии, а для того, чтобы отрицать социализм».

ПОПЫТКА РЕАБИЛИТИРОВАТЬ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Лео ФИГЕР

На днях французская газета «Юманите» опубликовала статью Лео Фигера под заголовком «Попытка реабилитации, оскорбительная для всех патриотов». Мы перепечатываем текст этой статьи с незначительными сокращениями.

Глубокий кризис капитализма разразился сейчас во Франции и в других странах. Чтобы отвлечь от него внимание, ничего не остается, как нападать на социализм, дабы убедить народы, что социализм не является решением их проблем. Одновременно, нападая на социализм, рассчитывают, видимо, нанести удар по международной разрядке и по сотрудничеству со странами социалистического мира. Но поскольку прямо нападать на социализм становится все труднее и труднее, антисоветская кампания последнего времени вскармливается писаниями Солженицына, которого представляют как величайшего, единственного русского писателя России нашего времени.

Однако последняя книга Солженицына поставила такие проблемы перед антисоветской пропагандой, что некоторые специалисты в этой области считают, что Солженицын «сжигает свои корабли». Иными словами — он зашел столь далеко, что стал компрометировать тех, кто его пропагандирует. Кое-кому хотелось бы избавиться от болезненной занозы, коей является попытка Солженицына реабилитировать Власова, генерала, перешедшего на службу к нацистам в 1942 году.

Именно такого рода операцию попыталась осуществить газета «Монд», опубликовав почти все, что Солженицын написал о Власове. Мы подчеркиваем — почти все, но не все; газета опустила большинство примечаний, а эти примечания подчас весьма красноречивы. (Таковы, например, яростные нападки Солженицына на Рузвельта и Черчилля за то, что они «выдали» Советской Армии власовцев; можно ли найти лучшее свидетельство тому, куда может зайти автор в своем слепом антисоветизме?!) Бернар Ферон, рекомендуя на страницах «Монд» этот текст читателю, утверждает, будто Солженицын не оправдывает Власова. Однако все, что пишет сам Ферон, отрывки из книги Солженицына, подзаголовки, которыми их снабдила газета, — все свидетельствует об обратном: налицо попытка изобразить Власова и ему подобных жертвами и даже героями, тогда как они были изменниками Родины и сознательными соучастниками кровавых преступлений Гитлера.

Биография Власова, написанная Солженицыным, не встречает никаких возражений со стороны редакции газеты «Монд», даже когда Солженицын говорит о группе изменников, собранных нацистами в 1942 году в Восточной Пруссии: «Им не хватало выдающейся личности... Эта роль досталась Власову». Нет никаких возражений у редакции и против прямых сожалений Солженицына о том, что Гитлер не разрешил Власову создать подлинно русскую армию раньше, что «позволило бы им (власовцам) надеяться на существование независимой России». Тем более редакция не протестует против смехотворного утверждения, будто сопротивление гитлеровцев вокруг Праги было сломлено не чешскими повстанцами и Советской Армией, а остатками власовских палачей, уцелевших к маю 1945 года.

Впрочем, все подобные утверждения не порождены гениальнейшим воображением Солженицына; их авторы — западногерманские «историки», которые уже не впервые пытаются реабилитировать этого гитлеровского агента.

Но, скажете вы, в конце концов ответственность за все эти писания лежит не на газете «Монд», а на Солженицыне. Естественно. Однако газета публикует комментарий Бернара Ферона и вдобавок помещает после солженицынской биографии Власова свои редакционные замечания.

Эти редакционные комментарии сами по себе являются шедевром. Власов представлен нам «бессознательным инструментом в руках Риббентропа», мирно пишущим «националистическую программу» и столь же мирно предпринимающим «пропагандистскую поездку по концентрационным лагерям, где содержатся советские военнопленные». И при этом нигде не делается ни малейшего намека на практические действия Власова, на бесчисленные преступления, творившиеся его бандами на оккупированных территориях Советского Союза, других захваченных нацистами стран, и даже во Франции.

В своем «манифесте» от 12 апреля 1943 года, написанном под диктовку Рейнхарда Гелена, одного из руководителей нацистской разведки, Власов расхваливал человечность гитлеровцев: «Лживая пропаганда стремится запугать вас ужасами немецких лагерей и расстрелами... Миллионы заключенных могут подтвердить обратное... Нужно ли напоминать о немецкой дисциплине, организованности и цивилизованности? Весь мир знает о них». И это в момент, когда миллионы патриотов, миллионы простых людей гибли в нацистских лагерях уничтожения!

Мы хотели бы все-таки знать, что думает редакция газеты «Монд» (где есть люди — мы это знаем, — участвовавшие в патриотической борьбе против Гитлера) о преступлениях власовцев, совершенных ими повсюду, куда по приказу гитлеровцев ступала их нога.

Почему читатели «Монд» лишены права знать, что Власов встречался с Лавалем в Виши 30 мая 1943 года, что носившие его имя банды грабили и убивали жителей Центра и Юго-Запада Франции?

Участники Сопротивления в нашей стране, равно как и советские граждане, не забыли о преступлениях бандитов. И об этом нам напишут многие участники Сопротивления, жены и сыновья расстрелянных.

Если пойти вслед за Солженицыным и представить себе, будто измена Власова и иже с ним объясняется загадкой «заснеженной родины» или заложена в природе советского общества, то следует признать, что ответственность за преступления Квислинга лежит на короле Норвегии, за преступления Дегреля — на короле Бельгии, что именно французский народ виноват в измене Лаваля и Дарнана (который, как известно, стал главой вишистской «милиции», то есть политической полиции, боровшейся против движения Сопротивления; в этом тоже виновата Франция?).

Предателей типа Власова была горстка по сравнению с легионом советских бойцов, поднявшихся на борьбу и сыгравших решающую роль в уничтожении фашистского зверя. Никто и ничто не заставит забыть об этом.

Все французские патриоты, участники Сопротивления, ведшие жестокий бой против дарнанов и тувье *, не могут не осудить попытки реабилитировать русских дарнанов.

Твердо заявить об этом — долг не одних только коммунистов, но и тех, кто, сохраняя верность истории, чтит память о борцах всех стран и всех политических взглядов, павших в борьбе против нацистского варварства, кто хочет послужить делу франко-советской дружбы, скрепленной кровью общих жертв.

Сегодня стало еще яснее, как прав был наш Центральный Комитет, заявивший недавно, что борьба против антисоветской кампании — это дело всех. Пропаганда писаний Солженицына о Власове показывает, что борьба против нее действительно является делом всех патриотов.

Равным образом это дело всех тех, кому дороги франко-советская дружба и сотрудничество. Ибо антисоветская кампания направлена против нашей дружбы и нашего сотрудничества.

---

* *Поль Тувье ведал у Дарнана «милицией» в Лионе; прославился своей жестокостью и пресмыкательством перед нацистами.* — «ЛГ».

С ПОЛИЧНЫМ!

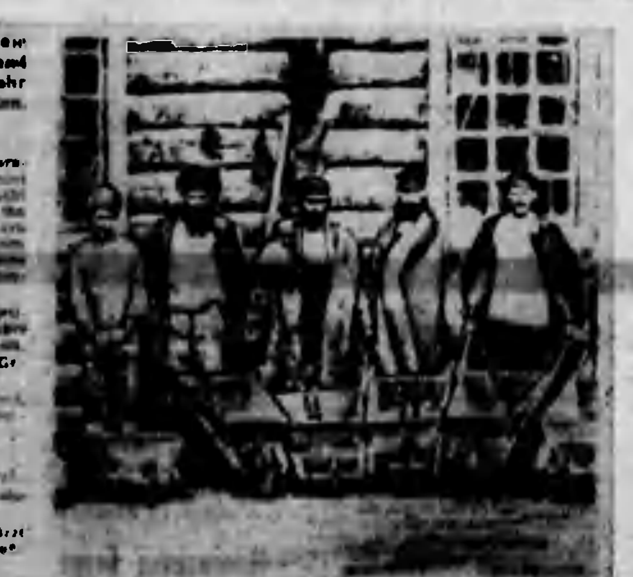
БОЛЬШОЕ СПАСИБО, г-н ШПРИНГЕР!

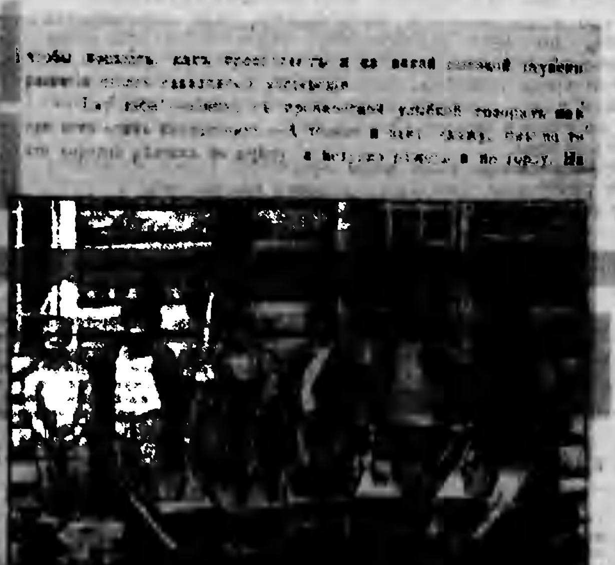
Пропагандистская шумиха вокруг сочинения Солженицына «Архипелаг Гулаг» продолжается. Антисоветские измышления автора книжки спешно подкрепляются все новыми «доказательствами», «фактами» и «свидетельствами».

Так, шпрингеровская газета «Вельт ам зонтаг» последнюю свою подборку материалов посвятила доказательству того, что [illegible] с улицы, [illegible], полностью доверяют Солженицыну и [illegible] ни одному слову тех, кто отвергает его измышления. Репортеры газеты [illegible], кого им удалось поймать. Результаты получились, прямо скажем, не ахти какие убедительные: некий врач заявил, что книжка «разбудила интерес у широких масс», восемь человек «не выразили отрицательного отношения к Солженицыну», а 30-летний дипломат заявил, что он очень спешит. Но газета во всем этом усмотрела безусловный признак того, что «социальная и политическая картина жизни в Советском Союзе за 50 лет», данная Солженицыным, весьма впечатляюща. А рядом редакция поместила наглядное подтверждение тезиса Солженицына о том, будто условия жизни при Советской власти стали куда хуже, чем были при царе, — она воспроизвела приводимый нами снимок.

Подпись под снимком гласит: «Трудовой лагерь в Сибири: заключенные прикованы к тачкам». Смотрите, до чего дошли коммунисты...

Снимок показался нам знакомым. Что-то весьма похожее мы уже видели... И вот после недолгих поисков нам удалось обнаружить источник, из коего г-н Шпрингер почерпнул свой «неопровержимый материал». Им оказалась книга небезызвестного В. Дорошевича, изданная... в 1907 году! На титульном листе ее стоит: «В. М. Дорошевичъ. Сахалинъ. Каторга. Со многими рисунками. Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ». В этой книге на странице 187 помещен снимок «Тачечники», который в несколько урезанном виде перекочевал на страницы «Вельт ам зонтаг» как свидетельство «большевистских зверств».





Нам остается только выразить глубочайшую признательность западногерманскому издателю. Если, по словам его газетки, советская печать не сумела поколебать «неоспоримой достоверности, подлинности и документальности» сочинения Солженицына, то г-ну Акселю Цезарю Шпрингеру удалось это сделать самыми скупыми, но чрезвычайно убеждающими средствами. Помимо своей воли, разумеется.

Vielen Dank!

ЯПОНИЯ: ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

Дмитрий ПЕТРОВ

ВИНОВАТА ЛИ НЕФТЬ?

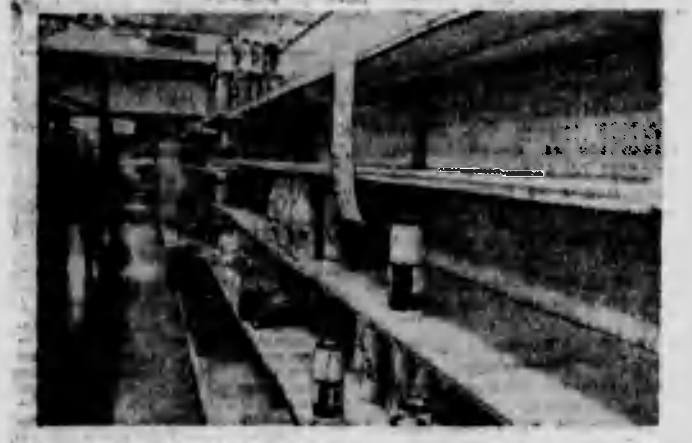
УДАР В СОЛНЕЧНОЕ СПЛЕТЕНИЕ

Еще до того, как арабские страны — экспортеры нефти приняли решение сократить поставки государствам, поддерживающим агрессивный курс Израиля, Япония ощущала серьезную нехватку энергии. Но это решение было роковым ударом, который пришелся прямо в солнечное сплетение японской экономики. Энергетический кризис оказался для Японии куда более болезненным, чем для Соединенных Штатов и ведущих западноевропейских держав.

Бурные темпы экономического развития Японии, вырвавшейся к концу 60-х годов на второе место в капиталистическом мире, были связаны в значительной степени с возможностью закупать дешевую нефть в неограниченных количествах. Объем импорта нефти достиг в 1972 году 249 миллионов килолитров. Все планы развития японской экономики на ближайшие годы строились в расчете на непрерывное расширение импорта нефти. Но эта зависимость от ввоза и оказалась ахиллесовой пятой японской экономики. Если в Соединенных Штатах на долю импорта приходится всего лишь 12—14 процентов потребляемой нефти, а в странах Западной Европы — примерно 60, то в Японии эта доля превышает 99 процентов.

Положение усугубляет и то обстоятельство, что Япония в большей степени, чем другие страны, связана с одним географическим районом — Ближним Востоком. Из Ирана и арабских стран она получила в 1972 году 82 процента всей импортированной нефти.

К тому же Япония располагает альтернативными источниками энергии в значительно меньшей степени, чем другие развитые страны. Добыча каменного угля в стране сокращается из года в год — сегодня на его долю приходится лишь 1,2 процента энергетического баланса страны. Достигла предела и мощность гидроэлектростанций. Практически все реки и речушки уже оседланы, и дальнейшее строительство гидростанций экономически нерентабельно.



Пустеют полки в магазинах…

Владельцы такси устроили демонстрацию протеста против ограничения отпуска бензина

Фото Джапан Пресс — ТАСС

Все эти причины привели к тому, что в Японии энергетический кризис вызвал куда более глубокие и болезненные явления, чем в других развитых странах. Сыграли свою роль и существенные различия в структуре потребления энергии. Если в Соединенных Штатах, например, примерно половину нефтепродуктов потребляет транспорт, то в Японии на его долю приходится лишь 13 процентов. Это значит, что любые изменения в стоимости или объеме поставок нефти, необходимой в первую очередь для промышленности, оказывают непосредственное влияние на весь производственный цикл.

Бурный рост цен на нефть явился одной из причин громадного дефицита платежного баланса: 10,1 миллиарда долларов (в 1972 году баланс был сведен с активом в 4,7 миллиарда долларов). Это привело к резкому сокращению золотовалютных резервов. Если еще в феврале прошлого года Япония была одной из важнейших «кладовых» капиталистического мира, уступая по сумме валютных запасов (19,1 миллиарда долларов) только ФРГ, то к концу года положение резко изменилось, и эти запасы сократились примерно на одну треть.

МОНОПОЛИИ ГРЕЮТ РУКИ

Однако трудности, переживаемые экономикой, оказались манной небесной для крупнейших японских монополий. Они поспешили воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы обеспечить себе невиданные прибыли и переложить на плечи трудящихся все тяготы, вызванные энергетическим голодом.

Через несколько дней после решения арабских стран сократить добычу и экспорт нефти крупнейшие нефтеперерабатывающие компании объявили о сокращении на 10—20 процентов поставок всех видов нефтепродуктов и о повышении на 40 процентов оптовых отпускных цен на бензин. В середине ноября 1973 года был создан Чрезвычайный комитет по нефти под председательством премьер-министра. Этот комитет принял решение сократить на 10 процентов потребление нефти и электроэнергии в двенадцати ведущих отраслях промышленности и разработать законодательство, которое позволило бы правительству ограничивать потребление топлива.

Итак, нефтеперерабатывающие компании, вынужденные закупать нефть по более высокой цене, с лихвой возместили свои убытки за счет резкого повышения цен на производимые ими нефтепродукты. Вздорожание электроэнергия привело к тому, что производителя меди, алюминия, бумаги, синтетического волокна, различных машин и оборудования взвинтили цены на свои товары на 10—20 процентов.

На энергетический кризис было очень удобно свалить и ту лавину инфляции, которая захлестнула Японию. За один только 1973 год потребительские цены в среднем выросли почти на 11 процентов. Мясо, например, подорожало на 30 процентов, картофель — на 65, рис — на 42 процента. Стоимость проезда на автобусе возросла на 33 процента.

Этот рост цен происходил в условиях, когда японская экономика снабжалась нефтью в необходимых количествах: в октябре 1973 года импорт нефти превысил уровень октября 1972 года на 58 процентов и полностью соответствовал запланированным масштабам. Сокращение же поставок нефти с ноября послужило для монополий сигналом к дальнейшему повышению цен.

Воспользовались конъюнктурой и ведущие торговые компании. Они стали скупать и придерживать на складах громадные партии сахара, мыла и многих других товаров первой необходимости, искусственно создавая их дефицит и повышая цены.

Крупнейшие монополии во всех отраслях промышленности не преминули воспользоваться ситуацией, чтобы одержать верх над своими более слабыми конкурентами. Последние месяцы ушедшего года оказались рекордными по числу банкротств мелких и средних компаний.

Деловые круги рассчитывают, что нефтяной кризис побудит правительство выделить за счет государственного бюджета колоссальные ассигнования на развитие атомной энергетики и разработку других источников энергии, благодаря чему на долгие годы будет обеспечен надежный источник прибылей.

Поспешили воспользоваться новой ситуацией и производители электротехнических изделий, которые развернули рекламу новых видов промышленной и бытовой техники, отличающихся высокой экономичностью. Переход к менее энергоемким приборам и процессам, как они полагают, приведет к массовому отказу от старых образцов, что создаст устойчивый спрос на новую продукцию и обеспечит соответствующие прибыли.

Разоблачая ухищрения монополий, пытающихся выжать все, что можно, из энергетического кризиса, Комитет совместной весенней борьбы, в который входят профсоюзы, объединяющие более 8 миллионов трудящихся, принял решение потребовать весной этого года рекордного повышения зарплаты — на 30 процентов. Политические обозреватели предсказывают небывалый накал классовых битв в ближайшие месяцы.

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Когда арабские страны причислили Японию к разряду «недружественных» государств и распространили на нее нефтяной бойкот, деловые круги, особенно заинтересованные в бесперебойных поставках нефти, потребовали от правительства, как писала газета «Нихон кэйдзай симбун», «занять четкую проарабскую позицию».

Японии было не так трудно сделать крутой поворот в своей политике. Внешнеторговый оборот с Израилем составлял всего лишь 100 миллионов долларов, тогда как объем торговли с арабскими странами превысил в 1972 году 3,4 миллиарда долларов. В политическом плане Япония не имеет никаких обязательств перед Израилем. Сочувственная позиция Японии в отношении Израиля объяснялась тесными связями с Соединенными Штатами и соответствующим нажимом из Вашингтона. Однако решительные действия арабских стран заставили Японию позаботиться в первую очередь о своих национальных интересах. «Правительству необходимо напомнить, что японские и американские интересы на Ближнем Востоке не одинаковы, — писала в передовой статье газета «Майнити дэйли ньюс» 14 ноября 1973 года. — Япония зависит от ближневосточной нефти гораздо больше, чем США. Для Японии это, по существу, вопрос жизни и смерти, тогда как Соединенные Штаты могут пережить этот кризис с гораздо меньшими издержками».

Соединенные Штаты пытались всеми средствами предотвратить изменение внешнеполитического курса Японии. Они сделали все, что от них зависело, чтобы предостеречь Японию от проведения антиизраильской политики как средства обеспечения поставок нефти из арабских государств. Вашингтон не остановился и перед прямыми угрозами, недвусмысленно подчеркнув, что «более четкая позиция Японии в пользу арабов спровоцирует евреев в Америке и создаст препятствия на пути улучшения политических и экономических связей между Японией и Соединенными Штатами».

Однако все усилия американской дипломатии оказались тщетными. 22 ноября 1973 года японское правительство объявило о проведении «новой политики» на Ближнем Востоке. Оно осудило израильскую агрессию, призвало Израиль к безусловному выполнению резолюции № 242 Совета Безопасности ООН, а также заявило, что «оставляет за собой право на пересмотр своей политики в отношении Израиля, если последний будет продолжать удерживать арабские территории силой».

Это решение было подкреплено рядом конкретных мер. Так, был объявлен курс на постепенное увеличение доли прямых закупок нефти у арабских стран без посредства международных монополий, с тем чтобы довести эту долю с 2 процентов в 1972 году до 40 процентов к 1980 году.

Демонстрируя готовность не нарушать эмбарго, введенное арабскими странами на поставки нефти Соединенным Штатам, японские нефтяные компании объявили о своем намерении прекратить поставки горючего американским военно-воздушным силам, дислоцированным на базах в Японии.

Вскоре после прекращения военных действий на Ближнем Востоке Япония безвозмездно предоставила Египту миллион долларов для оказания помощи раненым.

Наконец, заместитель премьер-министра Такэо Мики совершил в конце года длительный вояж по 8 арабским странам. Он заявил, в частности, что Япония выразила готовность предоставить Египту долгосрочный кредит на льготных условиях примерно на 300 миллионов долларов. Часть этой суммы будет израсходована на расширение и реконструкцию Суэцкого канала. Западная печать сообщила, что заключено соглашение о предоставлении Ираку кредита на миллиард долларов для строительства нефтеперерабатывающих заводов, нефтепровода и завода по сжижению нефтяного газа. Широкую экономическую и техническую помощь Япония намерена также оказывать Ираку.

В нынешних условиях особое значение для Японии приобретает диверсификация источников энергии и сырья. Значительное внимание уделяется при этом Индонезии, доля которой в поставках нефти для Японии возросла с 7,3 процента в 1965 году до 12,9 процента в 1972 году.

В связи с необходимостью обеспечения стабильных источников минерального топлива японская печать подвергает резкой критике правящие круги за недостаточно энергичные поиски путей к достижению соглашения с Советским Союзом о предоставлении кредитов для разработки нефтяных и газовых месторождений с оплатой поставками в Японию нефти и газа.

БУДУЩЕЕ ВО МРАКЕ

Энергетический кризис обнажил все структурные противоречия японской экономики и наглядно продемонстрировал, на какой шаткой основе развивалось японское «экономическое чудо». Он заставил правительство не только пересмотреть розовые прогнозы на ближайшее десятилетие, но и задуматься над коренной перестройкой экономики, над необходимостью сдвигов в энергетическом балансе — сдвигов, которые невозможны без новых громадных капиталовложений и ломки сложившихся пропорций. «Мы беспечно купались в нефтяном море и не думали, что оно может обмелеть. Мы варварски расходовали черное золото и за это должны поплатиться», — с горечью писала газета «Асахи», рисуя безрадостную картину: страна Восходящего солнца — у разбитого корыта экономики на берегу обмелевшего нефтяного моря...

Но нехватка жидкого топлива — отнюдь не единственная и, возможно, даже не главная причина трудностей, переживаемых японской экономикой. Ведь в конечном итоге усилия японской дипломатии были вознаграждены: 25 декабря арабские нефтедобывающие страны объявили, что они причисляют Японию к разряду «дружественных держав», и она будет снабжаться нефтью в необходимых количествах. В 1973 году Япония импортировала 290 миллионов килолитров нефти — на 16 процентов больше, чем в предыдущем году. Казалось бы, все должно было войти в прежнее русло. Но не тут-то было! В полной мере сохранены все ограничения, введенные в октябре—ноябре. Не прекратился и рост цен. Кризис продемонстрировал свой необратимый характер, а монополии — нежелание расставаться со сверхприбылями, которые они обеспечили себе за это время. Страна оказалась на пороге новых трудностей, нового накала внутриполитической борьбы.

Юрий БАНДУРА

ОТКРЫТО НА РЕМОНТ

С «ОТКРЫТИЕМ» Японии американские специалисты по управлению предприятиями опоздали на много лет. Лишь в 1970 году группа экспертов во главе с Джеймсом Эбеггленом провозгласила: «На особенности управления предприятиями в Японии мы часто указывали как на недостатки японского менеджмента. Однако именно эти особенности в значительной степени способствовали развитию современных японских предприятий».

За признанием ошибок обычно следует попытка их исправить. И вот уже видный американский социолог Эверет Хэйген бросает призыв: «Наши специалисты по менеджменту должны более глубоко изучать организацию предприятий в Японии».

Но пока новоявленные язоны с дипломами докторов и профессоров готовятся к походу за золотым руном японских организационно-управленческих достижений, в самой Японии не менее активно готовятся к такой же экспедиции... в Соединенные Штаты. По той простой причине, что в эффективности японского менеджмента местные специалисты несколько разуверились. Как утверждает М. Уно, директор Научно-исследовательского института промышленности при университете «Васэда», «на условия, в каких осуществляется управление предприятиями в Японии, обрушиваются волны гигантских изменений... Само собой разумеется, влияние их таково, что мы не можем больше подходить к управлению, как к простому продолжению прежнего курса... Проблема заключается в том, что сегодня, в период глубочайших потрясений, высшие менеджеры, коим доверено управление предприятиями, и другие заинтересованные лица не знают, как действовать в новых условиях». Г-н Тоба, профессор того же университета, дополняет это тревожное изречение решительным выводом: «Не подлежит никакому сомнению, что управление предприятиями Японии будет двигаться в сторону использования рационализма американского типа».

Любезности, которыми осыпают друг друга теоретики менеджмента из разных капиталистических стран, по нынешним временам не редкость. Углубление противоречий капиталистической системы хозяйствования заставляет их судорожно метаться в поисках новинок по части управления предприятиями: может быть, удастся найти какое-нибудь лекарство, способное подстегнуть дряхлеющий организм частного предпринимательства...

Но сами бизнесмены не могут ждать, пока теория предложит что-нибудь достойное внедрения в практику. Для капитала бездействие смерти подобно. И потому все триста тысяч промышленных компаний Японии изо дня в день, из месяца в месяц ведут поиски новых форм, новых методов управления. Найти удается далеко не всем: в прошлом году в стране обанкротилось десять тысяч компаний.

ШПОРЫ ДЛЯ МОНОПОЛИИ

В зале — семьсот человек. Но ничто не нарушает напряженной тишины. Мертвое молчание и в конторах и кабинетах, где застыли, вперив взгляды в жерла громкоговорителей, те, кому не хватило мест в зале... Но вот наконец по всем десяти этажам гигантской коробки из стекла и бетона разносится легкое покашливание, и Тосио Доко, новый президент «Токио сибаура дэнки», или, как ее чаще называют, «Тосиба», начинает свою «тронную речь»:

— Господа! Нашей компании недостает жизненных сил. Причина в том, что вы не используете в полной мере всех тех прав, какие вам даны. Не бойтесь провалов и не падайте духом: в конечном счете ответственность за них лежит на мне... На протяжении долгого времени путь «Тосибы» отмечался тенденцией к спаду, но отныне должен начаться подъем.

Не бойтесь провалов! — эти слова произвели глубокое впечатление на служащих компании. Но в деловом мире Японии шансы нового президента поначалу расценивались не очень высоко. Легко сказать — вытянуть «Тосибу» из состояния, близкого к банкротству. Ведь это не просто одна из японских компаний. «Тосиба» — двадцать два собственных завода и около полусотни заводов дочерних компаний. «Тосиба» — более ста тысяч рабочих и служащих. «Тосиба», наконец, — это промышленный комплекс, дающий не менее 15 процентов продукции всей электротехнической промышленности Японии, начиная от телевизоров и кончая оборудованием для атомных электростанций.

Но президента Доко масштабы не пугали. Он был преисполнен желания вернуть капиталам компании их былую прибыльность и потому не собирался проявлять деликатность. Первыми это почувствовали рабочие гигантской корпорации. На заводах, продукция которых не пользовалась повышенным спросом, были введены дополнительные «дни отдыха», разумеется, не оплачивавшиеся. Зато на предприятиях, выпускавших прибыльные товары, скорость конвейеров была поднята на тридцать процентов при прежнем числе рабочих. Была разработана программа «повышения производительности»: за пять лет расширить производство вдвое, увеличив при этом число рабочих всего на пятнадцать процентов.

Не менее решительно взялся Доко и за переустройство организационной структуры компании. Первой подверглась ломке система принятия решений. Предшественник Доко — президент «Тосибы» Ивасита не любил скороспелых решений. И во избежание просчетов вмонтировал в механизм управления сито с тремя сетками. Каждый вопрос сначала подвергался обсуждению в совете заведующих отделами. Оттуда выводы и предложения поступали в совет исполнительных директоров. Наконец наступал черед последней инстанции: окончательное решение принимал совет распорядительных директоров во главе с самим президентом. Оттуда решение начинало неторопливое нисхождение с одной ступеньки на другую, пока в конце концов не спускалось до уровня непосредственных исполнителей.

Доко сломал трехэтажное решето и заменил его единым органом — советом по вопросам управления. И теперь высшим менеджерам «Тосибы» приходится поворачиваться куда быстрее, чем они это делали до прихода Доко. Раньше каждый из советов собирался на заседания раз в полторы-две недели около полудня. Теперь нужно приезжать к половине девятого утра дважды в неделю. Сам Доко стал появляться в компании уже в половине восьмого утра. Целый час до официального начала работы он выделил на то, чтобы принимать управляющих нижнего и среднего звеньев с проектами и предложениями по рационализации менеджмента.

Предложения, которые представлялись ему полезными, он выносил на обсуждение совета по вопросам управления. И требовал от членов совета, чтобы они принимали решение тут же, без отлагательства.

До того как Доко возглавил фирму, высшие члены правления совмещали две функции: участвовали в принятии общих решений по управлению компанией и одновременно отвечали за какой-либо конкретный участок работы «Тосибы». Этому разделению функций Доко положил конец. Он оставил за директорами старших рангов лишь одну задачу: помогать ему в общем управлении компанией, не отвлекаясь на частные вопросы, какими бы важными они ни казались. А все оперативные функции, связанные с деятельностью двадцати четырех отраслевых отделов компании, были возложены на заведующих отделами, не включенных в высший эшелон управления. Раньше заведующие не могли сосредоточиться ни на участии в решении общих вопросов, ни тем более на выполнении прямых функций по управлению своими конкретными участками: каждый их шаг обсуждался на нескольких уровнях, и на любую операцию необходимо было испрашивать разрешение вышестоящего начальства. Теперь они сами принимают решения, сами несут ответственность за деятельность подчиненных им предприятий. А чтобы они не теряли связи с высшим руководством, им вменено в обязанность регулярно докладывать совету по вопросам управления об итогах деятельности их отделов и о возникающих перед отделами проблемах.

Свою задачу — обеспечить «Тосибе» прибыль, достойную монополии, — Доко выполнил. Компания, которой он управляет, сегодня входит в первую десятку крупнейших промышленных корпораций Японии. Девятое место — по размерам капитала, пятое — по числу эксплуатируемых этим капиталом рабочих, девятое — по размерам чистой прибыли. Но в конкурентной борьбе Доко не смог одержать победу: роль бессменного лидера в электротехнической промышленности продолжает играть значительно превосходящая «Тосибу» по всем показателям компания «Хитати».

КАЖДОМУ СВОЕ

Метод, каким президент «Тосибы» лечил вверенную ему корпорацию, напоминает срочную хирургическую операцию, но высшие менеджеры японских фирм редко рискуют прибегать к операционному вмешательству, предпочитая ему более спокойную терапию. Иными словами, реорганизация управления компаниями осуществляется постоянно.

По данным обследования, проведенного в 1955—1959 годах, среди опрошенных специалистами корпораций не оказалось ни одной, которая не произвела бы внутренней реконструкции. При этом каждая пятая из них полностью изменила структуру организации и управления. Казалось бы, на этом можно было остановиться. Но вот десять лет спустя Токийская торгово-промышленная палата опубликовала данные нового обследования. Оказалось, что в течение 1969—1970 годов из четырех с лишним сотен крупнейших фирм Японии реорганизацию внутренней структуры «в широких масштабах» провело более двухсот компаний. Но ни одно из нововведений, пожалуй, не получило в стране такого резонанса, как обновление менеджмента, внедренное «Хитати сэйсакусё», этим извечным конкурентом «Тосибы».

Руководство монополии давно уже считало необходимым выделить реорганизационную деятельность в самостоятельную сферу управления. В результате среди многих звеньев управленческой системы «Хитати» появилось еще одно — «штаб содействия рационализации управления». О значении, которое придавалось новому органу, свидетельствует хотя бы тот факт, что во главе «штаба» был поставлен один из двух вице-президентов компании.

Под начало вице-президенту передали несколько десятков наиболее способных сотрудников из среднего звена менеджеров, разбив их на «рейдовые бригады». Одним было поручено разобраться, как оправдывает себя организационная структура по вертикали. Другие занялись выяснением действенности горизонтальных взаимосвязей в рамках компании: уточнялись вопросы координации между различными отделами, выяснялась эффективность всевозможных совещаний. За сравнительно небольшой период времени «рейдовым бригадам» удалось выявить и помочь решить 360 различных проблем. Позже «рейдовые бригады» были разделены на две группы: одна занялась проблемами, связанными с организацией производства и научно-технических исследований, другая — вопросами совершенствования системы управления.

Однако основным достижением «штаба», по мнению специалистов, явилась система «внутренних капиталов». Что она собой представляет?

До сих пор «Хитати» концентрировала прибыли от продажи товаров двух с лишним десятков своих заводов в руках основной конторы. После введения новой системы весь объем прибылей остается на каждом из заводов. Из общей суммы прибылей большую часть заводы возвращают основной конторе: 46 процентов поступают в основную контору на уплату различных государственных налогов; 8 процентов контора взимает с заводов за вложенный в них капитал. Остающиеся прибыли делятся на две равные части. Одна из них переводится также в основную контору на нужды централизованных накоплений компании и используется на строительство новых предприятий, а также на финансирование научно-исследовательских работ. Другая часть — 23 процента от общего объема прибылей завода — остается на счету самого завода. Таким образом, каждое предприятие получает право на осуществление самостоятельных накоплений. Новая система открывает перед руководством завода возможности использовать внутренние накопления на собственные нужды, и прежде всего на расширение производственных мощностей, на их обновление.

В чем видит руководство «Хитати» преимущества системы «внутренних капиталов»? Прежде всего в усилении ответственности каждого завода за повышение прибыльности вложенного в него капитала. При новой системе у низового звена — заводоуправления — появляются дополнительные стимулы к изысканию резервов повышения производительности труда, резервов повышения эффективности оборудования. Тем самым обеспечивается возможность снять эти задачи с промежуточных звеньев управления, а сами звенья ликвидировать. Наконец, высшим менеджерам компании новая система позволяет избавиться от наплыва мелких вопросов и сосредоточиться на решении более широких проблем, связанных с деятельностью «Хитати» как единого экономического комплекса.

Хозяева монополии возлагают на систему «внутренних капиталов» немалые надежды. Как отмечает один из японских экспертов, «когда компания становится такой крупной, как «Хитати», она невольно вынуждена вести ожесточенную конкурентную борьбу с действующими в той же отрасли «Тосибой» и «Мацусита дэнки». На более широкой арене, где выступают такие компании, как американская «Дженерал электрик» и голландская «Филипс», она должна стремиться к победе в международной конкурентной борьбе. Чтобы выиграть сражение, «Хитати» необходимо прежде всего усилить управление своей производственной сферой. Именно в этом и состоит основная цель введения системы внутренних капиталов».

Что и говорить, «Хитати» ставит перед собой задачу не из легких. «Победить в конкурентной борьбе!» — ведь именно этот лозунг провозглашают и ее противники. И коль скоро вывешивать белый флаг никто из них не собирается, монополии объявляют «тотальную мобилизацию» всех доступных им видов оружия для ведения экономической войны.

Как это всегда бывает при сражениях между монополиями, самое тяжелое бремя конкуренции большой бизнес возлагает на плечи пролетариата. Не случайно президент «Хитати» Комаи, объявляя о введении пятилетней программы увеличения сбыта, предупредил рабочих: «На протяжении предстоящих пяти лет мы будем осуществлять рационализацию, стремясь к увеличению объема работы каждого нашего сотрудника вдвое». Господин Комаи предупреждал не зря: в компании началась «сплошная рационализация труда». Она не ограничилась повышением скоростей конвейеров или увеличением числа станков, обслуживаемых одним рабочим. Было запрещено отлучаться в туалет более двух раз за смену. Прекратили даже выдавать зарплату в рабочее время. В цехах стали ежемесячно проводить перетасовку работников, перебрасывая их с одного места на другое («Меньше будет уходить времени на разговоры друг с другом!»). Все это — тоже поиски «совершенства» в сфере менеджмента.

«Капиталисты и организаторы трестов даже в самых передовых странах по многу лет, иногда по десять лет и больше, занимались изучением и проверкой своего (и чужого) практического опыта, исправляя, переделывая начатое, возвращаясь назад, исправляя много раз, чтобы добиться вполне подходящей к данному делу системы управления», — с тех пор как В. И. Лениным были написаны эти слова, прошло более полувека. Но и по сей день не прекращает капитал своих лихорадочных поисков.

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

АРХИВ «КЛУБА ДС»

РУБАИ

Несколько лет назад мы сообщали о том, что археологи при раскопках Неаполя скифского под Симферополем обнаружили неизвестные рубаи Омара Хайяма. Время стерло все, что было написано рукой великого поэта, и только номера, когда-то стоявшие над четверостишиями, но тоже стертые веками, позволили поэту Владимиру ОРДОВУ реставрировать некоторые рубаи.

⁂

За воровство, разбой и за обман
Наказывать советует коран.
Но как же наказать нам вора, если
За словом лезет он в чужой карман!

⁂

Я этот магазин нашел с трудом.
На вывеске начертано: «Астроном».
Я звездочку спросил у продавщицы
И слышу: «По одной не продаем!»

⁂

Есть город (и при этом не один),
В нем можно встретить вежливых мужчин.
Коль пьян ты и дорогу позабудешь,
Они спешат: «Пройдемте, гражданин!»

⁂

С друзьями не скучаю никогда:
Друзья мне изменяют иногда.
А недруги мне просто надоели:
Их постоянство — сущая беда!

⁂

В жилище нет веселой кутерьмы.
Вдруг опустел мой дом среди зимы.
Сижу один, покинутый друзьями,
Которым летом что-то дал взаймы.

⁂

На арбакчи* напрасно не кричи,
Не спорь с ним, не ругайся, помолчи!
Когда бы мы платили по тарифу,
Давно б уже исчезли арбакчи!

---

* Арбакчи — водитель арбы.

ФРАЗЫ

- *Впал в счастливое детство.*
- *Так боялся ответственности, что подделывал собственную подпись.*
- *Рядовой литературного фонда.*
- *Даже в реанимации твердил: «Не учите меня жить!»*

Андрей КРЫЖАНОВСКИЙ

Эдуард ЛУЗЫРЕВ

ЗАГРАНКОМАНДИРОВКА

КОГДА я вернулся из Японии, меня окружили сослуживцы.

— Ну, как там? — спросил Саша Шмелев, длинный, как жердь, инженер.

— На заводе мы были два раза. Японцы извинялись, что, к сожалению, не могут показать оборудование в действии, так как привозили нас в обеденный перерыв, — начал я.

Вбежала секретарша Танечка:

— Вас просит директор.

В коридоре меня догнал Стрельцов. Глаза у него были, как у помешанного, и вообще, вид был странный:

— Помоги! Год не могу пробить рацуху!

— Не понял, — говорю.

— Рацпредложение не могу протолкнуть! — он схватился за мое плечо. — Черт с ними, с деньгами. Только бы в дело пошло!

— ?

— Десять раз уже я пробовал — получается отлично! Нужно вместо кислорода к установкам подвести азот... Скажи директору, что видел за границей.

— А-а, наш посол прибыл! — распахнул объятия директор. — Что новенького?

— Привезли нас на завод в обеденный перерыв, — начал я. — По цехам провели чуть ли не бегом. Но я кое-что приметил...

Директор с главным инженером оживились.

— Вижу — стоят установки нашего типа. К ним подходят трубы желтого цвета. Азот подводят, оказывается.

Директор и главный инженер переглянулись...

Через два дня наш завод работал на азоте.

БЕДНЫЙ НАЗАР

А. КАШТАНОВ

ЛЕСНИК Назар Кузькин вернулся с симпозиума и сказал жене:

— Так вот, мать, нынче новая установка насчет волков. Разводить их будем. Так-то, мать.

— На экспорт, что ли? — спросила жена.

— Пока только для местных целей.

— Ага,— сказала жена.— Оно и правильно. Своевременно. Только зачем? Или не говорили?

— Говорили, мать. В научных журналах пишут, что равновесие в природе надо поддерживать. Волк — он санитар леса. Нет волка — от зайца плохое потомство. Хиреет заяц. И олень пошел не тот...

— Что же тебе будет, Назарушка? — запричитала жена. — Ты ж всех волков поубил!

— Но я один бил. Все били. А теперь волк — прогрессивный элемент в лесу. Плохо, что на развод не дали ничего. Изыскивайте из собственных резервов, говорят.

— Так кто ж мог знать, кто ж думать мог! Теперь поди найди хоть одного.

— Быть такого не может, чтобы им единого не осталось, — сказал Назар. — Волки — они не зайцы. Они живучи.

Взял Назар ружье и пошел в лес. Жизнь в лесу своим чередом идет, не слишком весело, но и не голодно. Зайцы в траве гуляют, иные спят, иные подремывают. Все косые.

— Как жизнь? — спрашивает Назар у одного зайца.

— Хороша, — говорит заяц.

— Мало ты бегаешь, — замечает Назар. — Инфаркт будет.

— Я бегаю, — обижается заяц.

— Ты, косой, видеть, и слыхом не слыхал, что такое бегать. Не бегаешь ты, а ползаешь, косой. Вот это как называется.

— Не хуже я других.

— Заяц, а ты знаешь, что такое волк?

— Как-нибудь грамотные. Волк — это хищник. У нас в лесу их быть не может.

— Найди мне хоть одного.

— Нет их у нас, Назар Аверьянович! Как мне их искать? Я и бегать не умею. У меня уже две инфаркта было.

Сплюнул Назар и пошел прочь, стараясь не замечать, как за его спиной зайцы зашептались, захихикали. День ходит он, два и вдруг видит: лежит под кустом волк и ест траву.

— Привет! — обрадовался Назар. — Как жизнь?

— Хороша, — говорит волк и жмурится от удовольствия: мол, так ему трава понравилась.

— Ты кто ж такой? — спрашивает Назар. — Что-то я тебя не помню.

— Где ж вам, Назар Аверьянович, всех зайцев упомнить?

— А ты разве заяц?

— Не обижайте меня, Назар Аверьянович. Кто же я тогда, если не заяц?

Понял Назар — с волком работу надо проводить, иначе никак не признается. Стал ему рассказывать: волки нужны.

Волк выслушал и опять свое:

— Правильно все, Назар Аверьянович, но только заяц я.

— Вот что, заяц, — рассердился Назар. — У всех будет лес как лес, а у меня из-за твоих штучек все зайцы, вместо того чтобы бегать, будут косые ходить от темноты своей? Не быть тебе зайцем! Пишу волком, и никаких разговоров!

Завыл волк, но Назар больше слушать его не стал.

И вот вечером сидит он дома, обдумывает положение в своем лесу и слышит: за окном собаки забрехали, с цепей рвутся. Вышел — стоит волк с бутылкой. Шугануть бы, да время такое, что приходится с ними считаться.

— Ладно уж,— сказал Назар.— Заходи.

Усадил гостя, тот — бутылку на стол, жалостно посмотрел на хозяина и начал:

— Вы, Назар Аверьянович, начальник, вам писать. Пишите волком. Только заяц я. Мне терять нечего, я вам всю жизнь свою могу рассказать. Несладкая это жизнь. Из волков я, это верно. Не моя в том вина. Но в душе я всегда был зайцем, заячья у меня душа, заячий язык, заячьи мысли. Больше мамы с папой я зайцев любил. Вот и стал писать — из зайцев. Сперва желудок болел от травы. А потом попривык. Теперича, кроме травы, ничего в рот взять не могу и не хочу. Сами зайцы меня зайцем кличут. А клыков — гляньте, Назар Аверьянович, — клыков ни единого нет.

Волк разлил водку по стаканам и взял для закуски морковку.

МИНСК

ИЗ ЦИКЛА «РАССКАЗИКИ»

Лев КОРСУНСКИЙ

СОСЕД

Увидал я на стенде объявление: «Меняю две комнаты на одну» — и обрадовался. Давно я мечтаю в двух комнатах поселиться.

Пошел, посмотрел: действительно, две комнаты, большие, хорошие, и в квартире всего один сосед. И они посмотрели мою комнатушку — тоже понравилась. Решили меняться. И тут я задумался: «А почему же они все-таки меняются? Может, сосед негодяй? Надо проверить».

Подошел я к нему на кухне, испытующе посмотрел на него и предложил:

— Может, выпьем?

— Я не пью, — ответил сосед.

— А в карты сыграем?

— Я не играю.

— Тогда, может, на бега сходим?

— Я и на бега не хожу.

— Постучим в домино?

— Я не стучу.

Чем же он тогда занимается? Опасный человек. Не буду я с ними меняться.

НАДЕЖДА

Получил Крылов квартиру и затосковал: не осталось у него после этого ни одной надежды.

Мечтал он когда-то купить холодильник — и купил.

Мечтал жениться на Ниночке — и женился. А сейчас и квартиру получил.

«На что же мне теперь надеяться?» — задумался Крылов.

Купил он лотерейный билет и стал ждать, когда «Волгу» выиграет.

Ждал, ждал — и выиграл.

А как жить дальше, непонятно.

ИГРА

— Если угадаешь, в какой у меня руке бумажка, — сказал Коля Грише, — ты мне даешь щелчок, а не угадаешь — я тебе.

Гриша не угадал и получил щелчок.

Все засмеялись.

Потом Коля не угадал и получил щелчок.

Тоже посмеялись.

Вошел Николай Петрович.

— Перекур закончен, — сказал он, — все к синхрофазотрону.

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ «КЛУБА ДС»

Евг. САЗОНОВ В ПЕРМИ

Недавно проездом из Малеевки в Сан-Франциско в г. Перми побывал известный писатель Евг. Сазонов. Узнав об этом, наш корреспондент Ю. Александров срочно вылетел в Пермь, где ему удалось связаться с писателем из телефона-автомата.

— Какова цель вашего приезда? — был первый вопрос.

— Как и многие великие люди, особенно в области балета, я родился в Перми, — ответил людоед и душелюб. — С детства я увлекался балетом, я, как только достиг значительных успехов, меня перевели в Москву. Правда, [illegible] не получился, и пришлось стать просто большим писателем.

— Извините за нескромность: каковы ваши творческие планы?

— Моя мечта — поставить балет «Бурный поток». На роль Анны я предлагаю Надежду Павлову. Ну, а Федор... Пожалуй, тряхну стариной, — задорно сказал великий писатель.— Пожалуй, эта роль по плечу мне. Я уже представляю себе па-де-де Анны и Федора на заседании педсовета.

— Что-нибудь понравилось вам в городе?

— Да, очень. Мне удалось побывать на спектакле «12 стульев», поставленном эстрадной студией местного дворца культуры по материалам 16-й страницы «ЛГ». Приятно отметить, что режиссер спектакля И. Чарновский любит «Литературку», хотя и окончил Политехнический институт. И вообще, все авторы спектакля — члены клуба «12 стульев» «Литературной газеты». [illegible], А. Эйдельман, П. Аймла, Г. Дробиз, Н. Елин, В. Кашаев, А. Курляндский, А. Хайт и другие — все писатели, хотя и не такие гениальные, как я.

— Если мне не изменяет память, вы родом из другого города.

— [illegible] на это право. Пусть победит сильнейший.

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● В МИРЕ СЛОВ

Пословицу «По одежке встречают, по уму провожают» опроверг вчера ревизор Э. Леска. Сотрудники универмага «Веска» проводили его очень хорошо.

● ПАМЯТКА ИНТУРИСТУ

Если вы идете из Шереметьева в «Националь», Останкинская башня должна все время оставаться слева. сор.

● ИЗ СТАРЫХ РЕЦЕПТОВ

Кашу маслом не испортишь.

○ ОБЪЯВЛЕНИЕ

Ежедневно до 19 часов техник Буковского телевизионного ателье В. Дрымочкин производит хорошее впечатление.

ПАНЕГИРИК «КЛУБА ДС»

«ЕСЛИ ПАМЯТЬ МНЕ НЕ ИЗМЕНЯЕТ...

...то завтра Григорию Ефимовичу Рыклину — 80 лет», — подумав администрация «Клуба ДС», перелистывая очередную — страшно подумать, какую по счету — книжку писателя под названием «Если память мне не изменяет...» (издательство «Советский писатель»).

Внимательно ознакомившись с веселыми, тонкими и умными воспоминаниями ветерана нашего цеха, администрация убедилась, что сатирику есть что [illegible].

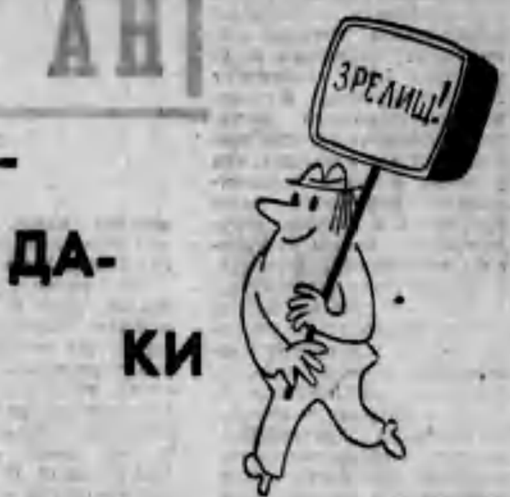
55 лет работы в советской печати... Фельетонист «Правды», «Известий», главный редактор «Крокодила»; [illegible] встречи, сотни исписанных блокнотов...

«В своих писаниях я всегда стремился отразить [illegible] день нашей [illegible]. Я стремился показать, [illegible] советская печать [illegible] с недостатками [illegible], как она [illegible] достойных слов [illegible] и [illegible]», — пишет [illegible].

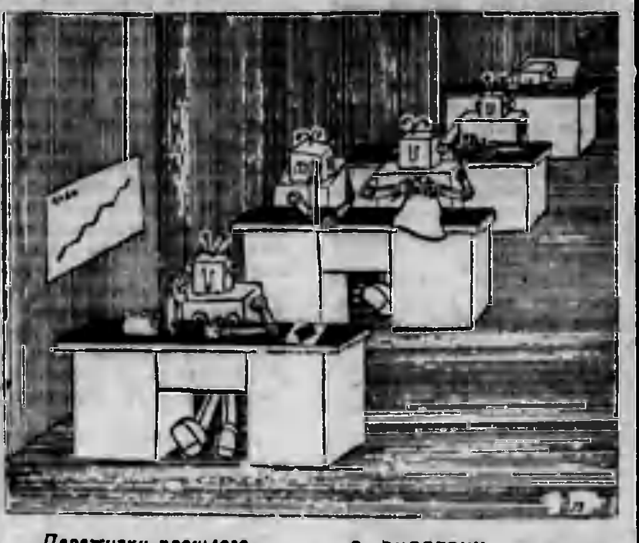
По традиции, [illegible] «ЛГ», в «Клубе ДС» [illegible] критик [illegible] Григорий Ефимович [illegible] проводит с администрацией несколько минут (или десятков минут) в теплой, непринужденной и полезной беседе. Заключая этот панегирик, администрация, проведя тайное голосование, ответственно заявляет: «Мы вас любим, товарищ!»

Портрет юбиляра выполнен И. МАКАРОВЫМ

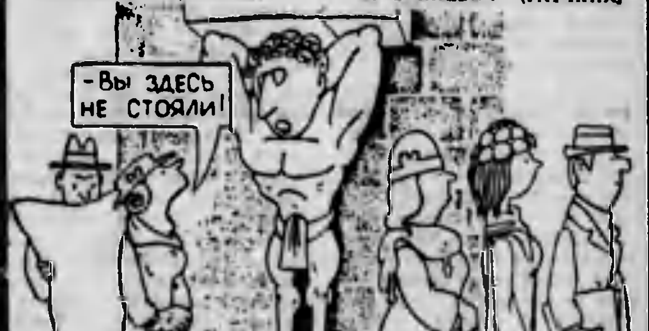
ЧУДАКИ



В. ВЛАДОВ



Пережитки прошлого. В. БИЛЛЕВИЧ (ГАТЧИНА)


-ВЫ ЗДЕСЬ НЕ СТОЯЛИ!

С. АШМАРИН (СВЕРДЛОВСК)

ФОТОАТЕЛЬЕ

Администрация «Клуба ДС» привыкла добросовестно платить долги. А, оказывается, по разделу «Фотоателье» в этом смысле не все в порядке. Снимок Г. Дубинского («ЛГ», № 51, 1973) по недосмотру администрации остался вне поля ее зрения. Хотя, надо сказать со всей честностью и бескомпромиссностью, администрация очень любит куриные яйца (особенно сырые) и поэтому никак не может понять причину своей халатности.

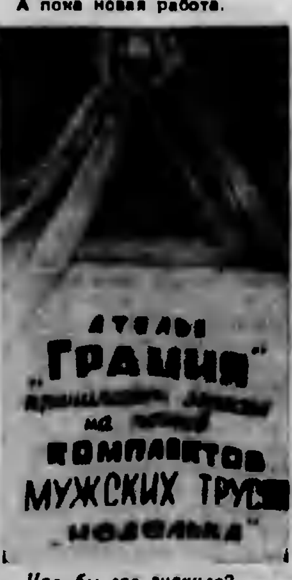
Но исправляем досадный пробел и платим последний долг за прошлый год.

Итак, наиболее удачные подписи:

«Чужая родня» (А. Меркулов, Хабаровск). «А жизнь проходит мимо» (Ю. Дзгоев, Ленинград). «Освобожденный бригадир несушек» (Г. Молодцов, Волжский Волгоградской обл.). «Никакой лирики — одна автоматизация» (А. Савченко, Ялта). «Семейный портрет» (А. Трунилин, Свердловск). «Четвертый квартал» (Н. Суртов, Ленинград). «Жертва аврала» (Н. Меламед, Новосибирск). «Счастливый отец у роддома» (С. Ногач, Ростов-на-Дону). «Каждому петуху — личное клеймо» (И. Файвушович, Ленинград). «А говорят: один в поле не воин» (В. Чугай, Ворошиловград). «Заинтересованная личность» (А. Михлин, Речица Гомельской обл.). «Яичницу сделаю из тех, кто собирается в табака!» (Е. Гарвева, Алма-Ата). «Отец-одиночка» (С. Сазонов, Спирово Калининской обл.). «Жертва эмансипации» (Н. Колковнов, Подольск Московской обл.). «Земфира неверна!» (А. Дробот, пос. Новостройка Московской обл.).

Остальные подписи, как говорят про яйца, — «бой». На этом администрация ставит точку.

А пока новая работа.



Что бы это значило?

Фото Л. ЛКУВОВСКОЙ (РОСТОВ-на-ДОНУ)

ПЕРЕВОДЫ [illegible]

Мэтью ПРАЙОР,
английский поэт
(1664—1721)

Ответ

Вы важно изрекли:
«Иной поэт — дурак!»
Не стану спорить, сэр.
Возможно, что и так.
Но вы — пример того,
сомнений в этом нет,
Что вовсе не всегда
иной дурак — поэт!

Кит ПРЕСТОН,
американский поэт
(1884—1927)

Из тезисов об остряках

Как бы смешно
ни пошутил остряк,
С другими
сам
не должен хохотать:
Какой бы ни был трижды
злой табак,
Но табакерка
не должна чихать.

Перевел с английского Вадим ЛЕВИН

Евгений ШАТЬКО

ПРИШЕЛЕЦ-73

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ЧАСТЕЙ,
опубликованных в №№ 2 и 5

Пришелец Гяоус прилетает на Землю с планеты Рюм, где царит сверхцивилизация. Гяоус остается жить на Земле, так как он полюбил простую женщину Дашу. Гяоус похож на ее бывшего мужа Ефима Тишкина. С планеты Рюм прилетают за Гяоусом два высших бессмертных существа: Лур и Марзук. По ошибке они хватают не Гяоуса, а Тишкина и увозят его к себе на планету. Оказавшись на планете Рюм, Тишкин знакомится с бывшей супругой Лура, которая томится от голубого существования, лишенного обычных человеческих радостей, страстей и забот. Лур подозревает, что Тишкин не житель Рюма, а землянин...

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Едва Лур удалился, в дверях показался сутулый робот, похожий на старый автомат для размена монет. Подойдя, он достал пузырек с пульверизатором и, не спрашивая, попрыскал в лицо Ефиму голубой кислой струей. Тишкин пригладил выгоравшие вихры, сожалея, что нет зеркала. Робот с готовностью повернулся к нему полированной спиной. Тишкин поглядел на свое отражение: лицо стало неземное, лиловое, как после получки.

«Надо бы завязать контакт с трудящимся», — подумал Тишкин и сунул пятнадцать копеек роботу в прорезь на облезлом темени. Монета, однако, выпрыгнула обратно.

«Сервис у них без дураков», — подумал одобрительно Тишкин, без всякого ключа крепкими пальцами он довернул на плече у робота ржавую гайку.

— Эх, Вася, плохо за тобой доглядывают. Где живешь-то, хорош? — спросил он заботливо.

Робот затряс головой — видно, строго приказали молчать, — сгорбясь затрусил к выходу, а на спине у него вспыхнула и мгновенно погасла надпись: «Химический тупик, 16. Заходи!»

...Неожиданно левая стороне зала распалась, и перед Тишкиным открылась площадь, по которой сновали мелкорослые рюмяне, все в серых хитонах, как ветеринары.

Тишкин вышел наружу, задрал голову. Страшно высоко в черное небо — на километры — вздымались узкие, как сосульки, дома. Ни животины какой, ни киосков, ни кустика — одна геометрия, пластик, плазма, плюнуть некуда.

Мимо Тишкина, громыхнув, как старое ведро, пробежал давешний робот Вася. На спине у него вспыхнула надпись: «Чего стал? Двигай за мной».

Тишкин следом за роботом свернул в тупичок. Они не заметили, что из канализационного люка высунулся встрепанный Лур... Они спустились в подвальное помещение, где по-родному пахло кошками. Около двери робот Вася включил на спине у себя надпись: «Покараулю тут».

Тишкин открыл дверь и зашел в комнату, освещенную допотопной электролампочкой. Над диваном-кроватью висел портрет Лура, еще молодого, курчавого, с усами.

Из соседней комнаты вдруг выплыли три смутные фигуры. Тишкин узнал Эйлурию по косынке, которую она повязала на лоб до бровей, а-ля Даша.

— О, как мы ждали тебя, свет мой слесарь! — проговорил певучий голос Эйлурии, и у нее проступили глаза и родинка на щеке.

— Этот часто захаживает? — спросил Тишкин, указывая на портрет усатого Лура.

Голос Эйлурии сломался, как льдинка:

— Мы были почти счастливы в этом уголке двести лет назад. Он был нежен, приносил цветы, фарш... Но все рухнуло! Его отняли у меня химия и теория игр!

— Да его сразу было видно, что игрок! — сказал Тишкин. — Много продувал?

— Они рассчитали с Марзуком жизнь каждого рюмянина по секундам: когда ему смеяться, когда спать, какие видеть сны. Они управляют всей планетой и каждым рюмянином из отвратительного синего ящика.

— Ишь, артисты... А где этот хитрый ящичек?

— Это страшная тайна. Ящик постоянно перепрятывает сам Лур. Кто пытается не подчиниться ящику, тот постепенно исчезает! Вот мы таем и скоро станем, как дым... И тебя они рассеют, Фима!

Тишкин сложил кривую черную фигу и показал в пространство, вероятно, Луру:

— Видали, синие черти! Вы у меня сперва сами в свой ящик сыграете! Эх, девочки, а вы-то чего тут сидите, понапрасну линяете?

— О, нет! — живо возразила Эйлурия.— Здесь родник жизни, оазис! Только здесь еще можно постирать, пошить, повозиться у печи, спасти свою женственность.

— Ладно, пора этот гнусный ящик найти,— сказал Тишкин, направляясь к двери и закричал: — Эй, Василий, идем в разведку!

Эйлурия легко подбежала, тронула Ефима за плечо и от волнения стала видна вся, до пяток.

— Ты поведешь на дорогу заштопать твой пиджак и почистить сапоги? — застенчиво попросила она.

«Эх, и тут от их не отобьешься», — подумал Тишкин, неохотно снимая пиджак.

Бесплотные девицы с радостным урчанием выхватили пиджак и унеслись с ним в соседнюю комнату.

— А я для тебя испекла пирожок, — краснея, сказала Эйлурия и сняла полотенце с пирога на стола.

Кривой, неуклюжий пирог был украшен надписью: «Тишк».

— Большое мерси, — сказал Тишкин. — Возьму в дорогу.

— А еще я приготовила такой напиток, такой субстрат.

— Субстрату налей, — согласился Тишкин. Но, попробовав его из синей колбы, заметил со вздохом: — Эдакого много не выпьешь, Лукерья.

В эту секунду за наружной дверью послышались шум, глухие удары и жестяной грохот, — видимо, упал верный Вася...

— Беги, я узнаю почерк Лура! — воскликнула Эйлурия, открывая потайную дверцу за шкафом.

Прихватив со стола колбу с субстратом, Тишкин шагнул в тайник. Дверь снаружи распахнулась, и в комнату вбежал Лур, держа что-то под мантией. Дикий взгляд его уперся в Эйлурию.

— Ты должна быть невидима! — зарычал он и, ослепленный ее светоносной шеей и грудью, прикрыл свои глаза тощей ладонью, точно от пламени доменной печи. — Закройся! Закрой хоть ноги! Почему ты видима?

Эйлурия всплеснула тонкими, как фиалка, руками:

— Почему? А ты посчитай, рассчитай, вычисли причину, ходячий арифмометр!

— И вычислю! — зарычал Лур и вытащил из-под мантии портативную электронно-вычислительную машину.

Он включил машину; она заработала с таким напряжением, что от нее полетели искры и болты. На табло вспыхнула надпись:

«Эйлурия любит Ефима Тишкина. Бедный, бедный Лурик!»

Лур отбросил машину и сказал со стоном:

— Эйлурия, вечерняя звезда моего утра, любит какого-то пожарника с гармошкой! Это нонсенс!

Неожиданно из соседней комнаты выплыл пиджак Тишкина, который бережно несли несчастные невидимки.

Лур выхватил у них пиджак, швырнул на пол и начал топтать, выкрикивая:

— Нонсенс, нонсенс!

И тогда из-за шкафа вышел Тишкин в рубашке-ковбойке.

— Подними вещь, химик,— сказал он сердито. — Твой нонсенс не придет, не зови. И доставай-ка ящичек из-под своей попоны!

(Продолжение следует)

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП Москва И Цветной бульвар 30 Телефон для справок 295-00-00 доб 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Б. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—01008 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 143 ИНДЕКС 50067